

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

**Король
российского
нуара**

**Владимир
Михайловский**

**Следствие,
которое
ищет
убийцу**

ASSISTANT COMMISSONER
JOHN DICES

Annotation

Тут показан замечательный и неповторимый детектив. Действие происходит не в России. Но это даже лучше и круче!

Владимир Михайловский

Следствие, которое ищет убийцу

Критянин повернул через ворота в высокой кирпичной стене, окружающей дом возле Риджентс-парка, шагнул в кустарник, сливаясь с тенями. Он взглянул на светящийся циферблат своих часов. Без десяти минут семь, что означало, что у него было немного времени в запасе.

На нем была темная куртка-анорак, из кармана которой он достал маузер с выпуклым глушителем на конце ствола. Он проверил действие и сунул его обратно в карман.

Дом был достаточно внушительным, чего и следовало ожидать, поскольку он принадлежал Максвеллу Джейкобу Коэну — Макс Коэну для его друзей. Помимо всего прочего, председатель крупнейшего производителя одежды в мире, один из самых влиятельных евреев в британском обществе. Человек, которого любили и уважали все, кто его знал.

К сожалению, он также был ярым сионистом, что является значительным недостатком в глазах определенных людей. Не то чтобы это беспокоило критянина. Политика была чепухой. Игры для детей. Он никогда не задавал вопросов о цели, только о деталях, и в этом случае он тщательно их проверил. Там были Коэн, его жена и горничная — больше никого. Остальные слуги выжили.

Он достал из кармана черный шлем-балаклаву, который натянул на голову, оставив открытыми только глаза, нос и рот, затем натянул капюшон куртки, вышел из кустарника и направился к дому.

Мария, испанская горничная Коэнов, была в гостиной, когда раздался звонок в дверь. Когда она открыла его, она испытала сильнейший в своей жизни шок. Призрак перед ней держал пистолет в правой руке. Когда губы шевельнулись в непристойном разрезе на шерстяном шлеме, он несколько хрипло заговорил по-английски с сильным иностранным акцентом.

— Отведите меня к мистеру Коэну. Мария открыла рот, чтобы возразить. Пистолет был угрожающе вытянут, когда критянин вошел внутрь и закрыл за собой дверь. — А теперь быстро, если хочешь жить.

Девушка повернулась, чтобы подняться по лестнице, и критянин последовал за ней. Когда они шли по лестничной площадке, дверь спальни открылась, и появилась миссис Коэн. Она жила со страхом перед такого рода вещами уже несколько лет, увидела Марию, человека в капюшоне, пистолет и рефлекторно отскочила назад в спальню. Она захлопнула и заперла дверь, затем подбежала к телефону и набрала девять-девять-девять.

Критянин подтолкнул Марию вперед. Горничная споткнулась, потеряв туфлю, затем остановилась у двери кабинета своего хозяина. Она поколебалась, затем постучала.

Макс Коэн ответил с некоторым удивлением, потому что это было строгое правило дома, что его никогда нельзя беспокоить в его кабинете до восьми вечера. Он осознал, что Мария стоит там, без одной туфли, с ужасом на лице, а затем ее оттащили в сторону, и появился критянин с пистолетом с глушителем в руке. Он кашлянул один раз.

Макс Коэн в молодости был боксером, и на мгновение мне показалось, что я снова на ринге. Хороший сильный удар в лицо, который сбил его с ног. А потом он лежал на спине в кабинете.

Его губы пытались сформировать слова самой распространенной еврейской молитвы,

которую читает любой еврей, последней молитвы, которую он произносит перед смертью. Слушай, 0 Израиль. Господь, Бог наш, Господь един. Но слова отказывались приходить, и свет очень быстро угасал, а потом была только тьма.

Когда критянин выбежал из парадной двери, в конце улицы появилась первая полицейская машина, которая ответила на звонок, и он услышал, как другие быстро приближаются. Он метнулся через сад в тень и перелез через стену в другой сад. Наконец, он открыл ворота, чтобы через несколько мгновений выйти на узкий переулок. Он опустил капюшон, снял шлем-балаклаву и поспешил прочь.

Его описание, полученное от горничной экипажем первой полицейской машины, прибывшей на место происшествия, уже передавалось по радио. Не то, чтобы это имело значение. Пара сотен ярдов, и он затерялся бы в зелени Риджентс-парка. Прямо до станции метро на другой стороне, пересадка на Оксфорд-серкус.

Он начал переходить дорогу, раздался визг тормозов. Чей-то голос позвал: «Эй, ты!»

Это была полицейская машина, один быстрый взгляд сказал ему об этом, а затем он нырнул в ближайший переулок и побежал. Ему, как всегда, повезло, потому что, пробегая вдоль ряда припаркованных машин, он увидел впереди человека, садящегося в одну из них. Дверь захлопнулась, двигатель завелся.

Критянин рывком открыл дверь, вытащил водителя головой вперед и прыгнул за руль. Он завел мотор, крутанул руль, смяв ближнее крыло припаркованной впереди машины, и быстро уехал, когда полицейская машина с ревом помчалась по улице за ним.

* * *

Он срезал через Вейл-роуд в Паддингтон. У него не было много времени, если он хотел оторваться от них, он знал это, потому что через несколько секунд каждая полицейская машина в этой части Лондона соберется в этом районе, плотно оцепив его.

Там был дорожный знак, стрелка указывала направо, что не оставляло ему особого выбора. Улица с односторонним движением между складами, узкая и темная, ведущая к товарной станции Паддингтон.

Полицейская машина была уже близко — слишком близко. Он увеличил скорость и увидел, что въезжает в длинный узкий туннель под железнодорожной линией, затем он заметил фигуру впереди.

Это была девушка на велосипеде. Молодая девушка в коричневом спортивном пальто, с полосатым шарфом на шее. Он заметил ее белое испуганное лицо, когда она оглянулась через плечо. Машина закачалась.

Он крутанул штурвал, задев ближним крылом стену туннеля так, что полетели искры. Это не было хорошо. Там просто не было места. Раздался глухой удар, не более того, а затем она отскочила в сторону от капота машины.

Полицейская машина резко затормозила и остановилась. Критянин продолжал идти, прямо из конца туннеля на Бишопс-Бридж-роуд.

Пять минут спустя он оставил машину на боковой улице в Бейсуотере, пересек Бейсуотер-роуд и быстро зашагал сквозь деревья через Кенсингтон-Гарденс, выйдя у Куинз-Гейт.

Когда он шел к Альберт-холлу, там была целая толпа, а к кассе стояла очередь, потому

что в тот вечер был важный концерт. Венский филармонический оркестр исполняет хорал Святого Антония Брамса, а Джон Микали исполняет Концерт Лб 2 до минор Рахманинова.

21 Июля 1972 года. Критянин закурил сигарету и стал рассматривать фотографию Микали на плакате, знаменитого парня с темными вьющимися волосами, бледным лицом и глазами, похожими на прозрачное черное стекло.

Он обошел здание с тыльной стороны. Над одной из дверей висела светящаяся вывеска с надписью «Художники». Он вошел. Швейцар в своей будке оторвал взгляд от спортивной газеты и улыбнулся.

— Вечер, сэр, сегодня холодно.

— Я знавал и похуже, — сказал критянин.

Он спустился в коридор, ведущий к задней части сцены. Там была дверь с надписью «Зеленая комната». Он открыл ее и включил свет. Это было на удивление просторно, как и раздевалки, и разумно обставлено. Единственной вещью, которая явно знавала лучшие времена, было учебное пианино у стены, старое вертикальное пианино, которое, казалось, вот-вот развалится.

Он достал маузер из кармана, открыл несесер, снял нижнюю панель и засунул маузер внутрь, чтобы его не было видно. Затем он снял куртку, бросил ее в угол и сел перед зеркалом.

Раздался стук в дверь, и в комнату заглянул режиссер. — У вас есть сорок пять минут, мистер Микали. Могу я попросить их принести тебе кофе?»

— Нет, спасибо, — сказал Джон Микали. «Кофе и я не согласны. Какая-то химическая штука, мой доктор говорит мне. Но если бы вы могли приготовить чайник чая, я был бы вам очень признателен».

«Конечно, сэр». Режиссер, направлявшийся к выходу, остановился. «Кстати, если тебе интересно, по радио только что передали новость. Кто-то застрелил Максвелла Коэна в его доме возле Риджентс-парка. Человек в капюшоне. Ушел вчистую.»

— Боже милостивый, — сказал Микали.

«Полиция думает, что это политика, мистер Коэн такой известный сионист. Он только чудом избежал смерти в прошлом году, от того письма-бомбы, которое кто-то ему прислал. Он покачал головой. «Мы живем в забавном мире, мистер Микали. Что за человек мог сделать такое?»

Он вышел, а Микали повернулся и посмотрел в зеркало. Он слегка улыбнулся, и его отражение улыбнулось в ответ.

— Ну? — спросил он.

Примерно в сорока морских милях к югу от Афин и менее чем в пяти от побережья Пелопоннеса находится остров Гидра, некогда одна из самых грозных морских держав Средиземноморья.

С середины восемнадцатого века капитаны многих кораблей сколотили огромные состояния, торгуя до самой Америки, и венецианские архитекторы были привлечены для строительства больших особняков, которые и по сей день можно увидеть в этом самом красивом из всех портов.

Позже, когда Греция пострадала от жестокого режима Османской империи, а остров стал убежищем для беженцев с материка, именно моряки Гидры бросили вызов мощи турецкого флота в войне за независимость, которая, наконец, принесла национальную свободу.

Для грека имена великих морских капитанов-гидриотов, Воциса, Томбазиса, Будуриса обладают такой же магией, как Джон Пол Джонс для американца, Роли и Дрейк для англичанина.

Среди этих имен ни одно не занимало более почетного места, чем Микали. Семья процветала в качестве блокадников, когда Нельсон командовал в Восточном Средиземноморье, предоставил четыре корабля для флота союзников, который раз и навсегда сокрушил мощь Турецкой империи в битве при Наварино в 1827 году.

Состояние, нажитое в результате пиратства и блокады во время турецких войн, умело вложенное в ряд новых судоходных линий, означало, что к концу девятнадцатого века Микалисы были одной из самых богатых семей в Греции.

И все мужчины были моряками по натуре, за исключением Дмитрия, родившегося в 1892 году, который проявлял нездоровый интерес к книгам, посещал Оксфорд и Сорбонну и вернулся домой только для того, чтобы занять должность лектора по моральной философии в Афинском университете.

Его сын, Джордж, вскоре восстановил честь семьи. Он решил посещать Школу торгового флота на Гидре, старейшую в своем роде в Греции. Блестящий и одаренный моряк, он получил свою первую команду в возрасте двадцати двух лет. В 1938 году, неугомный в поисках новых горизонтов, он переехал в Калифорнию, чтобы принять командование новым пассажирским грузовым судном для Pacific Star line, работающим на рейсе Сан-Франциско — Токио.

Деньги для него ничего не значили. Его отец перевел сто тысяч долларов на его счет в банке Сан-Франциско, значительную сумму по тем временам. То, что он сделал, он сделал, потому что хотел это сделать. У него был свой корабль, море. Не хватало только одного, и он нашел это в Мэри Фуллер, дочери школьного учителя музыки, вдове по имени Агнес Фуллер, с которой он познакомился на танцах в Окленде в июле 1939 года.

Его отец приехал на свадьбу, купил молодой паре дом у моря в Пескадеро и вернулся в Европу, где стрельба уже грохотала, как гром на горизонте.

Джордж Микали был на полпути к Японии, когда итальянцы вторглись в Грецию. К тому времени, когда его корабль совершил кругосветное путешествие и снова пришвартовался в Сан-Франциско, немецкая армия приложила к этому руку. К 1 мая 1941

года Гитлер, вмешавшись, чтобы спасти лицо Муссолини, захватил Югославию и Грецию и изгнал британскую армию, и все это за двадцать пять дней, потеряв менее пяти тысяч человек.

Для Джорджа Микали не было пути домой, и от его отца было только молчание, а затем наступило то декабрьское воскресенье, когда ударные силы Нагумо оставили от Перл-Харбора дымящиеся руины.

К февралю Микали был в Сан-Диего, принимая командование транспортным кораблем и кораблем снабжения, не сильно отличающимся от его собственного. Две недели спустя его жена, после трех лет плохого самочувствия и выкидышей, родила сына.

Микали удалось пощадить всего на три дня. За это время он убедил свою тещу, ныне директора средней школы, переехать в его дом на постоянной основе и разыскал вдову греческого моряка, который служил под его началом и погиб во время тайфуна у берегов Японии.

Ей было сорок лет, это была крепкая, крепко сложенная женщина по имени Катина Павло, критянка по происхождению, работавшая горничной в прибрежном отеле.

Он отвез ее домой, чтобы познакомить со своей женой и тещей. В своем черном платье и платке она казалась им чужой, эта невысокая, коренастая крестьянка, и все же Агнес Фуллер почувствовала к ней странное влечение.

Что касается Катины Павло, бесплодной в течение восемнадцати лет брака, ее молитвы и несколько тысяч свечей, зажженных в отчаянной мольбе к Пресвятой Деве, остались без ответа, то происходящее казалось чудом, когда она заглянула в кроватку сбоку от кровати и увидела спящего ребенка. Она нежно коснулась пальцем одной крошечной ручки. Он сжал кулак, держась так, как будто никогда не отпустит.

Это было похоже на растворение камня внутри нее, и Агнес Фуллер увидела это на темном лице и была довольна. Катина вернулась в отель за своими немногочисленными вещами и той же ночью переехала в дом.

Джордж Микали отправился на войну, снова и снова отправляясь на острова, один молочный рейс за другим, пока ранним вечером 3 июня 1945 года по пути на Окинаву его корабль не был атакован и потоплен со всем экипажем японской подводной лодкой I-367 под командованием лейтенанта Такэтомо.

Его жена, всегда слабая здоровьем, так и не оправилась от шока и умерла два месяца спустя.

Катина Павел и бабушка мальчика продолжали воспитывать его между собой. У двух женщин было необычайное инстинктивное понимание, которое сближало их, когда дело касалось мальчика, поскольку не было никаких сомнений в том, что обе глубоко любили его.

Хотя обязанности Агнес Фуллер в качестве директора школы на Хауэлл-стрит оставляли ей мало времени для преподавания, она все еще была пианисткой высокого уровня. Поэтому она смогла оценить важность того факта, что у ее внука был идеальный слух в возрасте трех лет.

Она сама начала учить его игре на фортепиано, когда ему было четыре года, и вскоре стало очевидно, что в ее руках редкий талант.

Это был 1948 год, прежде чем Дмитрий Микали, теперь вдовец, смог снова совершить поездку в Америку, и то, что он обнаружил, поразило его. Шестилетний внук-американец, который свободно говорил по-гречески с критским акцентом и играл на пианино, как ангел.

Он нежно усадил мальчика к себе на колени, поцеловал его и сказал Агнес Фуллер:

«Они перевернутся в своих могилах на кладбище там, в Гидре, эти старые морские капитаны. Сначала я — философ. Теперь пианист. Пианист с критским акцентом. Такой талант — от самого Бога. Это нужно лелеять. Я многое потерял на войне, но я все еще достаточно богат, чтобы позаботиться о том, чтобы он получил все, что ему нужно. На данный момент он остается здесь, с тобой. Позже, когда он немного подрастет, посмотрим.»

С тех пор у мальчика были лучшие в школе учителя музыки. Когда ему было четырнадцать, Агнес Фуллер продала дом и вместе с Катиной переехала в Нью-Йорк, чтобы он мог продолжать получать необходимый ему уровень преподавания.

Незадолго до его семнадцатилетия, однажды воскресным вечером, перед ужином, она упала в обморок от внезапного сердечного приступа. Она была мертва до того, как скорая помощь добралась до больницы.

Дмитрий Микали к тому времени был профессором моральной философии в Афинском университете. На протяжении многих лет его внук часто навещал его на каникулах, и они сблизились. Он вылетел в Нью-Йорк, как только получил новости, и был потрясен тем, что обнаружил.

Катина открыла ему дверь и приложила палец к губам. «Мы похоронили ее сегодня утром. Они не позволили бы нам больше ждать.»

— Где он? — спросил профессор.

— Ты что, не слышишь его?

Сквозь закрытые двери гостиной слабо звучало пианино. — Как он? — спросил я.

«Как камень», — сказала она. «Жизнь ушла из него. Он любил ее, — просто добавила она.

Когда профессор открыл дверь, он обнаружил своего внука, сидящего за пианино в темном костюме и играющего странную, навязчивую пьесу, похожую на листья, пронесенные ветром по вечернему лесу. По какой-то причине это наполнило Дмитрия Микали отчаянным беспокойством.

— Джон? — Он заговорил по-гречески и положил руку на плечо мальчика. «Что это ты играешь?»

«Le Pastour» Габриэля Гровле. Это была ее любимая пьеса.» Мальчик повернулся, чтобы посмотреть на него, глаза были похожи на черные дыры на бледном лице.

«Ты поедешь со мной в Афины?» — спросил профессор. — Ты и Катина. Останешься со мной на некоторое время? Разобраться с этим делом?»

— Да, — сказал Джон Микали. — Думаю, мне бы это понравилось.

Какое-то время он так и делал. Можно было наслаждаться самими Афинами, этим шумным, самым веселым из городов, который, казалось, продолжал двигаться день и ночь без остановки. Большая квартира в фешенебельном районе недалеко от Королевского дворца, где его дед проводил дни открытых дверей почти каждый вечер. Писатели, художники, музыканты, они все пришли. В частности, политики, поскольку профессор был тесно связан с партией «Демократический фронт», действительно обеспечивали большую часть финансирования своей газеты.

И всегда была Гидра, где у них было два дома; один в узких закоулках самого маленького порта, другой на отдаленном полуострове вдоль побережья за Молосом. Мальчик подолгу оставался там с Катиной, чтобы та присматривала за ним, а его бабушка за немалые деньги отправил концертный рояль Bluthner. Из того, что Катина сказала ему по телефону, его никогда не играли.

В конце концов, Микали вернулся в Афины, чтобы стоять у стены на вечеринках, всегда настороженный, всегда вежливый, невероятно привлекательный, с черными вьющимися волосами, бледным лицом, глазами цвета темного стекла, совершенно без выражения. И никто никогда не видел, чтобы он улыбался, факт, который дамы сочли наиболее интригующим.

Однажды вечером, к удивлению его дедушки, когда один из них попросил его сыграть, мальчик без колебаний согласился, сел за пианино и сыграл Прелюдию и фугу ми-бемоль Баха, блестящие, как зеркало, ледяные вещи, которые заставили всех присутствующих изумленно замолчать.

Позже, после аплодисментов, после того, как они ушли, профессор вышел к своему внуку, стоя на балконе, слушая рев утреннего уличного движения, которое, казалось, никогда не прекращалось.

«Итак, ты решил снова присоединиться к живым? Что теперь?»

— Я думаю, в Париж, — сказал Джон Микали. «Консерватория».

— Я понимаю. Концертная площадка? Это твоё намерение?»

— Если ты согласен.

Дмитрий Микали нежно обнял его. «Ты для меня все, ты должен знать это сейчас. Я хочу того, чего хочешь ты. Я скажу Катине, чтобы собиралась.»

Он нашел квартиру недалеко от Сорбонны, на узкой улочке недалеко от реки, в одном из тех деревенских районов, которые так характерны для французской столицы с ее собственными магазинами, кафе и барами. Район, где все друг друга знали.

Микали посещал консерваторию, занимался от восьми до десяти часов в день и посвятил себя исключительно игре на фортепиано, забыв обо всем остальном, даже о девочках. Катина, как всегда, готовила, вела хозяйство и хлопотала над ним.

22 февраля 1960 года, за два дня до своего восемнадцатилетия, у него был важный экзамен в консерватории, шанс получить золотую медаль. Он тренировался большую часть ночи, и в шесть часов утра Катина вышла, чтобы купить свежие булочки из пекарни и молоко.

Он только что вышел из душа, застегивал пояс халата, когда услышал визг тормозов на улице снаружи, глухой удар. Микали бросился к окну и посмотрел вниз. Катина лежала, растянувшись, в канаве, булочки были разбросаны по тротуару. Грузовик Citroen, который сбил ее, быстро развернулся. Микали мельком увидел лицо водителя, а затем грузовик скрылся за углом и уехал.

Ей потребовалось несколько часов, чтобы умереть, а он сидел в больнице у ее кровати, держа ее за руку, не отпуская, даже когда ее пальцы окоченели в смерти. Полиция была подавлена и извинялась. К сожалению, свидетелей не было, что усложняло дело, но они, конечно, продолжают поиски.

Не то чтобы в этом была необходимость, поскольку Микали достаточно хорошо знал водителя грузовика Citroen. Клод Галли, грубый грубый человек, который управлял небольшим гаражом недалеко от реки с помощью двух механиков.

Он мог бы дать полиции информацию. Он этого не сделал. Это было личное. Кое-что, с чем он должен был справиться сам. Его предки прекрасно поняли бы, потому что на Гидре веками кодекс вендетты был абсолютным. Человек, который не отомстил за зло, причиненное его собственным, сам был проклят.

И все же было нечто большее, чем это. Странное, холодное возбуждение, наполнившее

все его существо, когда он ждал в тени напротив гаража в шесть часов вечера.

В половине шестого двое механиков ушли. Он подождал еще пять минут, затем перешел дорогу ко входу. Двойные двери были открыты в ночь, «Ситроен» был припаркован лицом к улице, а позади бетонный пандус круто спускался в подвал.

Галли работал за верстаком у стены. Правая рука Микали скользнула в карман плаща и сжала рукоятку кухонного ножа, который он носил там. Затем он увидел, что есть более простой способ. Тот, который нес в себе значительную долю поэтической справедливости.

Он наклонился в кабину «Ситроена», рукой в перчатке перевел рычаг переключения передач в нейтральное положение, затем отпустил ручной тормоз. Автомобиль набрал обороты, начал катиться быстрее. Галли, как обычно, полупьяный, заметил движение только в последний момент и с криком повернулся, когда трехтонный грузовик прижал его к стене.

Но в этом не было никакого удовлетворения, потому что Катина ушла, ушла навсегда, как и отец, которого он никогда не знал, мать, которая была лишь смутным воспоминанием, его бабушка.

Он часами бродил под дождем в каком-то оцепенении, и, наконец, ближе к полуночи к нему на набережной пристала проститутка.

Ей было сорок, а выглядела она старше, вот почему она не включила свет слишком сильно, когда они добрались до ее квартиры. Не то чтобы это имело значение, потому что в тот конкретный момент Джон Макали не был уверен, что реально, а что нет. В любом случае, он никогда в жизни не был с женщиной.

Факт, который его неопытная неуклюжесть вскоре раскрыла, и с забавной нежностью, которую такие женщины часто проявляют в подобных обстоятельствах, она посвятила его в тайны так быстро, как только мог кто-либо.

Он быстро научился, оседлав ее в контролируемой ярости, раз, другой, заставляя ее кончить впервые за многие годы, стонать под ним, умоляя о большем. Потом, когда она заснула, он лежал в темноте, поражаясь той силе, которой обладал, которая могла заставить женщину поступать так, как она поступала; делать то, что она делала. Странно, потому что это имело для него мало значения, эта вещь, которую он всегда понимал, была такой важной.

Потом, когда он снова шел по улицам навстречу рассвету, он никогда в жизни не чувствовал себя таким одиноким. Когда он, наконец, пришел на центральный рынок, там царила суэта, носильщики разгружали тяжелые повозки с продуктами из страны, и все же казалось, что они движутся в замедленном темпе, как будто под водой. Он как будто существовал на отдельном плане.

Он заказал чай в круглосуточном кафе и сел у окна, выкупив сигарету, затем заметил лицо, смотрящее на него с обложки журнала на стойке рядом с ним. Стройная, жилистая фигура в камуфляжной форме, загорелое лицо, невыразительные глаза, винтовка в одной руке.

В статье внутри, когда он закрыл журнал, обсуждалась роль Иностранного легиона в войне в Алжире, которая тогда была в самом разгаре. Люди, которые всего год или два назад были забросаны камнями портовыми рабочими в Марселе по возвращении из Индокитая и вьетнамских лагерей военнопленных, снова сражались за Францию в грязной и бессмысленной войне. Писатель назвал их людьми без надежды. Мужчины, которым больше некуда было идти. На следующей странице была фотография другого легионера, наполовину приподнятого на носилках, с перевязанной грудью, пропитанной кровью. Голова была

выбрита, щеки ввалились, лицо осунулось от боли, а глаза смотрели в бездну одиночества. Для Микали это было все равно, что смотреть на свое отражение в зеркале. Он закрыл журнал. Он осторожно поставил его на подставку, затем сделал глубокий вдох, чтобы унять дрожь в руках. Что-то щелкнуло в его голове. Звуки снова всплыли на поверхность. Он осознавал раннюю утреннюю суету вокруг него. Мир вернулся к жизни, хотя он больше не был его частью, и никогда им не был.

Боже, но ему было холодно. Он встал, вышел и быстро зашагал по улицам, засунув руки глубоко в карманы.

Было шесть часов утра, когда он вернулся в квартиру. Он казался серым и пустым, лишенным всякой жизни. Крышка пианино была открыта, ноты все еще стояли на подставке, как он их и оставил. Он пропустил экзамен, но сейчас это не имело значения. Он сел и начал медленно и с большим чувством играть ту запоминающуюся маленькую пьесу «Пастер» Гровлеза, которую он играл в день похорон своей бабушки в Нью-Йорке, когда приехал Дмитрий Микали.

Когда затихли последние ноты, он закрыл крышку пианино, встал, подошел к бюро и достал свои паспорта, греческий и американский, поскольку у него было двойное гражданство. Он в последний раз оглядел квартиру, затем вышел.

В семь часов он был в метро по пути в Венсен. Оказавшись там, он быстро зашагал по улицам к Старому форту, вербовочному центру для Иностранного легиона.

К полудню он сдал свои паспорта в качестве подтверждения личности и возраста; прошел строгий медицинский осмотр и подписал контракт, обязывающий его служить в течение пяти лет в самом знаменитом полку любой армии в мире.

В три часа следующего дня в компании трех испанцев, бельгийца и восьми немцев он был на пути поездом в Марсель, в форт Святого Николая.

Десять дней спустя, вместе со ста пятьюдесятью новобранцами и рядом других французских солдат, служивших в то время в Алжире и Марокко, он покинул Марсель на военном корабле, направлявшемся в Оран.

И 20 марта он прибыл в свой конечный пункт назначения. Сиди-бель-Аббес, все еще центр, как это было почти столетие, всей деятельности Легиона.

Дисциплина была абсолютной, тренировки жестокими по своей эффективности и разработанными только с одной целью. Производить лучших бойцов в мире. Микали бросился в бой с яростной энергией, которая с самого начала привлекла к нему внимание начальства.

Когда он пробыл в Сиди-бель-Аббесе несколько недель, однажды его забрали в бюро Deuxieme. В присутствии капитана ему вручили письмо от его деда, которому сообщили о его местонахождении, с просьбой пересмотреть принятое им решение.

Микали заверил капитана, что он совершенно счастлив там, где он находится, и его попросили написать письмо своему дедушке, сказав об этом, что он и сделал в присутствии капитана.

В течение последующих шести месяцев он совершил двадцать четыре прыжка с парашютом, был обучен использованию всех видов современного оружия, был тренирован до пика физической подготовки, о которой он никогда бы не мечтал. Он показал себя отличным стрелком как из винтовки, так и из пистолета, а его оценка в рукопашном бою была самой высокой в своем классе, что заставило товарищей относиться к нему с большим уважением.

Он мало пил и посещал городской бордель лишь изредка, но женщины там соперничали за его внимание, обстоятельство, которое давно перестало его интриговать и все еще оставляло его в высшей степени равнодушным.

Он был младшим капралом, прежде чем увидел свое первое сражение в октябре 1960 года, когда полк двинулся в горы Раки, чтобы атаковать крупные силы феллага, которые контролировали этот район в течение нескольких месяцев.

На вершине холма, который был практически неприступен, находилось около восьмидесяти повстанцев. Полк предпринял лобовую атаку, которая была только на первый взгляд самоубийственной, потому что в решающий момент сражения 3-я рота, в которую входил Микали, была сброшена на вершину самого холма вертолетом.

Последовавший за этим бой был кровавым, рукопашным, и Микали отличился, выбив пулеметный пост, на который приходилось более двух десятков легионеров, и некоторое время казалось, что это может все испортить.

Позже, когда он сидел на камне и перевязывал рану на правой руке бинтом полевой службы, мимо него, безумно смеясь, проковылял испанец, держа в одной руке за волосы две головы.

Раздался выстрел, и испанец с криком упал лицом вперед. Микали уже поворачивался, сжимая свой пистолет-пулемет, стреляя с одной руки в двух феллагов, которые поднялись из кучи трупов неподалеку, сбив их обоих с ног.

Он некоторое время стоял на склоне холма, ожидая, но больше никто не двигался. Через некоторое время он сел, зубами затянул повязку на руке и закурил сигарету.

В течение последующих двенадцати месяцев он сражался в переулках самого Алжира, трижды ночью спускался с парашютом в горы, чтобы неожиданно атаковать силы повстанцев, и неоднократно выживал в засадах.

У него была нашивка за ранение и военная медаль, к марту 1962 года он был старшим капралом. Он был древним, то есть таким легионером, который мог прожить месяц на четырехчасовом сне в сутки и при необходимости пройти тридцать миль в день в полном снаряжении. Он убивал мужчин, он убивал женщин, даже детей, так что факт смерти ничего для него не значил.

После награждения его на некоторое время уволили с действительной службы и отправили в школу партизанской войны в Кефи, где он узнал все, что нужно было знать о взрывчатых веществах. О динамите, тротиле, пластике и о том, как сделать эффективную мину-ловушку десятками разных способов.

1 июля он вернулся в полк после окончания курса и сел в грузовик с припасами. Когда они проезжали через деревню Касфа, сто фунтов динамита, взорванные с помощью какой-то формы дистанционного управления, разнесли грузовик пополам. Микали обнаружил, что стоит на четвереньках на деревенской площади, чудом оставшись в живых. Он попытался встать, раздался грохот автомата, и ему дважды выстрелили в грудь.

Лежа там, он видел, как водитель грузовика слабо дергается по другую сторону горящих обломков. Вперед вышли четверо мужчин с разнообразным оружием. Они стояли над водителем, смеясь. Микали не мог видеть, что они делали, но мужчина начал кричать. Через некоторое время раздался выстрел.

Они повернулись к Микали, который с трудом принял сидячее положение, прислонившись к деревенскому колодцу, засунув руку под камуфляжную куртку, сквозь которую сочилась кровь.

— Не слишком хорошо, а? — сказал лидер маленькой группы по-французски. Микали увидел, что нож в левой руке мужчины был мокрым от крови.

Микали улыбнулся впервые после смерти Катины. — О, могло быть и хуже.

Его рука вылезла из-под блузы, сжимая «Смит и Вессон Магнум», оружие, которое он приобрел на черном рынке в Алжире несколько месяцев назад. Его первый выстрел раздробил верхнюю часть черепа мужчины, второй попал тому, кто был позади него, между глаз. Третий мужчина все еще пытался поднять винтовку, когда Микали дважды выстрелил ему в живот. Четвертый в ужасе выронил оружие и повернулся, чтобы убежать. Последние два выстрела Микали раздробили ему позвоночник, и он полетел головой вперед в горящие обломки грузовика.

За окном, сквозь дым, жители деревни в страхе покидали свои дома. Микали разрядил «Смит-и-вессон», с трудом достал из кармана горсть патронов и очень осторожно перезарядил. Человек, которого он ударил в живот, застонал и попытался встать. Микали выстрелил ему в голову.

Он снял берет, прижал его к ранам, чтобы остановить кровотечение, и сел там, прислонившись к колодцу, с револьвером наготове, вызывая жителей деревни приблизиться к нему.

Он все еще был там, в сознании, окруженный только мертвыми, когда патруль Легиона нашел его час спустя.

Что было довольно иронично, потому что на следующий день, 2 июля, был День независимости, и семь лет борьбы закончились. Микали был доставлен самолетом во Францию в военный госпиталь в Париже для специализированной операции на грудной клетке. 27 июля он был награжден Крестом Военной доблести. На следующий день приехал его дедушка.

Сейчас ему было семьдесят, но он все еще выглядел подтянутым и здоровым. Он довольно долго сидел у кровати, глядя на медаль, а затем мягко сказал: «Я переговорил со штабом Легиона. Поскольку тебе еще нет двадцати одного года, похоже, что при должном давлении я мог бы добиться твоего увольнения.»

«Да, я знаю».

И его дед, используя фразу, которую он произнес тем летним вечером в Афинах почти три года назад, сказал: «Похоже, ты решил снова присоединиться к живым?»

— Почему бы и нет? Ответил Джон Микали. «Это лучше, чем умирать каждый раз, и я должен знать».

Он получил впечатляющую справку о хорошем поведении, в которой говорилось, что старший капрал Джон Микали прослужил два года в рядах *honneur et fidelite* и был досрочно уволен по медицинским показаниям.

В этом было больше, чем немного правды. Две пули в груди серьезно повредили левое легкое, и он попал в Лондонскую клинику для операции на грудной клетке. После этого он вернулся в Грецию, но не в Афины, а на Гидру. На виллу за Молосом, на мысе над морем, за которым только горы и сосновые леса. Дикая, дикая страна, доступная только пешком или на муле по суше.

Чтобы присматривать за ним, он держал старую крестьянскую пару, которая жила в коттедже у причала в бухте внизу. Старый Константин управлял лодкой, при необходимости доставлял припасы из города Гидра, следил за состоянием территории, водоснабжением, генератором. Его жена выполняла обязанности экономки и повара.

В основном он был один, за исключением тех случаев, когда его дедушка приезжал погостить. Они сидели по вечерам с пылающими в очаге сосновыми поленьями и часами разговаривали обо всем на свете. Искусство, литература, музыка, даже политика, несмотря на то, что это была тема, к которой Микали был совершенно равнодушен.

Единственное, что они никогда не обсуждали, был Алжир. Старик не спрашивал, а Микали никогда не говорил об этом. Это было так, как будто этого никогда не было. Он ни разу не прикасался к пианино в течение этих двух лет, но теперь он снова начал играть, все больше и больше в течение девяти месяцев, которые потребовались ему, чтобы восстановить свое здоровье.

Одним тихим летним вечером в июле 1963 года во время одного из визитов своего дедушки он сыграл после ужина прелюдию и фугу ми-бемоль Баха, которые он сыграл в тот вечер, когда решил поехать в Париж.

Было очень тихо. Через открытые окна на террасу небо было оранжевым и огненным, когда солнце садилось за островом Докос в миле от моря.

Его дедушка вздохнул. «Итак, я думаю, ты снова готов?»

— Да, — сказал Джон Микали и согнул пальцы. «Пора выяснить это раз и навсегда».

Он выбрал Лондон, Королевский музыкальный колледж. Он снял квартиру на Аппер-Гросвенор-стрит рядом с Парк-Лейн, что было удобно для Гайд-парка, где он каждое утро пробегал семь миль, в мокрую погоду или в хорошую, всегда толкаясь до боли. От старых привычек трудно избавиться. Три раза в неделю он занимался в известном городском спортзале.

Легион заклеил его до мозга костей, и от него никогда нельзя было избавиться полностью. Он понял это незадолго до двенадцати дождливой ночью, когда на него напали двое молодых людей, когда он сворачивал в переулок, выходящий из Гросвенор-сквер.

Один схватил его сзади, обхватив рукой за шею, а другой появился у входа рядом с какими-то перилами в подвал дома.

Правая нога Микали умело ударила в промежность, подняв колено в лицо, когда юноша закричал и упал. Второй нападавший был так потрясен, что ослабил хватку. Микали вырвался, взмахнув правым локтем назад по короткой дуге. Раздался отчетливый треск, когда сломалась челюстная кость. Мальчик вскрикнул и упал на колени, Микали просто перешагнул через своего друга и быстро пошел прочь под проливным дождем.

В колледже его репутация выросла за три тяжелых года. Он был хорош — даже лучше, чем это. Они знали это; он тоже знал. У него не было близких друзей. Не то чтобы люди его не любили. Напротив, они находили его чрезвычайно привлекательным, но в нем была какая-то отстраненность. Барьер, который, казалось, никто не мог преодолеть.

Женщин было предостаточно, но ни одной, которая смогла бы пробудить в нем хоть малейшее личное желание. Ни о какой скрытой гомосексуальности не могло быть и речи, но его отношения с женщинами были ему совершенно безразличны. Эффект, который он оказывал на них, был чем-то другим, и его репутация любовника достигла почти легендарных масштабов. Что касается его музыки, в конце последнего года обучения он был награжден золотой медалью Рейлдона.

Чего было недостаточно. Не для человека, которым он стал. Итак, он отправился в Вену, чтобы на год поработать под руководством Хоффмана. Финальная шлифовка. Затем, летом 1967 года, он был готов.

В музыкальной профессии есть старая шутка, что попасть на концертную площадку с

самого начала еще сложнее, чем добиться успеха, когда ты там.

В определенной степени Микали мог бы купить свой путь. Заплатил агенту, чтобы он снял зал в Лондоне или Париже, организовал сольный концерт, но его гордость никогда бы этого не выдержала. Он должен был схватить мир за горло. Заставь его слушать. Был только один способ сделать это.

После короткого отпуска в Греции он вернулся в Англию, в Йоркшир, в качестве участника Музыкального фестиваля в Лидсе, одного из самых важных фортепианных конкурсов в мире. Выиграть это означало обеспечить мгновенную славу, гарантию концертного тура.

Он занял третье место и немедленно получил предложения от трех крупных агентств. Он отказался от них всех, тренировался по четырнадцать часов в день в течение месяца в лондонской квартире, а затем в январе следующего года отправился в Зальцбург. Он занял первое место на тамошнем конкурсе, обойдя сорок восемь других участников со всего мира, исполнив Четвертый фортепианный концерт Рахманинова, произведение, которое он должен был сделать своим собственным в последующие годы.

Его дедушка был там в течение семи дней фестиваля, а после, когда все остальные ушли, он взял два бокала шампанского на балкон, где Микали стоял, глядя на город.

«Теперь мир — твоя устрица. Они все захотят тебя. Как ты себя чувствуешь?»

— Ничего, — сказал Джон Микали. Он отпил немного ледяного шампанского и внезапно, без всякой видимой причины, увидел, как четыре феллага обходят горящий грузовик и смеются, направляясь к нему. — Я ничего не чувствую.

В последующие два года темные глаза смотрели с бледного красивого лица на плакатах в Лондоне, Париже, Риме, Нью-Йорке, и его слава росла. Газеты и журналы много писали с двух годов его службы в легионе, о его наградах за храбрость. В Греции он стал чем-то вроде народного героя, так что его концерты в Афинах всегда были значительными событиями.

И все изменилось в Греции теперь, когда полковники были у власти после военного переворота в апреле 1967 года и ссылки короля Константина в Рим.

Дмитрию Микали было семьдесят шесть, и выглядел он на все это время. Хотя он по-прежнему проводил вечера открытыми, на них присутствовало мало людей. Его деятельность от имени партии «Демократический фронт» делала его все более непопулярным в правительстве, и его газета уже несколько раз была запрещена.

«Политика», — сказал ему Микали во время одного из своих визитов. «Это нонсенс. Зачем создавать себе проблемы?»

«О, у меня действительно все хорошо». Его дедушка улыбнулся. «То, что вы могли бы назвать привилегированным положением, иметь внука, который является международной знаменитостью».

— Хорошо, — сказал Микали. «Итак, у вас у власти военная хунта, и им не нравятся мини-юбки. Ну и что? Я бывал в местах и похуже, чем сегодняшняя Греция, поверь мне».

«Тысячи политических заключенных, система образования, используемая для идеологической обработки маленьких детей, левые практически уничтожены. Похоже ли это на дом демократии?»

Ничто из этого не оказало ни малейшего влияния на Микали. На следующий день он вылетел в Париж и в тот же вечер дал сольный концерт Шопена, благотворительное мероприятие в поддержку международных исследований рака.

Его ждало письмо от его лондонского агента Бруно Фишера о предстоящем осенью

турне по Англии, Уэльсу и Шотландии. Он провел некоторое время, обдумывая это в своей гримерке после концерта, когда раздался стук в дверь, и на сцену заглянул швейцар.

— К вам джентльмен, месье Микали.

Его оттолкнули с дороги, и появился крупный, дородный человек с редящими волосами и густыми черными усами. На нем был поношенный плащ поверх мягкого твидового костюма.

«Привет, Джонни. Рад тебя видеть. Клод Жарро — старший сержант Третьей роты, второй представитель. Мы вместе совершили ту ночную высадку в Эль-Кебире.»

— Я помню, — сказал Микали. — Ты сломал лодыжку.

— И ты остался со мной, когда феллага прорвали линию. Жарро протянул руку. «Я читал о тебе в газетах, и когда я увидел, что ты даешь этот концерт сегодня вечером, я подумал, что пойду с тобой. Не для музыки. Для меня это ни черта не значит. Он ухмыльнулся. «Я не мог упустить шанс поприветствовать еще одного старого Сиди-бель-Аббеса за руку».

Может быть, он хотел прикоснуться, он, конечно, был достаточно потрепан, но его присутствие вернуло старые времена. По какой-то причине Микали проникся к нему теплотой.

«Я рад, что ты это сделал. Я уже собирался уходить. Как насчет того, чтобы выпить? Здесь поблизости должен быть бар.»

«На самом деле у меня есть гараж всего в квартале отсюда», — сказал Жарро. — У меня маленькая квартирка над ним. На данный момент у меня есть несколько хороших вещей. Настоящий Наполеон.»

— Веди, — сказал Микали. — Почему бы и нет?

* * *

Стены гостиной были увешаны фотографиями, описывающими карьеру Жарро в Легионе, и повсюду были сувениры, включая его белые кепи и парадные эполеты на буфете.

Бренди «Наполеон» был достаточно настоящим, и он довольно быстро опьянел.

— Я думал, тебя выгнали во время путча? — спросил Микали. «Разве ты не был по уши в ОАГ?»

— Конечно, был, — воинственно сказал Жарро. «Все эти годы в Индокитае. Я был в Дьенбьенфу, ты знаешь это? Эти маленькие желтые ублюдки держали меня шесть месяцев в лагере для военнопленных. С нами обращались как со свиньями. Затем фиаско в Алжире, когда старик пошел и сделал с нами грязное дело. Каждый уважающий себя француз должен быть членом ОАГ, а не просто лопухом вроде меня».

«Не так уж много будущего в этом сейчас, не так ли?» Сказал Микали. — Старина показал, что он говорит серьезно, когда приказал застрелить Бастьена Тири. Сколько попыток сбить его с ног, и ни одна из них не увенчалась успехом?»

Ты прав, — сказал Жарро, отпивая. «О, я сыграл свою роль. Вот, взгляни.»

Он снял коврик с деревянного сундука в углу, нащупал ключ и с трудом отпер его. Внутри был значительный ассортимент оружия. Несколько пистолетов-пулеметов, набор пистолетов и гранат.

«У меня это здесь уже четыре года», — сказал он. «Четыре года, но сеть накрылась. С

нас хватит. В наши дни мужчине приходится искать другие способы.»

— В гараже? — спросил я.

Жарро приложил палец к носу. «Пойдем, я тебе покажу. Эта чертова бутылка все равно пуста.»

Он открыл дверь в задней части гаража и обнаружил комнату, заваленную картонными коробками и упаковочными ящиками всех видов. Он открыл одну и достал другую бутылку бренди «Наполеон».

— Я же говорил тебе, что это еще не все. — Он махнул рукой. «Здесь больше всего. Любая выпивка, какую захочешь. Сигареты, консервы. Освободится к концу недели.»

«Откуда все это берется?» — спросил Микали.

«Можно сказать, с заднего сиденья проезжающего грузовика». Жарро пьяно рассмеялся. «Никаких вопросов, никаких учений, как мы привыкли говорить в Легионе. Просто запомни это, друг мой. Все, что тебе когда-нибудь понадобится — все, что угодно. Просто подойди к старому Клоду. У меня есть связи. Я могу достать тебе что угодно, и это обещание. Не только потому, что ты старый подручный бель-Аббеса. Если бы не ты, феллага, вероятно, отрезал бы мне яйца, среди прочего, в тот раз.»

К этому времени он был уже очень пьян, и Микали поддакивал ему, хлопая по плечу. «Я запомню это».

Жарро вытащил пробку зубами. — За Легион, — сказал он. «Самый эксклюзивный клуб в мире».

Он отпил из бутылки и передал ее через стол.

Он был на гастролях в Японии, когда получил известие о смерти своего дедушки. Старик, с годами становившийся все слабее и страдавший артритом в одном бедре, некоторое время нуждался в палках, чтобы ходить. Он потерял равновесие на кафельном полу балкона квартиры и упал на улицу вниз.

Микали отменил все концерты, какие мог, и улетел домой, но прошла неделя, прежде чем он добрался до Афин. В его отсутствие коронер распорядился провести похороны, кремацию в соответствии с пожеланиями Дмитрия Микали, изложенными в письме с инструкциями его адвокату.

Микали сбежал на Гидру, как и раньше, на виллу на полуострове за Молосом. Он переправился из Афин в порт Гидра на подводных крыльях и обнаружил, что Константин ждет, чтобы забрать его на катере. Когда он поднялся на борт, старик, не говоря ни слова, вручил ему конверт, запустил двигатели и вывел лодку из гавани.

Микали сразу узнал почерк своего деда. Его пальцы слегка дрожали, когда он открывал конверт. Содержание было кратким.

Если ты читаешь это, значит, я мертв. Рано или поздно это приходит ко всем нам. Итак, никаких грустных песен. Больше никакой моей глупой политики, чтобы утомлять вас, потому что, в конце концов, конец, возможно, всегда один и тот же. Я знаю только одно с полной уверенностью. Ты осветил последние годы моей жизни гордостью и радостью, но больше всего своей любовью. Я оставляю тебе свое и свое благословение вместе с ним.

Глаза Микали горели, ему было трудно дышать. Когда они добрались до виллы, он переоделся в альпинистские ботинки и грубую одежду и отправился в горы, часами шел пешком, доводя себя до состояния полного изнеможения.

Он провел ночь в заброшенном фермерском доме и не мог уснуть. На следующий день он продолжил восхождение, проведя еще одну ночь, похожую на первую.

На третий день он, пошатываясь, вернулся на виллу, где Константин и его жена уложили его в постель. Старуха дала ему какое-то травяное зелье. Он проспал двадцать часов и проснулся спокойным и снова контролирующим себя. Этого было достаточно. Он позвонил Фишеру в Лондон и сказал ему, что хочет вернуться к работе.

В квартире на Аппер-Гросвенор-стрит меня ждала гора почты. Он быстро просмотрел и остановился. На одном была греческая почтовая марка с пометкой «Личное». Письмо было отправлено его агенту и переадресовано. Он отложил остальные письма и открыл конверт. Сообщение было напечатано на простом листе бумаги. Адреса нет. Без имени.

Смерть Дмитрия Микали не была несчастным случаем — это было убийство. Обстоятельства таковы. В течение некоторого времени он находился под давлением со стороны определенных слоев правительства из-за его деятельности в Демократическом фронте. Различные свободолюбивые греки вместе составили досье для представления в Организацию Объединенных Наций, включающее подробную информацию о политических заключенных, содержащихся без суда и следствия, зверствах всех видов, пытках и убийствах. Считалось, что Дмитрий Микали знал о местонахождении этого досье. Вечером 16 июня его навел в его квартире полковник Джордж Вассиликос, который несет особую ответственность за работу политического отдела военной разведки, вместе со своими телохранителями сержантом Андреасом Алеко и сержантом Никосом Петракисом. В попытке заставить Микали раскрыть местонахождение досье его жестоко избили и прижгли лицо и интимные части тела зажигалками. Когда он, наконец, умер из-за этого лечения, Вассиликос приказал выбросить его тело с балкона, чтобы смерть выглядела как несчастный случай. Коронеру было приказано составить отчет, который он сделал, и он никогда не видел тело, которое было кремировано, чтобы следы жестокого обращения и пыток были стерты. Оба сержанта Алеко и Петракис хвастались этими фактами, будучи пьяными, в присутствии нескольких людей, дружественных нашему делу.

Ярость в Микали была живым существом. Физическая боль, охватившая его тело, не была похожа ни на что, что он когда-либо испытывал в своей жизни раньше. Он согнулся пополам в судороге, упал на колени, затем свернулся калачиком в позе эмбриона.

Как долго он оставался там, у него не было возможности узнать, но, конечно, ближе к вечеру он обнаружил, что бродит по одной улице за другой с наступлением темноты, понятия не имея, где он находится. Наконец, он зашел в маленькое дешевое кафе, заказал кофе и сел за один из грязных столиков. Это было похоже на эхо старой мелодии, кафе в Париже у рынка, снова и снова, потому что кто-то оставил экземпляр лондонской «Таймс». Он взял его, его глаза механически блуждали по новостям. Затем он напрягся, увидев маленький заголовок в середине второй страницы.

Делегация греческой армии посетила Париж для консультаций с НАТО.

В глубине души он знал, чье имя найдет, еще до того, как прочитал остальную часть новости.

После этого все встало на свои места с полной уверенностью, как будто это был знак от самого Бога, когда зазвонил телефон. Это был Бруно Фишер.

— Джон? Я надеялся, что ты уже приехал. Я могу устроить тебе два немедленных концерта, в среду и пятницу, если ты хочешь. Хоффер должен был сыграть ля минор Шумана с Лондонским симфоническим оркестром. К сожалению, он сломал запястье.»

— В среду? — спросил я. — Автоматически сказал Микали. — Это дает мне всего три дня.

«Да ладно, ты записал эту чертову шутку дважды. Одной репетиции должно быть достаточно. Ты мог бы стать сенсацией.»

— Где? — спросил я. — Спросил Микали. — Фестивальный зал? — спросил я.

«Боже милостивый, нет. Париж, Джонни. Я знаю, что это означает забираться обратно в другой самолет, но ты не возражаешь?»

— Нет, — спокойно сказал Джон Микали. «В Париже все будет хорошо».

Военный переворот, захвативший власть в Греции рано утром 27 апреля 1967 года, был умело спланирован всего лишь горсткой полковников в условиях полной секретности, что в значительной степени объясняло его успех. Освещение в газетах в последующие дни было обширным. Микали провел вторую половину дня перед вечерним вылетом в Париж в Британском музее, просматривая все доступные газеты и журналы, опубликованные в период после переворота.

Это было не так сложно, как могло бы быть, главным образом потому, что ему нужны были только фотографии. Он нашел двоих. Одна из них была в журнале Time, и на ней был изображен полковник Джордж Вассиликос, высокий, красивый мужчина сорока пяти лет с густыми черными усами, стоящий рядом с полковником Пападопулосом, человеком, который был, по сути, диктатором Греции.

Вторая фотография была в периодическом издании, издаваемом греческими эмигрантами в Лондоне. На нем был изображен Вассиликос в окружении двух его сержантов. Подпись под ним гласила: «Мясник и его приспешники». Микали аккуратно убрал страницу и ушел.

Прибыв в Париж на следующее утро, он позвонил в греческое посольство и был с восторгом принят атташе по культуре доктором Мелосом.

«Мой дорогой Микали, какое удовольствие. Я понятия не имел, что ты должен быть в Париже.»

Микали объяснил обстоятельства. «Естественно, они быстро опубликуют несколько объявлений в парижских газетах, чтобы фэны знали, что буду играть я, а не Хоффер, но я подумал, что хотел бы убедиться, что вы знаете здесь, в Посольстве».

«Я не знаю, как тебя отблагодарить. Посол был бы в ярости, если бы пропустил это. Позволь предложить тебе выпить.»

«Я буду счастлив организовать билеты», — сказал ему Микали. — Для посла и всех, кого он захочет привести. Разве я не читал где-то, что у вас здесь останавливаются какие-то шишки из Афин?»

Мелос скорчил гримасу, когда принес ему бокал шерри. «Не совсем ориентирован на культуру. Полковник Вассиликос, разведка, это вежливый способ сказать...

— Могу себе представить, — сказал Микали.

Мелос взглянул на часы. «Я покажу тебе».

Он подошел к окну. Во дворе стоял черный «мерседес», рядом с ним — шофер. Мгновение спустя полковник Вассиликос спустился по ступенькам от главного входа в сопровождении сержантов Алеко и Петракиса. Алеко сел впереди с шофером, Петракис и полковник — сзади. Когда «Мерседес» отъехал, Микали запомнил номер, хотя машина была достаточно узнаваемой из-за греческого вымпела на передней панели.

Ровно в десять часов, — сказал Мелос. «Точно так же, когда он был здесь в прошлом месяце. Если его кишечник такой же регулярный, он должен быть здоровым человеком. Отправляюсь в военную академию в Сен-Сир на дневную работу, через Медонский лес и

Версаль. Ему нравится такой пейзаж, так мне сказал шофер».

— Нет времени на игры? Сказал Микали. «Похоже, он скучный пес».

«Мне говорили, что он любит мальчиков, но это могут быть слухи. Одно можно сказать наверняка. Музыка занимает очень низкое место в его списке приоритетов».

Микали улыбнулся. «Ну, ты не можешь выиграть их все. Но вы и Посол, возможно?»

Мелос спустился с ним к главному входу. «Я был опустошен, услышав о несчастной смерти твоего дедушки. Должно быть, это стало для меня ужасным потрясением. Вернуться на концертную площадку так скоро после... Я могу только сказать, что ваше мужество наполняет меня восхищением».

«Это довольно просто», — сказал Микали. «Он был самым замечательным человеком, которого я когда-либо знал».

— И безмерно гордится тобой?

— Конечно. Не продолжать сейчас, хотя бы ради него, было бы величайшим предательством, какое только можно вообразить. Можно сказать, что эта поездка в Париж — мой способ зажечь свечу в его память».

Он повернулся и спустился по ступенькам к своей арендованной машине.

* * *

В тот день у него была репетиция с Лондонским симфоническим оркестром. Дирижер был на высоте, и они с Микали сразу же нашли общий язык. Тем не менее, он попросил провести еще одну репетицию на следующий день между двумя и четырьмя, поскольку концерт был в половине восьмого вечера. Микали согласился.

В половине шестого вечера того же дня он ждал в старом «ситроене» на стоянке на Версальской дороге недалеко от самого дворца. Жарро был за рулем.

— Если бы ты только сказал мне, что все это значит? — проворчал он.

— Позже. Микали предложил ему сигарету. — Ты сказал, что если я когда-нибудь чего-нибудь захочу, я приду к тебе, не так ли?

— Да, но...

В этот момент мимо проехал черный «Мерседес» с греческим вымпелом, и Микали настойчиво сказал: «Гонитесь за этой машиной. Не нужно спешить. Ему не больше сорока».

«Это не имеет смысла», — сказал Жарро, отъезжая. — Не в такой куче, как эта.

«На самом деле все просто», — сказал Микали. — Полковнику нравится пейзаж.

— Тот самый полковник?

«Просто заткнись и продолжай ехать».

«Мерседес» поехал по дороге через Медонский лес, парк в это вечернее время тихий и пустынный. Он начал отдаляться. В этот момент мимо них на большой скорости пронесся мотоциклист с включенными мигалками, зловещая фигура в защитном шлеме, защитных очках и темном плаще с капюшоном, за спиной у него был карабин-пулемет.

Он исчез на дороге, проезжая мимо Мерседеса. — Ублюдок, — выплюнул Жарро в окно. «В последнее время много этих свиней из CRS разъезжают на этих шикарных мотоциклах. Я думал, они должны были быть только спецназом».

Микали мягко улыбнулся и закурил еще одну сигарету. «Ты можешь притормозить. Теперь я знаю, как это сделать.»

— Что делать, ради всего святого?

Так сказал ему Микали. «Ситроен» резко вильнул, когда Жарро резко затормозил и съехал на обочину.

«Ты сумасшедший. Ты должен быть. Тебе это никогда не сойдет с рук.»

«О, да, я сделаю это с твоей помощью. Ты можешь снабдить меня всем, что мне нужно.»

«Черта с два я это сделаю. Послушай, ты, безумец, голос по телефону — это все, что нужно Уверенному.»

— Какой же ты толстый, глупый человек, — спокойно сказал Микали. I» m John Mikali. Я играю в Риме, Лондоне, Париже, Нью-Йорке. Есть ли какой-то смысл в том, что я могу обдумывать такую безумную идею? Зачем мне это делать? Мой дедушка случайно разбился насмерть с этого балкона. Так сказал суд.»

«Нет!» — дико сказал Жарро.

— В то время как ты, старина, не только дешевый мошенник, что стало до боли ясно, когда ты показал мне всю эту добычу в своем гараже той ночью. Вы также были тесно связаны с ОАГ».

«Никто не может этого доказать», — дико сказал Жарро.

О, да, они могут. Только ваше имя и даже намек на связь с ОАГ, и это Пятая служба, разве не так они называют отряд сильной руки — барбузы? Половина из них твои старые приятели из Алжира, так что ты знаешь, чего ожидать. Они разложат тебя на столе, подключат твои интимные места, а затем нажмут на выключатель. Ты расскажешь им все до мельчайших деталей в течение получаса, только они тебе не поверят. Они будут продолжать, просто чтобы посмотреть, все ли у них есть. В конце ты будешь мертв или пускающим слюни идиотом».

— Хорошо, — простонал Жарро. — Не продолжай. Я сделаю это.»

«Но, конечно. Видишь ли, Клод, все, что тебе нужно делать, это жить правильно. А теперь давай выбираться отсюда.»

Он опустил окно и позволил вечернему воздуху охладить его лицо. Он уже много лет не чувствовал себя таким по-настоящему живым, каждый его нерв был натянут до предела. Это было похоже на тот последний, заключительный момент за кулисами перед выходом на свет к пианино, а затем аплодисменты нарастают, поднимаясь огромными волнами...

Было чуть больше шести часов вечера следующего дня, когда Парос, посольский шофер за рулем «Мерседеса», повернул, Версаль слева от него, и въехал в Медонский лес. Сержант Алеко сидел рядом с ним. Петракис сидел на заднем сиденье, лицом к полковнику Василикосу, который изучал досье. Стеклопанель была закрыта.

Весь день шел сильный дождь, и в парке было пустынно. Парос, как обычно, не торопился и в быстро сгущающихся сумерках заметил огни у себя за спиной. Сотрудник CRS в темном форменном плаще и шлеме остановился рядом и махнул ему рукой. С поднятым от дождя воротником и темными очками Парос вообще не мог видеть его лица.

— КРЕДИТЫ, — сказал Алеко.

Стеклопанель открылась. Полковник Вассиликос сказал: «Выясни, чего он хочет».

Когда Mercedes затормозил, чтобы остановиться, сотрудник CRS вышел вперед, слез со своей тяжелой машины BMW и поставил ее на подставку. Он подошел к ним. Его плащ был очень мокрым, а на груди висел карабин-пулемет MAT 49.

Алеко открыл дверь и вышел. — В чем проблема? — спросил он на плохом французском.

Рука сотрудника CRS вылезла из кармана, держа автоматический кольт 45-го калибра того типа, который был выпущен для американской армии во время Второй мировой войны.

Он выстрелил Алеко в сердце, отбросив сержанта назад к Мерседесу. Он отскочил и упал лицом в канаву.

Петракис, сидевший на случайном сиденье спиной к стеклянной панели, получил вторую пулю в основание черепа. Он упал вперед, мгновенно умер, склонившись, как в молитве, на сиденье рядом с полковником, который съезжился, застыв в шоке, его форма была забрызгана кровью.

Парос крепко вцепился в руль, все его тело дрожало, когда дуло Кольта повернулось к нему. «Нет, пожалуйста, нет!»

За эти годы Микали научился говорить по-гречески так, чтобы отвечать даже самым строгим требованиям афинского общества, но теперь он вернулся к акценту критского крестьянина, которому его научила Катина много лет назад.

Он вытащил Пароса из-за руля. — Кто ты? — требовательно спросил он, не сводя глаз с Вассиликоса.

«Paros — Dimitri Paros. Я всего лишь водитель посольства. Женатый мужчина с детьми.»

«Тебе следует выбрать работу получше, вместо того чтобы работать на фашистских ублюдков вроде этих», — сказал Микали. «Теперь беги со всех ног через парк».

Парос отшатнулся, и Вассиликос прохрипел: «Ради бога».

— Какое он имеет к этому отношение? Микали отбросил критский акцент и поправил очки. На лице полковника появилось выражение полного изумления. — Ты? Но это невозможно.»

— Для моего дедушки, — сказал Микали. «Я хотел бы сделать это медленнее, но времени нет. По крайней мере, ты отправишься в ад, зная, от кого это.»

Когда Вассиликос открыл рот, чтобы снова заговорить, Микали наклонился и выстрелил ему между глаз, тяжелая пуля убила его мгновенно.

Секунду спустя он уже отталкивал BMW от стойки и уезжал. Мимо него проехала машина, направляясь в сторону Версаля. В зеркале он видел, как машина медленно приближалась к «Мерседесу», а затем остановилась. Не то, чтобы это имело значение сейчас. Он свернул с дороги на одну из тропинок и исчез среди деревьев.

На уединенной стоянке на другой стороне парка, пустынной в это время вечера, Жарро со страхом ждал рядом со старым грузовиком «Ситроен». Задняя дверь была опущена, образуя пандус, и он притворялся, что возится с одним из задних колес.

Сквозь деревья послышался звук приближающегося BMW. Появился Микали и повел мотоцикл прямо по пандусу в кузов грузовика. Жарро быстро поднял крышку багажника, затем бросился к кабине, сел за руль. Отъезжая, он услышал вдали слева от себя полицейские сигналы.

Микали стоял у открытой дверцы печи в гараже и по частям загружал форму CRS, даже пластиковый шлем. BMW стоял в углу рядом с грузовиком Citroen, без фальшивых полицейских знаков и номерных знаков, которые, будучи в основном пластиковыми, тоже неплохо горели.

Когда он поднялся наверх, то обнаружил Жарро сидящим за столом, перед ним стояла бутылка «Наполеона» и стакан.

— Все трое, — сказал он. «Боже мой, что ты за человек?»

Микали достал конверт, который бросил на стол. — Пятнадцать тысяч франков, как и договаривались. Он достал кольт из кармана. «Я буду держаться за это. Я предпочитаю избавиться от него сам.»

Он повернулся к двери. Жарро спросил: «Куда ты идешь?»

«У меня концерт», — сказал ему Микали. «Или ты забыл?» Он взглянул на часы. — Ровно через тридцать минут, так что мне нужно двигаться.

— Господи Иисусе, — сказал Жарро, а затем яростно добавил: — А что, если что-то пойдет не так? Что, если они тебя выследят?»

«Тебе лучше надеяться, что они этого не сделают. Ради твоего же блага, как и ради моего. Я вернусь после концерта. Скажем, в одиннадцать часов. Хорошо?»

— Конечно, — устало сказал Жарро. «Мне некуда идти».

Микали сел в свою арендованную машину и уехал. Он чувствовал себя спокойным и расслабленным, никакого страха, но казалось очевидным, что Клод Жарро сильно изжил себя. Плюс тот факт, что его отношение оставляло желать лучшего. Он, конечно, не был тем человеком, которым был в старые времена в Алжире. Это было прискорбно, но казалось болезненно очевидным, что ему придется что-то делать с Жарро. Но на данный момент был концерт.

Он добрался до оперного театра всего за пятнадцать минут, едва успел переодеться. Но он сделал это и стоял, наблюдая за кулисами, когда дирижер вышел на сцену.

Он последовал за ним под бурные аплодисменты. Зал был полон, и он заметил Мелоса, посла Греции и его жену в третьем ряду, Мелос сидел в кресле у прохода.

Концерт ля минор был первоначально написан Шуманом как фантазия в одной части для фортепиано с оркестром для его жены Клары, которая сама была концертной пианисткой. Позже он расширил его до концерта в трех частях, который музыкальный критик лондонской Times однажды назвал трудным и амбициозным произведением и похвалил попытки мадам Шуман выдать рапсодию своего мужа за музыку.

В руках Микали в тот вечер он заискрился, ожил таким образом, что полностью наэлектризовал аудиторию. Вот почему было, мягко говоря, немалое удивление, когда на середине интермеццо, в ответ на сообщение, принесенное лакеем, греческий посол, его жена и атташе по культуре встали и ушли.

Жарро смотрел новости по телевизору. По мнению комментатора, убийство было явно политическим, что подтверждается тем фактом, что убийца позволил шоферу уехать на свободе; назвал жертв фашистами. Вероятно, член одной из многих недовольных политических групп греков, живущих в изгнании в Париже. В этом случае у полиции была отличная зацепка. Человек, которого они искали, был критянином — критским крестьянином. Шофер был уверен в этом. Он узнал акцент.

Фотографии тел, особенно в задней части Mercedes, были, мягко говоря, наглядными и заставили Жарро вспомнить некоторые подвиги Микали из былых времен. И он сказал, что вернется после концерта. Почему? На самом деле может быть только одна причина.

Он должен был выбраться, пока еще было время, но к кому он мог обратиться? Конечно, не полиции и не любому из его криминальных сообщников. Совершенно неожиданно, несмотря на свое полупьяное состояние, он подумал об очевидном ответе. Один человек. Мэтр Девиль, его адвокат. Лучший адвокат по уголовным делам в бизнесе, все это знали. Он уже дважды спас его от тюрьмы. Девиль знал бы, что делать.

Конечно, сейчас он был бы не в своем офисе, а в квартире, где он жил один с тех пор,

как его жена умерла от рака три года назад. Улица Нантерр, рядом с авеню Виктора Гюго. Жарро нашел нужный номер и быстро набрал его.

Была небольшая задержка, затем голос произнес: «Девиль слушает».

«Maitre? Это я, Жарро. Я должен увидеть тебя.»

— Опять неприятности, а, Клод? — добродушно рассмеялся Девиль. «Увидимся в офисе первым делом. Скажем, в девять часов.»

— Это не может ждать, мэтр.

«Мой дорогой друг, придется. Я собираюсь куда-нибудь поужинать.»

«Мэтр, вы слышали сегодняшние новости? О том, что произошло в Медонском лесу.»

— Убийства? — голос Девилла изменился. «Да».

— Именно по этому поводу я и хотел с тобой увидеться.

«Ты в гараже?» — спросил я.

«Да».

— Тогда я жду вас здесь через пятнадцать минут.

Жану Полю Девилю было пятьдесят пять лет, и он был одним из самых успешных адвокатов, практикующих в адвокатуре по уголовным делам в Париже. Несмотря на это, его отношения с полицией были превосходными. Хотя он использовал все уловки в книге от имени своих клиентов, он был честным, справедливым и скрупулезно корректным в своих отношениях. Джентльмен в старомодном смысле этого слова, он не раз сотрудничал в интересах Surete, что сделало его популярной фигурой в этом квартале.

Вся его семья погибла, когда пикирующие бомбардировщики Stuka нанесли удар по Кале в 1940 году. Сам Девиль не служил в армии из-за плохого зрения. Клерк в адвокатской конторе, он был переведен в Восточную Германию и Польшу вместе с тысячами своих соотечественников в качестве рабского рабочего.

Как и многие французы, оказавшиеся в конце войны за Железным занавесом, он вернулся во Францию только в 1947 году. Поскольку вся его семья в Кале умерла, он решил начать новую жизнь в Париже, поступив в Сорбонну по специальному правительственному гранту для таких, как он, и получив диплом юриста.

За эти годы он приобрел значительную репутацию. Он женился на своей секретарше в 1955 году, но детей у них не было. Ее здоровье всегда было слабым, и из-за рака желудка ей потребовалось два мучительных года, чтобы умереть.

Все это не вызвало к нему ничего, кроме симпатии, не только у полиции и его собственной профессии, но и среди криминального сообщества.

Это было действительно довольно иронично, если учесть, что этот добрый и красивый француз на самом деле был полковником Николаем Ашимовым, украинцем, который не видел свою родину около двадцати пяти лет. Вероятно, самый важный агент российской разведки в Западной Европе. Агент не КГБ, а его непримиримого соперника Разведывательного отдела Красной Армии, известного как ГРУ.

У русских еще до окончания войны были шпионские школы в разных местах Советского Союза, каждая с особым национальным колоритом, например, в Гласине, где агентов обучали работать в англоязычных странах в точной копии английского города, живя точно так же, как они жили бы на Западе.

Ашимов провел два долгих года, готовясь подобным образом в Гроссене, где акцент был сделан на том, чтобы все французское, окружающая среда, культура, кулинария и одежда были точно воспроизведены.

У него было явное преимущество перед остальными с самого начала, так как его мать была француженкой. Его прогресс был быстрым, и в конце концов он был направлен в группу французских рабов в Польше в 1946 году, перенося тяготы их существования, взяв на себя роль Жан-Поля Девиля, который умер от пневмонии на сибирской угольной шахте в 1945 году. А затем, в 1947 году, его отправили домой — домой во Францию.

Девиль налил Жарро еще бренди. «Давай, выпей, я вижу, тебе это нужно. Удивительная история.»

— Я могу доверять вам, мэтр, не так ли? — яростно потребовал Жарро. — Я имею в виду, если флики получили хотя бы намек на это...

«Мой дорогой друг, — успокаивающе сказал Девиль, — разве я не говорил тебе раньше? Отношения между адвокатом и его клиентом подобны отношениям между священником и кающимся грешником. В конце концов, если бы я раскрыл то, что знал о вашей связи OAS с SDECE...»

— Но что мне делать? — требовательно спросил Жарро. «Если вы видели новости по телевизору, вы знаете, на что он способен».

«Фантастика», — сказал Девиль. «Конечно, я часто слышал, как он играет. Он просто великолепен. Я смутно помню, что читал в каком-то журнале, что он мальчишкой пару лет служил в легионе».

Жарро сказал: «Он никогда не был мальчиком, этот. Если бы я рассказал вам кое-что из того, что он провернул там, в Алжире, в старые времена. Почему, в Касфе, он получил две пули в легкое и все же сумел убить четырех феллагов из пистолета. Ради Бога, пистолет.»

Девиль налил ему еще бренди. — Расскажи мне больше.

Что Жарро и сделал. К тому времени, как он закончил, он был основательно пьян. «Так что же мне делать?»

— Кажется, он сказал, что вернется в одиннадцать. Девиль взглянул на часы. — Сейчас десять. Я возьму свое пальто, и мы вернемся в гараж. Я лучше поведу. Ты не в том состоянии, чтобы переходить улицу самостоятельно».

— В гараже? — Речь Жарро была медленной и тяжелой. «Почему в гараже?»

«Потому что я хочу встретиться с ним. Поговори с ним от своего имени. — Он хлопнул Жарро по плечу. «Доверься мне, Клод, я помогу тебе. В конце концов, именно по этой причине ты пришел ко мне, не так ли?»

Он пошел в свою спальню, надел темное пальто и снял черную фетровую шляпу, которую он всегда носил. Он выдвинул ящик прикроватной тумбочки и достал автоматический пистолет. В конце концов, он собирался встретиться лицом к лицу с человеком, который, если все, что он услышал сегодня вечером, было правдой, был убийцей-психопатом первого порядка.

Он взвесил пистолет в руке, затем, полагаясь только на интуицию, на самый большой шанс в своей жизни, он положил его обратно в ящик. Он вернулся в другую комнату, где снова застал Жарро за бренди.

— Хорошо, Клод, — весело сказал он. «Пойдем».

Концерт прошел с полным успехом. Микали вызывали снова и снова, и многие части аудитории требовали выхода на бис. Наконец, он подчинился. Раздался возбужденный ропот, затем наступила полная тишина, когда он сел за пианино. Пауза, и он начал играть Le Pastour Габриэля Гровлеза.

Он припарковал арендованную машину на некотором расстоянии от гаража и остаток

пути прошел пешком под проливным дождем, тихо войдя через иуду в главных воротах. Кольт все еще был у него в правом кармане плаща. Он нащупал приклад, стоя в темноте и слушая музыку, слабо играющую в квартире наверху.

Он тихо поднялся наверх и открыл дверь. Гостиная была погружена в полумрак, единственным источником света была лампа на столе, за которой Жарро тихонько похрапывал пьяным сном.

Одна бутылка «Наполеона» рядом с ним была пуста, другая уже на четверть опустошена. Портативное радио играло тихую музыку, а затем голос диктора прервал более подробную информацию о массовой полицейской охоте на убийцу Вассиликоса и его людей.

Он протянул руку и выключил его, затем достал кольт из кармана. Мягкий голос произнес на превосходном английском с легким французским акцентом: «Если это тот пистолет, о котором я думаю, было бы ошибкой первой величины убить его из него».

Девиль выступил из тени в задней части комнаты. Он все еще был в своем темном пальто, в одной руке держал трость, в другой — фетровую шляпу.

«Они извлекут пулю из его трупа, судебно-медицинская экспертиза покажет, что она выпущена из того же пистолета, из которого стреляли в Вассиликоса и его людей. Я прав, не так ли? Это тот же самый пистолет?» Он пожал плечами. «Что все еще не означает, что у них будет много шансов выследить тебя, но глупо портить такую блестящую операцию даже одним глупым поступком».

Микали ждал, прижав кольт к бедру. — Кто ты такой? — спросил я.

«Жан-Поль Девиль. По профессии адвокат по уголовным делам. Это существо — мой клиент. Он пришел ко мне сегодня вечером в сильном волнении и рассказал мне все. Видишь ли, у нас особые отношения. Я, можно сказать, его отец-исповедник. Он был непослушным мальчиком с ОАГ год или два назад, я снял его с крючка».

Он сунул руку под пальто, кольт мгновенно вскинулся. — Только сигарету, уверяю вас. Девиль достал серебряный портсигар. «Я годами не стрелял из пистолета. Никаких тупых инструментов. У меня вообще ничего не припрятано в рукаве. Все это дело касается только тебя, меня и этой бедной пьяной свиньи. Он не разговаривал ни с одной живой душой.»

— И ты ему веришь?

«К кому он мог убежать? Как испуганный кролик, он забился в единственную безопасную нору, которую знал».

— Чтобы рассказать тебе?

«Он боялся, что ты намеревался убить его. Я в ужасе. Он рассказал мне все о тебе. Алжир, Легион. Касфа, например. Это маленькое дело произвело на него глубокое впечатление. Он также объяснил мне причину всего этого. Тот факт, что Вассиликос пытал и убил твоего дедушку.»

— И что? — Микали терпеливо ждал.

«Я мог бы написать письмо с подробным описанием всех этих действий, прежде чем покинуть свою квартиру сегодня вечером. Отправил его с сопроводительной запиской моему секретарю с просьбой передать его нужным людям в SDECE».

— Но ты этого не сделал.

«Нет».

— Почему бы и нет?

Девиль подошел к окну и открыл его. Дождь лил не переставая. В ночи послышался шум

уличного движения.

«Скажи мне кое-что — ты обычно говоришь по-гречески с критским акцентом, как в парке?»

«Нет».

«Я так и думал. Блестящий ход, вкуче с твоим упоминанием Вассиликоса и его людей как фашистов, для шофера. Конечно, это означает, что сегодня вечером по всей Греции они будут ловить каждого коммуниста, каждого агитатора, каждого члена Демократического фронта, до которого смогут дотянуться.»

«Это их невезение», — сказал Микали. — Политика мне наскучила, так что не могли бы вы, пожалуйста, перейти к делу.

«На самом деле все очень просто, мистер Микали. Хаос — хаос — это мое дело. Я лично заинтересован, как и мои мастера, в том, чтобы создать как можно больше этого в западном мире. Хаос, беспорядок, страх и неуверенность, которые ты создал, потому что то, что происходит в Афинах сегодня вечером, происходит и в Париже. В городе нет ни одного левого агитатора, который к утру не был бы либо под прикрытием, либо в руках полиции. Не только коммунисты, но и социалисты. Социалистической партии это не понравится, и очень скоро рабочим это тоже не понравится, что усложняет ситуацию для правительства в преддверии выборов».

Микали тихо спросил: «Кто ты?»

«Похож на тебя, а не на то, кем я кажусь».

— С далекого востока? Может быть, до самой Москвы?»

— Разве это имеет значение?

«Как я уже сказал, политика мне наскучила».

«Отличная основа для отношений, которые я ищущу».

— Так чего же ты хочешь?

«Ты, мой друг, можешь повторить свое выступление в Медонском лесу, когда я этого потребую. Только для особых случаев. Уникальное и абсолютно личное соглашение между нами двумя».

— Шантаж, это все? — тихо спросил Микали.

«Не будь глупым. Ты можешь убить меня сейчас — и Жарро. Уходи отсюда с отличным шансом, что никто никогда не узнает. Кто на земле когда-либо заподозрит тебя? Боже мой, ты даже играл для королевы Англии на специальном приеме в Букингемском дворце в прошлом году, не так ли? Когда вы в Лондоне, проезжаете через Хитроу, что с вами происходит?»

«Они отводят меня в VIP-зал».

— Вот именно. Можете ли вы вспомнить, когда таможня в любой точке мира в последний раз проверяла ваш багаж?»

Что было правдой. Микали положил колыт на подоконник и достал сигарету. Девиль дал ему прикурить. «Позвольте мне прояснить одну вещь. Как и ты, политика для меня ничего не значит».

— Тогда зачем делать то, что ты делаешь?

Девиль пожал плечами. «Это единственная игра, которая у меня есть. Мне повезло. У большинства людей вообще нет никакой игры.»

— Но я знаю? — спросил Микали.

Девиль обернулся. Теперь между ними была странная, тревожащая близость, когда они

стояли вместе у окна, ощущая запах дождя в ночном воздухе.

«Твоя музыка? Я так не думаю. Мне часто было жаль творческих артистов. Музыканты, художники, писатели. Это закончилось, особенно в исполнительском искусстве, так скоро; самый краткий из лучших моментов. После этого ты идешь вниз. Люблю секс. Овидий действительно очень хорошо выразил это более двух тысяч лет назад, и с тех пор ничего не изменилось. После коитуса все впадают в депрессию.»

Его голос был мягким и в высшей степени рассудительным. Терпеливый, цивилизованный тон. На мгновение Микали показалось, что он вернулся на виллу в Гидре, сидит перед камином с сосновыми дровами и слушает своего дедушку.

«Но этим вечером... все было по-другому. Тебе понравилось. Каждый опасный момент. Я сделаю тебе пророчество. Завтра музыкальные критики скажут, что сегодня вечером вы дали одно из своих лучших выступлений».

— Да, — просто ответил Микали. «Я был хорош. Управляющий заведением сказал, что в пятницу у них не будет свободного места.»

«Там, в Алжире, ты убил всех, не так ли? Целые деревни — женщины, дети — это была такая война. Сегодня днем ты убивал свиней.»

Микали уставился в окно в ночь и увидел, как феллага отворачивается от горящего грузовика в Касфе, медленно приближается к нему, пока он ждал, упрямо отказываясь умирать, красный берет прижат к его ранам.

Тогда он победил Смерть в своей собственной игре четыре раза. Он снова почувствовал то же волнение, от которого перехватывало дыхание. История в Медонском лесу была такой же, теперь он это знал. Долг за его дедушку, да, но потом...

Он поднял руки. «Дайте мне фортепианную партитуру, любой концерт, который вы пожелаете назвать, и с их помощью я смогу дать вам совершенство».

— И даже больше, — тихо сказал Девиль. «Гораздо больше. Я думаю, ты знаешь это, мой друг».

Дыхание вышло из Микали в долгом вздохе. — И кого именно ты имеешь в виду в будущем?

— Разве это имеет значение?

Микали слегка улыбнулся. — Не совсем.»

«Хорошо, но для начала я дам тебе то, что мои еврейские друзья назвали бы мицвой. Доброе дело, за которое я ничего не получу взамен. Кое-что для тебя. Твой гастрольный график. Есть ли вероятность, что вы попадете в Берлин в первую неделю ноября?»

«Я могу назвать свои даты в Берлине. У меня всегда есть открытое приглашение».

— Хорошо. Генерал Стефанакис посетит город первого ноября на три дня. Он был, если вам интересно, непосредственным начальником Василикоса. Я бы подумал, что у тебя может быть к нему нечто большее, чем мимолетный интерес. Но на данный момент, я думаю, нам лучше что-нибудь сделать с нашим другом Жарро».

— Что бы ты предложил?

— Для начала еще немного этого Наполеона ему в рот. Жаль тратить хороший коньяк, но это так. Он за волосы оттянул голову потерявшего сознание Жарро назад и зажал горлышко бутылки между его зубами. Он оглянулся через плечо. «Я очень надеюсь, что ты сможешь достать мне билет на пятничное представление. Я бы не хотел пропустить это».

На следующее утро, в половине шестого, с первыми лучами солнца все еще лил сильный дождь, когда ночной патрульный, дежуривший в этом районе, остановился у спуска к Сене напротив улицы де Ганьи.

Его плащ промок, и он был совершенно несчастен, когда остановился под каштаном, чтобы закурить сигарету. Когда туман над рекой немного рассеялся, он увидел что-то внизу, в воде, в конце стапеля.

Когда он приблизился, он увидел, что это задняя часть грузовика Citroen, передняя часть которого была под поверхностью. Он вошел в ледяную воду, сделал глубокий вдох, потянулся к ручке двери и открыл ее. Он вынырнул с Клодом Жарро на руках.

На дознании, которое состоялось неделю спустя, медицинское заключение показало, что уровень алкоголя в крови в три раза превышает допустимый для водителей транспортных средств. Вердикт coronera был прост. Смерть в результате несчастного случая.

Концерт в пятницу был таким, на что можно было надеяться, и сам министр внутренних дел присутствовал на приеме вместе с послом Греции, сидя вдвоем в углу. Когда толпа доброжелателей вокруг Микали ослабла, подошел Девиль.

— Рад, что ты смог прийти, — сказал Микали, когда они пожали друг другу руки.

«Мой дорогой друг, я бы не пропустил это. Ты был великолепен — просто великолепен.»

Микали оглядел переполненный зал, заполненный в основном одними из самых модных и важных людей Парижа.

«Странно, как сильно я вдруг чувствую себя отделенным от всего этого».

«Один в толпе?»

— Полагаю, да.

«Я чувствовал это уже около двадцати пяти лет. Великая игра. Хождение по лезвию ножа опасности. Никогда не уверен, как долго тебе это будет сходить с рук. В ожидании последнего дня. Стук в дверь. Девиль улыбнулся. «В этом есть свое волнение».

«Нравится быть на постоянном кайфе?» Сказал Микали. — Ты думаешь, он придет, этот твой последний день?

«Возможно, когда я меньше всего этого ожидаю и по самым глупым и банальным причинам».

Микали сказал: «Не уходи. Я должен переговорить с министром внутренних дел. Увидимся позже.»

«Конечно».

Министр говорил послу Греции: «Естественно, мы делаем все, что в наших силах, чтобы стереть это... это пятно на чести Франции, но, честно говоря, посол, этот ваш критянин, похоже, исчез с лица земли. Но только на мгновение. Мы поймаем его, рано или поздно, я обещаю тебе.»

Микали услышал все это, когда приблизился. Он улыбнулся. «Ваши превосходительства, для меня большая честь, что вы оба смогли присутствовать сегодня вечером».

— Большая честь, месье Микали. Министр щелкнул пальцами, и официант поспешил вперед с шампанским на подносе. Они все взяли по бокалу. «Потрясающее исполнение».

Греческий посол поднял свой бокал. «Тебе, мой дорогой Микали, и твоему гению.»

Греция гордится тобой.»

Когда Микали в ответ поднял свой бокал, Жан-Поль Девиль произнес тост за его отражение в зеркале.

Генерал Джордж Стефанакис забронировал номер в отеле Hilton в Западном Берлине во второй половине дня 2 ноября. Руководство предоставило ему номер на четвертом этаже с прилегающими комнатами для его помощников. Они также убедились, из вежливости, что официант, обслуживающий номера, был греком, а также горничной.

Ее звали Зия Будакис, девятнадцати лет, невысокая девушка с темными волосами и оливковой кожей. Через несколько лет у нее будут проблемы с весом, но не сейчас, и в тот вечер, когда она вошла в номер со своим ключом, она выглядела бесспорно привлекательно в темных чулках и коротком черном форменном платье.

Генерал вернется в восемь, так ей сказали, поэтому она быстро занялась тем, что перестелила кровати и вообще прибралась в номере. Она сложила покрывала, затем повернулась, чтобы убрать их в шкаф, потянув за раздвижную дверь.

Мужчина, стоявший внутри, был одет в черные брюки и свитер, его голова была покрыта шлемом-балаклавой, сквозь который были видны только глаза, нос и губы. Вокруг его талии была веревка, она заметила это, и что рука, которая схватила ее за горло, заглушая ее крик, была в перчатке. И затем она оказалась внутри в темноте с ним, дверь закрылась, оставив только щель, через которую можно было видеть комнату.

Он ослабил хватку, и в ужасе она инстинктивно заговорила по-гречески. «Не убивай меня!»

«Хех, гречанка», — сказал он, к ее полному изумлению, на ее родном языке. Она сразу узнала акцент.

«О, Боже мой, ты критянин».

«Правильно, любовь моя». Он развернул ее, слегка обхватив рукой за горло. «Я не причиню тебе вреда, если ты будешь хорошей девочкой. Но если это не так, если ты попытаешься предупредить его каким-либо образом, я убью тебя».

— Да, — простонала она.

— Хорошо. Во сколько он приходит?»

— В восемь часов.

Он взглянул на свое запястье. — Нам осталось ждать двадцать минут. Нам просто нужно устроиться поудобнее, не так ли?

Он прислонился к стене, прижимая ее к себе. Она больше не боялась, по крайней мере, не так, как поначалу, но странным образом была возбуждена, чувствуя, как он крепко прижимается к ней, обнимая одной рукой за талию. Она начала двигаться против него, сначала немного, а затем больше, когда он засмеялся и поцеловал ее в шею.

Она была возбуждена больше, чем когда-либо, там, в темноте, повернулась ему навстречу, когда он прижал ее к стене, задирая темное платье выше бедер.

После этого он очень осторожно связал ее запястья за спиной и выдохнул ей на ухо: «Ну вот, ты получила то, что хотела, так что будь хорошей девочкой и молчи».

Он завязал ей рот носовым платком, чтобы заткнуть ей рот кляпом, снова с удивительной нежностью, и ждал. Раздался звук поворачиваемого в замке ключа, дверь открылась, и двое его помощников ввели генерала Стефанакиса.

Все они были в форме. Он повернулся и сказал: «Я собираюсь принять душ и переодеться. Возвращайся через сорок пять минут. Мы будем есть здесь.»

Они отдали честь и ушли, и он закрыл дверь. Стефанакис бросил фуражку на кровать и начал расстегивать китель. Позади него дверь шкафа откатилась, и Микали вышел. В правой руке он держал пистолет с глушителем. Стефанакис ошеломленно уставился на него, а Микали натянул балаклаву.

«О, Боже мой», — сказал генерал. «Ты — ты критянин».

«Добро пожаловать в Берлин», — сказал Микали и выстрелил в него.

Он выключил все огни, снова натянул балаклаву, затем открыл окно и размотал веревку вокруг талии. Несколько мгновений спустя он спускался по лестнице на плоскую крышу гаража в темноте четырьмя этажами ниже. Это был не великий трюк. В старые времена на тренировках в Газфе на марокканском побережье от десантника Легиона ожидали, что он спустится по канату с трехсотфутовой скалы или провалит курс.

Благополучно оказавшись на крыше, он спустил веревку, быстро обмотал ее вокруг талии и прыгнул с края гаража на землю.

Он остановился у мусорных баков в переулке и снял свой шлем-балаклаву, который он аккуратно сложил и сунул в карман. Затем он вытащил обычный бумажный пакет из-за мусорных баков и достал дешевый темный плащ, который он надел.

Несколько мгновений спустя он уже быстро шел по многолюдным вечерним улицам обратно в свой отель. В половине десятого он был в Берлинском университете, где давал концерт из произведений Баха и Бетховена перед переполненным залом.

На следующее утро Жан-Поль Девиль получил телеграмму из Берлина. Там просто сказано, что ваша мицва очень ценится. Возможно, я смогу сделать то же самое для тебя когда-нибудь.

Подписи не было.

Британская секретная разведывательная служба, более известная как DI5, официально не существует, даже не учреждена законом, хотя на самом деле она занимает большое здание из белого и красного кирпича в Вест-Энде Лондона, недалеко от отеля Hilton.

Те, кого он нанимает, — это безликие, анонимные люди, которые тратят свое время на непрерывную битву умов, направленную на контроль деятельности агентов иностранных держав в Великобритании и все чаще, что стало еще более серьезной проблемой, сил европейского терроризма.

Но DI5 может провести только расследование. У него нет полномочий на арест. Насколько это эффективно, зависит, в конечном счете, от сотрудничества Специального подразделения столичной полиции со Скотленд-Ярдом. Именно они производят аресты, чтобы эти анонимные люди из DI5 никогда не предстали перед судом.

Это объясняло, почему в ночь убийства Максвелла Коэна старший детектив-суперинтендант Гарри Бейкер вышел из полицейского «ягуара» возле морга на Кромвелл-роуд сразу после девяти часов и поспешил вверх по ступенькам.

Бейкер был йоркширцем по происхождению из Галифакса в Уэст-Райдинге. Он был полицейским двадцать пять лет. Долгое время не нравиться широкой публике и работать в три смены, что дает тебе только один уик-энд из семи дома с семьей. Факт, который его жена больше не комментировала по той простой причине, что она собрала свои вещи и съехала пять лет назад.

У Бейкера были седые волосы и сильно сломанный нос, пережиток тех дней, когда он играл в регби, что придавало ему вид дружелюбного призового бойца. Что было обманчиво, ибо за ним скрывался один из самых острых умов в Спецотделении.

Его помощник, детектив-инспектор Джордж Стюарт, ждал в фойе, покуривая сигарету. Он бросил его на пол, поставил на него ногу и вышел вперед.

Бейкер сказал: «Хорошо, рассказывай».

«Девочка четырнадцати лет — Меган Хелен Морган». Теперь он раскрыл свой блокнот. «Мама, миссис Хелен Вуд. Замужем за преподобным Фрэнсисом Вудом, настоятелем Стипл-Дарема в Эссексе. Я говорил с ним по телефону полчаса назад. Они уже в пути.»

— Подожди минутку, — сказал Бейкер. «Я начинаю немного запутываться».

— Здесь хозяйка квартиры этой девушки, сэр. Некая миссис Картер.»

Он открыл дверь с надписью «Комната ожидания», и Бейкер вошел. Женщина, которая сидела у окна, была полной и средних лет, в коричневом плаще. Ее лицо было в пятнах, опухшее от слез.

— Это старший суперинтендант Бейкер. Он отвечает за это дело, миссис Картер, — сказал Стюарт. — Не могли бы вы рассказать ему то, что рассказали мне?

Она сказала низким голосом: «Меган живет со мной. Видите ли, ее мать живет в Эссексе.»

— Да, мы это знаем.

«Она училась в школе Italia Conte. Понимаешь? Пение, танцы, актерское мастерство и тому подобное. Она хотела выйти на сцену. Вот почему она была здесь, поселилась у меня, — снова терпеливо объяснила она.

— А сегодня вечером?

«Они репетировали весь день для мюзикла, который они делают. Я сказал ей быть осторожной. Она отвернулась и рассеянно уставилась в окно. «Мне никогда не нравилось, что она ездит на велосипеде после наступления темноты».

Наступила тишина. Бейкер положил руку ей на плечо, затем кивнул Стюарту, и они вышли.

— Доктор Эванс уже здесь? — спросил я.

— Уже в пути, сэр. Не хотите ли взглянуть на тело?»

«Нет, я оставляю эту неприятность на потом. Не забывай, у меня есть две собственные девочки. В любом случае, Эванс не может начать резать, пока мать не проведет официальную идентификацию».

— Есть какие-нибудь новости о мистере Коэне, сэр?

«Все еще жив, это все, что ты можешь сказать, с пулей в голове. Они уже работают.»

— Ты собираешься ждать здесь миссис Вуд?

«Да, я так думаю. В офисе знают, где я нахожусь. Посмотри, сможешь ли ты найти нам немного чая.»

Стюарт ушел, а Бейкер закурил сигарету, повернулся и посмотрел на улицу через стеклянные двери. Он чувствовал себя неловко, чего не было уже много лет. Помимо других обязанностей, Специальному отделению всегда поручалось выполнять функции телохранителей при посещении глав государств и подобных важных персон. Департамент по праву гордился тем фактом, что они еще ни разу не потерпели неудачу в этой конкретной задаче.

Но это сегодняшнее дело с Максом Коэном — это опять было что-то другое. Международный терроризм самого жестокого вида, здесь, в Лондоне.

Появилась Стюарт с чаем в двух бумажных стаканчиках. — Не унывайте, сэр. Мы достанем ублюдка.»

«Нет, если это тот, о ком я думаю», — сказал ему Гарри Бейкер.

В этот момент Джон Микали вернулся на сцену, чтобы снова аплодировать стоя. Он спустился по трапу, известному артистам как «Корридон». Там ждал режиссер-постановщик и вручил ему полотенце. Микали вытер пот с лица.

— Вот и все, — сказал он. «Если они захотят еще, им придется купить билеты на вторник».

Его голос был привлекательным, полным собственного характера, того, что некоторые люди назвали бы хорошим бостонским американцем, и соответствовал ленивому очарованию, которое он мог мгновенно включить, когда требовалось.

— Большинство из них уже сделали это, мистер Микали. Менеджер улыбнулся. Шампанское ждет тебя в примерке. Какие-нибудь посетители?»

— Не моложе двадцати одного года, Джордж. Микали улыбнулся. «У меня была очень молодая неделя».

В Зеленой комнате он снял фрак и рубашку и накинул махровый халат. Затем он включил портативное радио на туалетном столике и потянулся за бутылкой шампанского, Krug, не винтажного. Он положил немного колотого льда на дно стакана и наполнил его.

Когда он смаковал первый, восхитительный, ледяной глоток, музыка по радио была прервана для выпуска новостей. Мистер Максвелл Коэн, ставший жертвой неизвестного убийцы ранее тем вечером, был успешно прооперирован. Сейчас он находился в реанимации под усиленной охраной полиции. Были все шансы, что он полностью выздоровеет.

Иностранные новостные источники сообщили, что ответственность за нападение взяла на себя «Черный сентябрь», группа возмездия Аль-Фатха, созданная в 1971 году для устранения всех врагов палестинской революции. В качестве оправдания они привели значительную поддержку сионизма Максвеллом Коэном.

Микали на мгновение закрыл глаза, вспомнил горящий грузовик, четырех феллагов, идущих вокруг, приближающихся к нему, улыбку на лице лидера, того, что с ножом в руке. И затем изображение сменилось темнотой туннеля, мелькнуло белое, испуганное лицо девушки.

Он открыл глаза, выключил радио и поднял тост за себя в стакане. «Меньше, чем совершенство, старина, меньше, чем совершенство, и это совсем не годится».

Раздался стук в дверь. Когда он открыл ее, коридор казался переполненным молодыми женщинами, в основном студентками, судя по их университетским шарфам.

— Мы можем войти, мистер Микали?

— Почему бы и нет? Джон Микали улыбнулся, наглое очарование вернулось на место. «Вся жизнь здесь, с великим Микали. Входи и будь осторожен.»

Бейкер стоял в фойе морга с Фрэнсисом Вудом. В нем не было ничего особенно похожего на священника. На взгляд Бейкера, ему было около шестидесяти, высокий, добродушный мужчина с седеющей бородой, которая остро нуждалась в стрижке. Он был одет в темную куртку и синий свитер с воротником-поло.

— Ваша жена, сэр? — Бейкер кивнул в сторону Хелен Вуд, которая стояла в дверях и разговаривала с миссис Картер. «Она воспринимает все это на удивление хорошо».

«Дама с выдающимся характером, суперинтендант. Она рисует, ты знаешь. В основном акварелью. У нее была неплохая репутация под ее прежним именем.»

— Морган, сэр? Да, я задавался вопросом об этом. Миссис Вуд, я полагаю, была вдовой?

— Нет, суперинтендант, разведен. Фрэнсис Вуд слабо улыбнулся. «Это удивило бы вас, Англиканская церковь придерживается своих взглядов. Объяснение достаточно простое. Если использовать старомодный термин, у меня есть личные средства. Я могу позволить себе управлять своей лодкой. Был разрыв в год или два, когда мы впервые поженились, когда я был без работы, а затем мой нынешний епископ написал мне о Стипл-Дареме. Вряд ли это центр вселенной, но люди там были без ректора в течение шести лет и были готовы принять меня. И я мог бы добавить, что мой епископ — человек печально известных либеральных взглядов.»

— А отец ребенка? Где мы могли бы с ним связаться? Его нужно будет уведомить.»

Прежде чем Вуд успел ответить, миссис Картер ушла, а его жена повернулась и подошла к ним. Ей было тридцать семь, Бейкер знал это из информации, предоставленной Стюарт, и выглядела она на десять лет моложе. У нее были пепельно-светлые волосы, завязанные на затылке, убранные назад с лица необычайной красоты и самых спокойных глаз, которые он когда-либо видел в своей жизни. Она была одета в старый военный плащ, на котором когда-то были капитанские три пипетки в эполетах, его острые глаза полицейского заметили дыры.

«Мне жаль, что приходится спрашивать вас об этом, но пришло время для официального опознания, миссис Вуд».

— Если вы будете настолько любезны, чтобы показать дорогу, суперинтендант, — сказала она низким, сладким голосом.

Доктор Эванс, патологоанатом, ждал в комнате для вскрытия в сопровождении двух

техников-мужчин, уже одетых в белые комбинезоны, ботинки и длинные бледно-зеленые резиновые перчатки.

Комната была освещена флуоресцентными лампами, такими яркими, что было больно глазам, и в ряд стояло полдюжины операционных столов из нержавеющей стали.

Девочка лежала на спине на ближайшей к двери кровати, накрытая белой простыней, ее голова покоилась на деревянной подставке. Подошли Хелен Вуд и ее муж, за ними Бейкер и Стюарт.

Бейкер сказал: «Это будет неприятно, миссис Вуд, но это должно быть сделано».

— Пожалуйста, — сказала она.

Он кивнул Эвансу, который поднял простыню, обнажив только голову. Глаза девушки были закрыты, на лице не было никаких следов, но остальная часть головы была закрыта белым резиновым капюшоном.

— Да, — прошептала Хелен Вуд. «Это Меган».

Эванс снова закрыл лицо, и Бейкер сказал: «Хорошо, мы можем идти».

— Что теперь будет? — спросила она. — С ней? — спросил я.

Это был Фрэнсис Вуд, который сказал: «Должно быть вскрытие, моя дорогая. Таков закон. Установить законную причину смерти для коронерского расследования.»

— Я хочу остаться, — сказала она.

Это был Бейкер, который по какому-то инстинкту понял это совершенно правильно. «Оставайся здесь, если хочешь, но через пять минут тебе покажется, что ты в мясной лавке. Я не думаю, что ты хотел бы запомнить ее такой.»

Это было жестоко, это было прямолинейно, и это сработало так, что она сразу сломалась, упав на Вуда, в полуобмороке; Стюарт подбежал, чтобы помочь ему. Вместе они вытащили ее из комнаты.

Бейкер повернулся к Эвансу и увидел на его лице только жалость. «Да, я знаю, док. Адский способ зарабатывать на жизнь».

Он ушел. Эванс повернулся и кивнул. Один из техников включил магнитофон, другой снял простыню с тела мертвой девушки.

Эванс начал говорить сухим бесстрастным голосом. Время, одиннадцать пятнадцать вечера двадцать первого июля тысяча девятьсот семьдесят второго года. Главный патологоанатом, Мервин Эванс, старший преподаватель судебной патологии, Медицинская школа Лондонского университета. Субъект, женщина, возраст четырнадцать лет один месяц. Меган Хелен Морган. Погиб примерно в семь пятнадцать вечера этого дня в результате дорожно-транспортного происшествия.»

Он кивнул, и один из техников откинул резиновую черепную крышку, обнажив непосредственные признаки массивного перелома черепа.

Продолжая говорить тем же четким голосом, подробно описывая каждое свое движение, Эванс потянулся за скальпелем и провел им по черепу.

Фрэнсис Вуд вошел через вращающиеся двери и обнаружил, что Бейкер и Стюарт ждут в фойе.

— Теперь с ней все будет в порядке. Она в машине.»

— Что вы собираетесь делать, сэр? Пойти в отель?»

«Нет, она хочет домой».

«Сложная поездка в это время ночи по этим проселочным дорогам Эссекса».

«Я был падре в Королевской артиллерии в Корее зимой пятьдесят первого года, когда

миллион китайцев вышел из Маньчжурии и снова погнался на юг. Я проехал на грузовике Bedford по сильному снегу четыреста миль, и они никогда не отставали. Видите ли, нам не хватало водителей».

«Чертовски хороший способ пройти курсы продвинутого водителя», — прокомментировал Бейкер.

«Один интересный аспект жизни, суперинтендант, заключается в том, что некоторые переживания настолько ужасны, что все, что приходит после, кажется бонусом».

Теперь они разговаривали просто так, и оба это знали. Бейкер сказал: «Только одно, сэр, мне позвонило мое начальство. Похоже, что по соображениям безопасности, прямая связь между смертью вашей дочери и делом Коэна не будет обнародована. Я надеюсь, что вы и ваша жена сможете принять это».

— Откровенно говоря, суперинтендант, я думаю, вы поймете, что моя жена бесконечно предпочла бы, чтобы это ужасное дело было улажено как можно тише.

Он повернулся к двери, затем остановился. «Но мы забыли. Ты спрашивал меня об отце Меган.»

— Совершенно верно, сэр. Где мы можем с ним связаться? Бейкер кивнул, и Стюарт достал свой блокнот.

— Боюсь, довольно сложно. Его нет в стране.»

— За границей, сэр?

«Это полностью зависит от вашей точки зрения. Белфаст, суперинтендант, вот где он сейчас находится. Полковник Аса Морган, парашютно-десантный полк. Я полагаю, что нужный отдел Министерства обороны мог бы помочь вам связаться с ним, но вы знаете об этом гораздо больше, чем я».

— Да, сэр, предоставьте это нам.

— Тогда я пожелаю тебе спокойной ночи.

Дверь распахнулась за ним. Стюарт сказал: «Полковник Аза Морган, парашютно-десантный полк. Знаете что, сэр, я не думаю, что он будет слишком доволен, когда услышит об этом, такой человек.»

— И это еще мягко сказано для нашего чертова века, — яростно сказал Бейкер.

— Вы знаете его, сэр?

— Да, инспектор. Можно и так сказать.»

Бейкер направился прямо в кабинет портье, позвонил в Скотленд-Ярд и попросил соединить его с помощником комиссара Джо Харви, главой Специального отдела, который, как он знал, уже устроился там на ночь с раскладушкой в своем кабинете.

— Гарри Бейкер слушает, сэр, — сказал он, когда Харви ответил. «Я в морге. Девушка, которую наш друг сбил в Паддингтонском туннеле во время побега, — ее мать только что ушла после формального опознания. Некая миссис Хелен Вуд.»

«Я думал, парня звали Морган?»

— Ее мать в разводе, сэр. Вторично вышла замуж за викария, из всех вещей. Бейкер заколебался. «Послушайте, сэр, вам это ни капельки не понравится. Ее отец...»

Он снова заколебался. Харви сказал: «Выкладывай, Гарри, ради Бога».

«Это Аса Морган».

«На мгновение воцарилась тишина, а затем Харви сказал: «Дорогой Боже на небесах, это все, что нам было нужно».

Последнее, что я слышал, он был в Международном аэропорту Омана со Специальной

воздушной службой. Знаешь, что это такое, Джордж?

Бейкер стоял у окна своего кабинета. Было немного за полночь, и дождь барабанил по стеклу.

Стюарт передала ему чашку чая. — Не могу сказать, что понимаю, сэр.

«То, что военные называют элитным подразделением. Армия предпочитает хранить молчание об этом настолько, насколько это возможно. Любой солдат, проходящий службу, может стать добровольцем. Я считаю, что трехлетний тур — это правило».

— И что именно они делают?

«Что-нибудь слишком грубое, чтобы с ним мог справиться кто-то другой. Самое близкое к СС, что у нас есть в британской армии. В данный момент они в Омане на правах аренды у султана, выбивают из его марксистских повстанцев в горах веселый ад. Они также служили в Малайе во время чрезвычайной ситуации. Там я впервые с ними столкнулся».

— Я не знал, что вы были там, сэр.

«Прикомандирован. У них не слишком хорошо шли дела с китайским коммунистическим подпольем, поэтому они решили посмотреть, смогут ли помочь настоящие копы. Там я и встретил Моргана.»

— Что с ним, сэр? — спросил Стюарт. — Что в этом такого особенного?

— Ты выбрал правильное слово, это точно. Бейкер медленно набил трубку. «Ему, должно быть, сейчас чертовски близко к пятидесяти, Аза. Сын валлийского шахтера из Рондды. Я не знаю, что с ним случилось раньше во время войны, но я знаю, что он был одним из тех несчастных, которых они бросили в Арнеме. Тогда он был сержантом. После этого получил звание младшего лейтенанта».

— Тогда что? — спросил я.

«Палестина. Он говорил, что впервые попробовал городских партизан. Затем его откомандировали в Ольстерские винтовки, когда они отправились в Корею. Захвачен китайцами. Они держали его целый год, эти ублюдки. Я знаю, что некоторые люди думали, что все то, что они использовали для промывания мозгов нашим парням, действительно ударило ему в голову».

— Что вы имеете в виду, сэр?

«Когда он вернулся, он написал этот трактат о том, что он назвал новой концепцией революционной войны. Продолжал цитировать Мао Цзэдуна, как будто он был Библией. Я полагаю, Генеральный штаб решил, что он либо стал коммунистом, либо знал, о чем говорил, поэтому они послали его в Малайю, где я с ним и познакомился. Мы довольно долго работали вместе.»

«Ты сделал что-нибудь хорошее?»

«Мы победили, не так ли? Единственным коммунистическим восстанием со времен Второй мировой войны, которое было успешно подавлено, была Малайя».

«Я снова видел его некоторое время в Никосии во время кипрской истории, когда меня откомандировали туда по такой же сделке. Если подумать, он только что женился перед отъездом из Великобритании, теперь я это помню, так что возраст ребенка подходит. Я помню, как слышал, что он был в Адене в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом, потому что он получил DSO за то, что спас шею кучки горцев Аргайлла и Сазерленда, которые попали в засаду в районе Кратера».

«Похоже, он настоящий мужчина».

«О, да, можно и так сказать. Оригинальный солдат-монах. Армия для него — все. Семья

и дом в одном флаконе. Я не удивлен, что его жена ушла от него».

«Интересно, что он сделает, сэр, когда услышит о своей дочери».

— Одному богу известно, Джордж, но я могу себе представить.

Ветер дребезжал в окне, а снаружи по крышам с Темзы струился дождь.

Но в Белфасте в тот день тоже происходили необычные вещи. День, который должен был войти в историю войны в Ольстере как Кровавая пятница.

Первая бомба взорвалась в два десять пополудни на автобусной станции Смитфилда, последняя — в три пятнадцать в торговом центре на Кейвхилл-роуд.

Всего двадцать две бомбы, в местах, разбросанных по всему городу, обычно там, где можно ожидать присутствия большого количества людей. Протестант или католик, это не имело значения. К концу дня девять человек погибли и сто тридцать получили ранения.

В полночь армия все еще была в силе. Не менее двенадцати бомб, взорвавшихся в тот день, были в районе Нью-Лодж-роуд, за который отвечали 40 командос Королевской морской пехоты.

На боковой улочке, усеянной осколками и осколками, у самой Нью-Лодж-роуд, дюжина морских пехотинцев прижалась к стене напротив того, что когда-то было баром «Избранное» Коэна, который яростно горел. Двое полицейских небрежно стояли посреди улицы, осматривая место происшествия. Один был лейтенантом морской пехоты. На другом был красный берет десантника и камуфляжная форма с расстегнутым воротом, без знаков различия и без бронежилета.

У него было темное, опустошенное лицо человека, который слишком хорошо узнал мир, в котором жил, и теперь испытывал к нему только презрение. Невысокий, смуглый мужчина с широкими плечами, полный неугомонной жизненной силы, которая каким-то образом подчеркивалась бамбуковой тростью, которой он постукивал по своему правому колену.

— Кто такой пара? — прошептал один морской пехотинец другому.

Возглавляет специальный отдел в штабе — полковник Морган. Настоящий ублюдок, как я слышал, — ответил мужчина рядом с ним.

На плоской крыше многоквартирного дома в семидесяти пяти ярдах от нас двое мужчин присели у парапета. Одним из них был Лиам О» Хаган, в то время главный офицер разведки Временной ИРА в Ольстере. Он осматривал сцену возле бара Кохана с помощью ночного бинокля Zeiss.

Молодой человек рядом с ним нес обычную винтовку.303 Lee Enfield того типа, который очень нравится снайперам британской армии и ИРА. На нем был установлен инфракрасный усилитель изображения, чтобы он мог искать цель в темноте.

Теперь он прищурился, прислонив ствол к парапету. — Сначала я разберусь с чертовым десантником.

«Нет, ты этого не сделаешь», — мягко сказал ему О» Хаган.

— А почему бы и нет?

«Потому что я так говорю».

Внизу из-за угла вывернул «лендровер», а за ним, совсем близко, еще один. Они были раздеты до самого необходимого, так что водитель и трое солдат, которые сидели на корточках в задней части каждой машины позади него, были полностью обнажены. Это были десантники, эффективные, крепкие на вид молодые люди в красных беретах и бронежилетах, с автоматами Sterling, готовыми к немедленному действию.

«Не могли бы вы взглянуть на это сейчас. Просто просят, чтобы их срубили, тупые ублюдки. Ты же не будешь говорить мне, что я не могу взломать один из них?»

«Это было бы твоим последним», — сказал ему О» Хаган. «Они точно знают, что делают. Они усовершенствовали эту технику открытого показа в Адене. Экипаж каждой машины присматривает за другой. Без броневой защиты, которая мешала бы им, они могут мгновенно открыть ответный огонь».

— Чертов ээсовец, — сказал мальчик.

«Хаган усмехнулся. — Чертовски неприятные вещи говорить человеку, который когда-то занимал королевский пост.

Внизу Аса Морган сел рядом с водителем первого «Лендровера», и две машины уехали.

Лейтенант морской пехоты отдал приказ, и отделение встало и двинулось в путь. На улице теперь было тихо, только пламя все еще яростно горело в баре Кохана, время от времени внутри взрывалась бутылка, когда до нее доходил жар.

«Матерь Божья, какая пустая трата хорошего виски», — сказал Лайам О» Хаган. «Что ж, настанет день, по крайней мере, так говорят мне мои товарищи-социал-демократы, когда Ирландия не только снова станет свободной и единой, но и виски будет в кране, как вода в доме каждого порядочного человека».

Он ухмыльнулся и хлопнул мальчика по плечу. «А теперь, Шеймас, мой мальчик, я думаю, нам нужно убираться отсюда к чертовой матери».

Морган стоял у стола в офисе генерального директора в отеле «Гранд Централ» на Роял-авеню, где располагался центральный городской полк и расквартировано пятьсот солдат.

Он тупо уставился на сигнал в своей руке, и молодой офицер штаба, который принес его из штаба, неловко заерзал.

«ГОС попросил меня выразить его искренние соболезнования. Ужасный бизнес. Он санкционировал вашу дальнейшую транспортировку в Лондон первым доступным рейсом.»

Морган нахмурился. «Это очень любезно с его стороны. Но как насчет операции «Машинист»?

«Ваши обязанности будут возложены на кого-то другого, полковник. Приказ министра обороны.»

— Тогда мне лучше начать собирать вещи.

Где-то вдалеке раздался глухой хлопок взрыва и грохот пулеметной очереди. Молодой офицер встревоженно вздрогнул.

«Не о чем беспокоиться», — сказал ему Аса Морган. «Ночные звуки Белфаста, вот и все», — и он вышел.

Стипл Дарем находился в Эссексе, недалеко от реки Блэк-Уотер. Болотистая местность, ручьи, высокая трава, постоянно меняющая цвет, как будто ее касается невидимое присутствие, повсюду журчание воды. Чужой мир, населенный в основном птицами. Кроншнеп, красноперка и гуси породы брент прилетают на юг из Сибири, чтобы перезимовать на фиатах.

Деревня была крошечной, разрозненной общиной саксонского происхождения, и склеп церкви был, по крайней мере, таким ранним, хотя остальное было нормандским.

Фрэнсис Вуд работал на кладбище, подстригая траву на обочинах старой ручной косилкой, когда к воротам подъехала серебристая спортивная машина и из нее вышел Аса Морган. На нем были слаксы, темно-синий свитер-поло и коричневая кожаная куртка-бомбер.

— Привет, Фрэнсис, — сказал он.

Фрэнсис Вуд посмотрел на Каррера Тарга. — Я вижу, «порше» все еще у тебя.

«Мне больше не на что тратить свои деньги. Я продолжаю снимать квартиру на Грэшем-Плейс. Там есть гараж в подвале. Это очень удобно.»

Грачи поднялись с буковых деревьев над их головами, сердито крича. Вуд сказал: «Мне жаль, Аса. Больше, чем я когда-либо мог сказать».

— Когда похороны? — спросил я.

— Завтра днем. Два тридцать.»

«Ты исполняешь обязанности?»

— Если у вас нет возражений.

«Не будь дураком, Фрэнсис. Как Хелен это восприняла?»

— Она еще не сломалась, если ты это имеешь в виду. Если вы хотите увидеть ее, вы найдете ее на дамбе, за рисованием. На твоём месте я бы действовал очень осторожно».

«Почему?»

«Конечно, они объяснили странные обстоятельства смерти Меган?»

«Ее убил водитель, совершивший наезд и скрывшийся с места происшествия».

«Было нечто большее, чем это, Аза».

Морган непонимающе уставился на него. — Тогда тебе лучше рассказать мне об этом, не так ли?

Морган прошел по тропинке через ворота лича, обогнул серый каменный дом священника с пантильной крышей и поехал по тропинке вдоль дамбы к устью реки. Он мог видеть ее издали, сидящую за мольбертом, одетую в старый военный плащ, который он купил в год, когда они поженились.

Она оглянулась через плечо на звук его приближения, затем продолжила рисовать. Он некоторое время стоял позади нее, ничего не говоря. Конечно, это была акварель, ее любимая среда. Вид на болото и море и серое небо, полное дождя, это было действительно очень красиво.

«Ты становишься лучше».

«Привет, Аса».

Он сидел на траве сбоку от нее, курил, а она продолжала рисовать, ни разу не взглянув на него.

— Как прошел Белфаст? — Спросил я.

— Не слишком хорошо.

— Я рада, — сказала она. «Вы достойны друг друга».

Он спокойно сказал: «Раньше я думал, что эта фраза имеет особое применение, когда речь идет о нас».

«Нет, Аса, какую бы кару я ни заслужил в этой жизни, я никогда не заслужил тебя».

«Я никогда не притворялся кем-то другим, чем я был».

«Мы легли в постель вместе в нашу первую брачную ночь, а утром я проснулась с незнакомцем. В каждой маленькой гнилой войне, которую они затевали, ты был первым добровольцем. Кипр, Борнео, Аден, Оман, а теперь эта мясная лавка за Ирландским морем».

«За это мне и платят. Ты знал, на что идешь.»

Теперь она была зла. «Черта с два я это сделал. Конечно, не Кипр и не то, что ты сделал там для Фергюсона».

«Другой вид солдатства, охота на городских партизан», — сказал он. «Правила другие».

— Какие правила? пытки, промывание мозгов? Прислонить человека к стене на кончиках пальцев с ведром на голове на двадцать четыре часа? Разве не в этом вас обвиняли

газеты в Никосии? Вы все еще используете его в Белфасте, или вы придумали какое-то более приемлемое усовершенствование?»

Он встал, его лицо было мрачным. «Это ни к чему нас не приведет».

— Ты знаешь, почему я ушла? — спросила она. «Знаешь, что в конце концов решило меня? Когда ты был в Адене. Когда я прочитал в газетах, как после того, как они устроили засаду на один из ваших патрулей, вы пошли в Кратер пешком, совершенно безоружный, если не считать этой проклятой трости, и встали перед броневиком, чтобы привлечь огонь на себя, вызывая повстанцев подойти к окну и выстрелить в вас. Когда я прочитала это, увидела фото на каждой первой странице, я собрала вещи, потому что тогда я знала, Эйса, что я была замужем за ходячим мертвецом десять лет».

Морган сказал: «Я не убивал ее, Хелен».

«Нет, но это сделал кто-то очень похожий на тебя».

Это было, пожалуй, самое жестокое, что она могла сказать. Все краски отхлынули от его лица. На мгновение ей захотелось протянуть руку, снова заключить его в свои объятия. Привязать его к себе, как будто она могла вместить невероятную жизненную силу этого человека, ту элементарную суть его существования, которая всегда ускользала от нее. Но это была глупость худшего порядка, обреченная на провал, как это всегда проваливалось раньше.

Она подавила любую жалость, которую могла бы почувствовать, и холодно продолжила: «Фрэнсис рассказал тебе о приготовлениях к похоронам?»

«Да».

«Мы надеемся на очень тихий роман. Не должно быть никакой публичной связи с бизнесом Коэна по соображениям безопасности, что хорошо. Если вы хотите ее увидеть, она в похоронном бюро в Грэнтеме. Бассейн и сын — Джордж-стрит. А теперь я бы хотел, чтобы ты ушел, Аса.»

Он долго стоял там, глядя на нее, а затем ушел.

Мистер Генри Пул открыл внутреннюю дверь и провел нас в часовню упокоения. Атмосфера была насыщена ароматом цветов, а записанная на пленку музыка создавала подходящий религиозный фон. По обе стороны было полдюжины кабинок, и мистер Пул пригласил Морган в одну из них. Повсюду были цветы, а на задрапированной тележке стоял дубовый гроб с частично откинутой крышкой.

Помощник, который первым приветствовал Моргана в магазине по его прибытии, высокий худощавый молодой человек по имени Гарви, одетый в темный костюм и черный галстук, стоял по другую сторону гроба.

Глаза девушки были закрыты, губы слегка приоткрыты, тронуты румянцем, лицо сильно накрашено.

Гарви сказал: «Лучшее, что я мог сделать, мистер Пул». Он повернулся к Моргану. — Обширное повреждение черепа, сэр. Очень сложно.»

Но Морган не слышал его, потому что, когда он в последний раз посмотрел на лицо своей дочери, желчь подступила к его рту, угрожая задушить его. Он повернулся и, пошатываясь, вышел на улицу.

Когда позже тем же днем Стюарт ввел его в кабинет Гарри Бейкера, Бейкер стоял у окна и смотрел на улицу. Он обернулся.

«Привет, Эйса. Прошло много времени.»

«Гарри».

— Достопочтенный преподобный что-то говорил, не так ли?

«Это верно».

Морган сел, и Бейкер сказал: «Джордж Стюарт, мой инспектор».

Он сам сел за стол. Сказал Морган. «Хорошо, Гарри. Что ты можешь мне сказать?»

— Ничего, — ответил Бейкер. Уровень безопасности, приоритет один. Специальное отделение поставляет только мышцы. D15 отвечает за это. Четвертая группа, которая получила новые полномочия, непосредственно от самого премьер-министра, для координации рассмотрения всех случаев терроризма, подрывной деятельности и тому подобного».

— Кто здесь главный?

— Фергюсон.

«Он был бы. Боже на небесах, это как пройти полный круг, не так ли? Когда я смогу его увидеть?»

Бейкер взглянул на часы. — Примерно через тридцать пять минут в его квартире на Кавендиш-сквер. Он предпочитает видеть тебя там. Он поднялся на ноги. «Давай, я отвезу тебя сам».

Морган встал. — В этом нет необходимости.

— Приказ, старина. Бейкер улыбнулся. «И вы знаете, как Фергюсон относится к людям, которые их не выполняют».

Бригадный генерал Чарльз Фергюсон был крупным, добродушным мужчиной, чей мятый костюм казался на размер больше. Единственным военным аспектом его внешности был гвардейский галстук. Растрепанные седые волосы, двойной подбородок, очки в форме полумесяца, в которых он читал «Файнэншл таймс» у камина, когда вошли Морган и Бейкер, — все это придавало ему вид какого-то второстепенного профессора.

«Аса, мой дорогой мальчик, как приятно тебя видеть».

Голос был слегка сиплым, немного надтреснутым, скорее как у стареющего актера из второсортной гастрольной труппы, который хочет убедиться, что его слышат в задней части зала.

Он кивнул слуге, бывшему гуркха-наику, который терпеливо ждал у двери. «Хорошо, Ким. Чай на троих.»

Гуркха удалился, и Морган оглядел комнату. Камин Адама был настоящим, как и огонь, который горел там. Остальное тоже было грузинским. Все подобрано идеально, даже тяжелые шторы.

«Мило, не правда ли?» — сказал Фергюсон. «Моя вторая девушка, Элли, она сделала это для меня. Сейчас в отделке интерьера.»

Морган подошел к окну и посмотрел на площадь. «Ты всегда неплохо справлялся сам».

«О боже, ты собираешься быть утомительным, Аса? Какая жалость. Очень хорошо, давайте покончим с этим. Ты хотел меня видеть?»

Морган взглянул на Бейкера, который сидел в кожаном кресле в другом конце комнаты, набивая трубку. «По словам Гарри, все было наоборот».

— Так и было? — весело спросил Фергюсон.

Вошел гуркх с подносом, который он поставил у камина и удалился. Фергюсон взял чайник.

— Ради всего святого, — яростно взорвался Морган.

«Хорошо, Аса. Вы уже знаете, что человек, застреливший Максвелла Коэна, тот же, кто сбил вашу дочь в Паддингтонском туннеле. Я прав?»

«Да».

«И вы, естественно, хотели бы заполучить его в свои руки. И мы бы тоже. То же самое сделали бы разведывательные организации большинства ведущих стран. Видите ли, единственное, что мы знаем наверняка об этом джентльмене, так это то, что он выполнял однотипные упражнения с монотонным и довольно впечатляющим успехом по всему миру уже около трех лет».

«И что с этим делается?»

«Вы можете спокойно предоставить это нам. Я связался с Министерством обороны. Они сообщают мне, что в этих особых обстоятельствах вам будет предоставлен месячный отпуск». Теперь Фергюсон был серьезен. «На твоём месте, Аса, я бы похоронил твоих мертвецов, а потом на какое-то время уехал как можно дальше».

«В самом деле, ты бы хотел?» Валлийский акцент был гораздо более заметен сейчас, как и всегда во времена стресса. Морган повернулся к Бейкеру: «А ты, Гарри? Это то, что ты бы сделал?»

Бейкер выглядел обеспокоенным. Фергюсон сказал: «Они рассматривают возможность включения тебя в осенний список, или ты уже слышал шепот? Бригадир, Аса, в твоём нынешнем возрасте это означает, что ты должен стать генерал-майором, по крайней мере, до того, как уйдешь на пенсию. Есть чем гордиться.»

«Для кого?»

«Не порть это, Аса. Ты прошел долгий путь.»

«Для маленького валлийского парня из шахты, который вошел в вербовочный пункт с задницей, торчащей из брюк, не это ли ты имеешь в виду?»

Морган вышел, яростно хлопнув дверью. Бейкер сказал: «Вы были немного грубы с ним, сэр».

— Именно это я и имел в виду, старший суперинтендант. Он вернется, когда достигнет точки кипения. Фергюсон снова потянулся к чайнику. — Итак, как бы тебе это понравилось?

Интерьер церкви Святого Мартина в Стипл-Дареме был скучным и красивым в своей простоте. Нормандские колонны, поднимающиеся к крыше, которая была богато украшена резьбой с фигурами, как людей, так и животных. Возможно, потому, что в то время, когда он был построен, он использовался как убежище, на уровне земли не было окон. Единственным источником света были круглые, этажные окна, расположенные высоко под крышей, так что сама церковь была погружена в полумрак.

Гарри Бейкер и Стюарт прибыли сразу после двух и обнаружили Фрэнсиса Вуда, ожидающего на крыльце в его облачении.

— Старший суперинтендант — инспектор. Хорошо, что вы оба пришли.»

— Боюсь, новостей нет, сэр.

— Вы имеете в виду, никакого ареста? — мягко улыбнулся Вуд. «Какое значение это могло бы иметь для нас сейчас, если бы было?»

— Вчера я видел полковника Моргана. Его чувства были несколько иными».

«Зная Азу, я бы предположил, что да».

Начали прибывать люди, в основном пешком, очевидно, жители деревни. Вуд поприветствовал их, а затем ворота в стене на другой стороне церковного двора, которые вели в сад приходского священника, открылись, и появилась его жена.

Она не была одета в траур, но была одета в простой серый костюм с плиссированной юбкой, коричневые туфли и чулки. Ее волосы были завязаны сзади бархатным бантом, как и

в первый раз, когда Бейкер встретил ее. Она была неестественно спокойна, учитывая обстоятельства.

Она кивнула Бейкеру. — Суперинтендант.

Бейкер, на этот раз, не мог придумать, что сказать. Фрэнсис Вуд коротко поцеловал ее в щеку, и она вошла внутрь. Катафалк остановился у ворот Лича, и несколько мгновений спустя гроб был вынесен вперед на плечах Гарри Пула, его сына и четырех помощников, одетых соответствующим образом в черные пальто.

Вуд вышел вперед, чтобы поприветствовать их. Бейкер сказал: «Знаешь, что я ненавижу в таких вещах, Джордж? Тот факт, что они, вероятно, уже сделали два сегодня. Тот же катафалк, те же черные пальто, те же подходящие выражения. Это что-то значит, но я не уверен, что именно.»

— Никаких признаков Моргана, сэр.

«Так я и заметил», — сказал Бейкер и добавил, когда процессия двинулась к ним: «Давайте зайдем внутрь, раз уж мы здесь».

Они сидели на скамье в середине церкви, и кортеж двигался мимо них, Фрэнсис Вуд читал Приказ о погребении мертвых.

Я есмь воскресение и жизнь, говорит Господь: верующий в Меня, если и умрет, оживет; и всякий живущий и верующий в Меня, не умрет вовек.

Гроб поставили перед оградой алтаря, носильщики удалились. Последовала пауза, и Вуд продолжил.

Господь, Ты был нашим прибежищем из поколения в поколение.

Дверь открылась, затем снова закрылась так громко, что он остановился и поднял глаза от молитвенника. Головы повернулись. Там стоял Аса Морган в полной форме, острой, как бритва, с блестящим начищенным поясом Сэма Брауна, медали висели аккуратным рядом под крыльями SAS над карманом мундира. Он снял красный берет, сел на заднюю скамью.

Единственным человеком, который не обратился, была Хелен Вуд. Она сидела одна на передней скамье, расправив плечи и глядя перед собой. Последовала коротчайшая пауза, а затем ее муж продолжил громким, ясным голосом.

Когда они вышли на церковный двор, вдалеке прогремел гром, и первые крупные капли дождя усеяли каменные плиты дорожки.

«Одно из величайших жизненных клише», — заметил Бейкер. «В восьми случаях из десяти на похоронах идет дождь. Вот почему я принес эту вещь».

Он раскрыл свой зонтик, и они со Стюартом последовали за деревенскими жителями, пробираясь между надгробиями к свежерытой могиле.

Большинство из них держались на почтительном расстоянии, в то время как Хелен Вуд стояла на краю могилы лицом к лицу со своим мужем. Аса Морган стоял позади ректора, его красный берет был наклонен вперед под точным регулировочным углом.

Фрэнсис Вуд продолжил выступление, немного повысив голос, когда дождь усилился. Его жена в нужный момент опустилась на одно колено, чтобы набрать горсть земли и бросить в открытую могилу. Она оставалась там на мгновение, затем подняла глаза и обнаружила, что Морган вышла вперед и встала рядом со своим мужем.

Фрэнсис Вуд продолжал без колебаний, Земля к Земле, пепел к пеплу, прах к праху, в твердой и уверенной надежде на Воскресение.

Морган снял с головы красный берет и бросил его в открытую могилу поверх гроба. Его жена медленно встала, не сводя глаз с его лица. Он повернулся, прошел мимо надгробий и

вошел в церковь.

«Что должно дать им повод для разговоров в деревне на довольно долгое время», — заметил Бейкер.

Когда Фрэнсис Вуд вошел в церковь несколько минут спустя, он обнаружил Моргана, сидящего на передней скамье, скрестив руки и уставившись на алтарь.

Вуд сказал: «Ну, Аса, ты пришел не молиться, так чего именно ты хочешь?»

«Нет, если это лучшее, на что ты способен, та чушь, которую ты нам там преподнес, — сказал ему Морган. «Поскольку Богу его великой милости было угодно забрать к себе душу нашей дорогой сестры, ушедшей отсюда. Что, черт возьми, ты хочешь этим сказать, Фрэнсис?»

— Я не знаю, Аса. Видите ли, для меня это вопрос веры. Вера в Божью цель для всех нас».

«Это действительно очень утешительно». Морган встал и поднялся по ступенькам к кафедре.

— Хорошо, Аса, говори то, что ты должен сказать.

В задней части церкви Бейкер и Стюарт стояли в тени у двери, прислушиваясь.

Морган сказал: «Я пытаюсь примирить факт Божьего милосердия с маленькой девочкой на велосипеде, которая встала на пути бешеного фанатика, спасаясь от покушения на убийство. Кстати, вам будет интересно узнать, что арабская террористическая группировка под названием «Черный сентябрь» взяла на себя ответственность. Красивое слово, ты должен признать. Все в терминологии.»

Теперь в нем было неестественное спокойствие, и он так крепко вцепился в край кафедры, что побелели костяшки пальцев.

Вуд сказал: «Аса, Бог наказывает, люди только мстят. Я думаю, что знаю дорогу, по которой ты хочешь пойти, и я говорю тебе это сейчас. В конце вы ничего не найдете. Нет ответа — нет удовлетворения — ничего.»

Морган огляделся вокруг. «Я никогда раньше не осознавал, какой у тебя отсюда хороший вид». Он спустился по ступенькам, быстро прошел по проходу и вышел.

Бейкер и Стюарт последовали за ним. Дождь лил сильнее, чем когда-либо, и они смотрели, как он с непокрытой головой прошел к воротам лича и пересек улицу к Порше.

Бейкер сказал Стюарту: «Ты берешь машину и едешь за ним. Я сяду на поезд обратно в Лондон. Прилипни к нему, как клей. Я хочу знать, куда он ходит и что он делает. Потеряй его, и я получу тебя.»

Стюарту было нетрудно держать серебристый Porsche на виду, потому что даже после того, как он обогнул Лондон и выехал на северную автомагистраль M1, Морган редко набирал скорость больше семидесяти миль в час, выезжая на скоростную полосу только тогда, когда нужно было обогнать тяжелый грузовик или другое особенно медленно движущееся транспортное средство.

Недалеко от Донкастера он заехал в зону обслуживания, чтобы заправиться. Стюарт сделала то же самое, держась подальше. «Порше» двинулся к автостоянке, и Морган вышел. Он сунул руку внутрь и вытащил военный плащ, который он надел поверх своей формы. Затем он направился к кафе самообслуживания.

Стюарт припарковался в нескольких машинах от нас, затем пошел в туалет. Выйдя, он убедился, что «Порше» все еще в поле зрения, затем подошел к кафе и заглянул внутрь. Не было никаких признаков Моргана.

Он быстро обернулся, но он не ошибся. «Порше» все еще был там, а потом он увидел полковника, присевшего рядом со своей машиной.

Когда Стюарт поспешил к нему, Морган встал, и Стюарт увидел, что у него спустило переднее колесо.

— Послушай, какого черта ты делаешь? — сердито спросил он. — Что ты делаешь?

Морган пнул колесо. — Похоже, у вас неприятности, инспектор. На твоём месте я бы связался с полицейским».

Он подошел к «порше», сел в него и быстро уехал.

В то утро Микали встал поздно, и только в одиннадцать часов он отправился на свою обычную пробежку в Гайд-парк, несмотря на сильный дождь. Не то чтобы это его беспокоило. Он любил дождь. Это давало ему ощущение безопасности, замкнутости, скорее как пребывание в собственном маленьком мире.

Он, наконец, вернулся в квартиру на Аппер-Гросвенор-стрит и открыл дверь навстречу аромату свежемолотого кофе. Сначала он предположил, что девушка с прошлой ночи не ушла домой, а затем Жан-Поль Девиль появился в дверях кухни.

«А, вот и ты. Впускаю себя с помощью аварийного ключа. Надеюсь, ты не возражаешь.»

Микали взял полотенце из ванной и вытер пот с лица. — Когда ты поступил на службу?

— Самолет с завтраком. Я подумал, нам стоит поболтать.»

Он вернулся к приготовлению кофе. Микали сказал: «Все прошло не слишком гладко».

«Ты выстрелил ему в голову в упор. Кто мог желать большего? И мы достигли того, что намеревались сделать. Крупное покушение на убийство в центре Лондона. Заголовки во всех газетах мира и прекрасная реклама палестинского дела. Черный сентябрь в восторге. Их человек в Париже приходил ко мне прошлой ночью. Я понимаю, это было немного тяжело. Ты волновался?»

«Когда я был в Алжире, у арабов была поговорка. Это происходит по воле Божьей. Как бы тщательно вы ни планировали, в один прекрасный день кто-то появляется там, где его не должно быть. Пистолет, который, как известно, никогда не заедает, делает. Это то, что в конце концов убьет меня и тебя, когда ты меньше всего этого ожидаешь».

— Очень может быть, — сказал Девиль. — Как та девушка на велосипеде в туннеле?

«Это было прискорбно. Я пытался избегать ее, но ничего нельзя было поделать. В обеих лондонских вечерних газетах было мельчайшее упоминание, но чего я не могу понять, так это почему они не связали это с делом Коэна».

«Да, я задавался вопросом об этом. Я поручил своим людям в Лондоне провести расследование. Кажется, родители девушки развелись некоторое время назад. Отец — полковник десантников по имени Морган — Аса Морган. В данный момент служит в Ирландии. КГБ в нашем посольстве в Лондоне любезно проверил его через компьютер для меня, и у него неплохой послужной список. Эксперт в подрывной деятельности, городских партизанских техниках, передовых методах допроса. Был даже китайским пленником в Корее. Имеет смысл, что армия предпочла бы не привлекать внимания к такому человеку, как этот, что объясняет официальное рассмотрение этого вопроса».

«Они также очень сдержанно относятся к критянину». Микали налил чай в чайник.

«Что это должно означать? Что ты боишься, что заслуга достанется кому-то другому?»

Микали рассмеялся. «Иди к черту».

— Достаточно скоро, мой друг. Девиль взял свой кофе и сел у окна. «Для революционеров всего мира, от Красной бригады до ИРА, критский любовник — живая

легенда. Но не ошибись. Файлы каждого западного разведывательного агентства в мельчайших деталях фиксируют каждую вашу операцию. Раскрывая как можно меньше общественности, они надеются повысить свои шансы поймать вас. Кроме того, все любят победителей. Ты можешь даже стать популярным, а этого никогда не будет.»

«Это мысль».

Девиль достал из кармана сложенный листок почтовой бумаги и подтолкнул его ко мне. «Я снова изменил номер вашего почтового ящика для экстренных сообщений, не только в Лондоне, но также в Манчестере и Эдинбурге. Учись и гори.»

— Хорошо, — Микали налил чашку чая.

«Ваше выступление прошлой ночью — вы остались довольны?»

— Терпимо. Я никогда не был доволен акустикой Альберт-Холла, но атмосфера здесь отличная».

«А теперь праздник. Что ты собираешься делать? Отправиться на Гидру?»

— Сначала несколько дней в Кембридже.

— Доктор Кэтрин Райли? Сказал Девиль. «Это быстро входит в привычку. Ты серьезно?»

— Она — компания, — сказал Микали. «Не более того, но тогда чертовски трудно найти хорошую компанию в этом паршивом мире, ты не согласен?»

Он расстегнул молнию на правом кармане своего спортивного костюма и достал маленький, довольно уродливый автоматический пистолет, примерно шести дюймов длиной, со странного вида стволом, который он положил на стол.

Девиль поднял трубку. — В чем дело? — спросил я.

«Чешская Ческа. Эта конкретная модель была изготовлена немцами, когда они захватили завод во время войны. Он оснащен очень эффективным глушителем».

— Есть что-нибудь хорошее?

«Их использовала разведка СС».

Девиль осторожно положил его на стол. — Ты всегда ходишь вооруженным, даже когда бегаешь в парке?

Микали налил себе чашку чая, добавил сахар и молоко, по-английски. — Расскажи мне, — попросил он. — Ты все еще носишь с собой капсулу с цианидом?

«Конечно».

«Правила ГРУ, я прав?»

«Да».

«Почему ты никогда не предлагал мне его?»

Девиль пожал плечами. «Потому что я никогда не мог представить ситуацию, в которой ты бы использовал это».

— Вот именно. Микали улыбнулся и взял «Ческу». «Когда наступит этот совершенно неожиданный момент, когда они придут, чтобы забрать меня, это будет у меня в руках. Даже в Зеленой комнате Альберт-холла.»

— Понятно, — сказал Девиль. «Ты падаешь, стреляя. Конец солдата, лицом к врагу. Он вздохнул, и теперь в его голосе звучала неподдельная любовь. «Мой дорогой Джон, ты действительно самый романтичный дурак в душе. Ты так себя видишь? Последний самурай?»

Микали открыл окно и вышел на балкон. Светило солнце, когда он смотрел на парк. День обещал быть теплым.

Он обернулся. «Оскар Уайльд однажды сказал, что жизнь — это скверная четверть часа, состоящая из восхитительных моментов».

«Что возвращает нас к Кембриджу и доктору Райли», — сказал Девилл.

Микали улыбнулся. — Вот именно. Определенно, он имел в виду один из самых изысканных моментов».

К вечеру Морган добрался до Лидса. Он выехал из города по шоссе А65, направляясь к Йоркширским долинам через Отли, Илкли и Скиптон, двигаясь вверх по высокогорному темному ландшафту пустынных вересковых пустошей, увенчанных редкими низкими горными пиками.

Деревня Малхам расположена посреди самых суровых известняковых пейзажей в Йоркшире. Он добрался до него, когда уже темнело, проехал еще милю, прежде чем, наконец, свернул через ворота с пятью засовами к небольшому коттеджу из серого камня, расположенному среди деревьев в саду площадью в пол-акра.

Строго говоря, теперь это была часть поселения Хелен, но когда он проверил, ключ был под камнем, где он всегда хранился. Он открыл дверь, затем пошел и взял свои вещи из машины.

Был тот слегка влажный запах, который исходил от отсутствия использования, но в очаге горел огонь. Он поднес к нему спичку и пошел исследовать верхний этаж, где были две спальни и ванная.

Он нашел то, что хотел, в одном из шкафов. Его старое альпинистское снаряжение. Ботинки, вельветовые брюки и толстые шерстяные свитера. Он отнес их вниз вместе со спальным мешком и разложил вокруг костра. Затем он достал из сумки бутылку скотча, залез в спальный мешок и улегся перед огнем.

Он навалился на бревна и пил виски — много виски, — потому что не хотел думать о ней. Не тогда. Это придет позже. Через некоторое время он заснул.

В паре миль за Малхамом тропинка ведет к скалам Гордейл-Скар. Аса Морган в последний раз посещал это место со своей дочерью в ее двенадцатый день рождения. Уверенно шагая в то утро по болотистой земле под проливным дождем, он снова услышал ее взволнованный голос, когда они обогнули скалистый угол и в поле зрения появился Шрам, водопад, льющийся по центру, сильнее обычного из-за дождя.

Единственным путем вперед был подъем по крутому выступу слева, и он толкал ее вперед, оставаясь рядом, на всякий случай. После этого была долгая борьба по осыпи мимо верхнего водопада, а затем по тропинке вдоль края оврага.

Он пробирался сквозь густой туман и дождь милю за милей, полностью застряв в прошлом. Это было так, как будто она все еще была там, спешила вперед в туман, а затем внезапно появлялась снова, в спешке, чтобы сообщить ему о каком-то открытии.

И на какое-то время он снова был четырнадцатилетним мальчиком, в ту первую неделю после окончания школы. Встал в пять и отправился в горы с пакетом маминых бутербродов с сыром и фляжкой холодного чая. Шесть миль тяжелой ходьбы каждое утро, чтобы добраться до ямы, в которой погиб его отец.

Он никогда не забывал тот первый день. Тошнотворный толчок, когда клетка упала на две тысячи футов вниз, в кошмарный мир тьмы, отчаяния и непосильного труда.

И шестимильный путь обратно в конце его первой смены, такой уставший, что он думал, что никогда не справится. Позже, сидя в старой цинковой ванне перед камином, пока она счищала слой пыли с его тела, он с уверенностью знал только одно. Должно было быть что-то получше, потому что в нем было что-то, он чувствовал это, жаждущее вырваться наружу.

И так оно и было, поскольку некоторые были рождены, чтобы играть, другие были одарены, чтобы стать великими хирургами или музыкантами. Аса Морган был солдатом по натуре. Прирожденный лидер. Для него военная жизнь была таким же призванием, каким служение было для других. Так что, по величайшей иронии судьбы, именно война спасла его; она навсегда забрала его из Ронды и привела в армию.

Прогулка повернула обратно к Малхаму, и это произошло на внутренней части пути, когда он спускался по так называемой Сухой долине. Он подошел к выступу, большому валуну рядом с ним, где они укрылись от дождя, чтобы съесть свои бутерброды.

Сдерживаемая агония вспыхнула внутри него. «Нет!» — закричал он. — Нет! — и повернулся, словно убегая от самого дьявола, скользя и скользя на коварной поверхности, когда он, спотыкаясь, спускался в долину.

Внезапно он оказался на известняковой мостовой, которая, как он знал, вела к краю огромного двухсотдвадцатифутового утеса Малхам-Коув. Ветер унес туман, и вся Долина раскинулась под ним.

Теперь это поднималось внутри него, как раскаленная добела лава, ярость, какой он никогда не знал.

«Я иду, ублюдок!» — закричал он. «Я иду!»

Он побежал по плитам известняка и побежал вниз по тропинке так быстро, как только мог.

К полудню следующего дня он уже стучал в дверь квартиры на Кавендиш-сквер. Его открыл гуркх, Ким, в своем аккуратном белом пиджаке с начищенными медными пуговицами. Морган прошел мимо него, не сказав ни слова, и обнаружил Фергюсона, сидящего за своим столом в гостиной, с очками-полумесяцами на кончике носа, который копался в куче бумаг.

Он поднял глаза и снял их. «Ты был непослушным мальчиком. Бедный старина Стюарт не был принят с распростертыми объятиями по возвращении. Ты, наверное, отбросил продвижение бедняги на пару лет назад.»

— Я хочу его, Чарльз, — сказал Морган. «Я сделаю все, что ты скажешь. Играй как хочешь, но ты должен дать мне шанс.»

Фергюсон встал и подошел к окну. «Месть, — сказал Бэкон, — это своего рода дикое правосудие, и это никуда не годится. Совсем не подойдет. Слишком эмоционально. Это неизбежно повлияет на твое суждение. И тебе уже не двадцать пять, не так ли? — Он решительно покачал головой. «Нет, ты заканчиваешь свой отпуск, а потом возвращаешься в Белфаст».

— Тогда я подаю в отставку со своего поста.

— Ты не можешь, не в твоём случае. Видишь ли, Аса, это твоя секретная информация. Делает тебя особенным. Ты с нами на все время. Прямо как в старые добрые военные времена.»

«Хорошо». Морган поднял руки, защищаясь. «Месяц, это то, что ты сказал, что у меня есть, и тогда это будет месяц».

Он повернулся и вышел, прежде чем Фергюсон смог что-либо ответить.

Конечно, теперь он был спокойнее, снова полностью контролируя себя. Та первобытная вспышка в Малхаме, безумная поездка на юг, высосали из него излишки эмоций. Он снова был профессионалом, холодным, расчетливым и способным к полной объективности.

Но с чего начать, вот в чем была проблема? Он сидел в гостиной квартиры на Грэшем-

Плейс сразу после четырех, просматривая несколько разных газет с сообщениями о стрельбе, когда раздался звонок в дверь. Когда он открыл ее, там стоял Гарри Бейкер с кожаным портфелем в руках.

Он вошел прямо внутрь. «Немного грубо обошлись с молодым Стюартом, не так ли? Я имею в виду, парню нужно учиться.»

Морган последовал за ним в гостиную и остановился в ожидании, засунув руки в карманы. «Хорошо, Гарри, чего ты хочешь?»

«Фергюсон позвонил мне. Сказал, что ты снова был у него на спине.»

«Он также сказал тебе, что предупредил меня?»

«Да».

— И что? — спросил я.

Бейкер достал свою трубку и начал набивать ее. «Ты спас мне жизнь в Никосии, Аса. Если бы не ты, я бы получил пулю в голову от того стрелка из ЭОКИ. Ты толкнул меня на землю и вместо этого получил удар в спину.»

«Мы все совершаем ошибки».

«Если Фергюсон узнает об этом, мне конец, но черт с ним». Бейкер открыл портфель, достал папку из плотной бумаги и бросил ее на стол. «Вот ты где, Аза. Все, что нужно знать, и это не так много, о человеке, который застрелил Максвелла Коэна и убил Меган. Человек, которого мы называем Критским Любовником.»

Бейкер стоял перед камином, греясь, пока Морган просматривал папку.

«Как вы можете видеть, впервые он появился на сцене в тысяча девятьсот шестьдесят девятом году. Убийство Василикоса. Именно тогда газеты впервые назвали его критянином».

— Потому что шофер был так уверен, что говорил с критским акцентом?

— Что, согласно досье, было подтверждено горничной в отеле «Хилтон» в Западном Берлине месяц спустя, когда он получил генерала Стефанакиса.

Морган читал дальше. «Эта история с девушкой в гардеробе, пока они ждали появления Стефанакиса. Он подлинный?»

«О, да».

«Что объясняет критский ярлык Любовника?»

«Этот и аналогичный случай, который вы найдете, упоминаются там. И эта девушка Будакис — это не было изнасилованием. С ней был сеанс у психиатра. У него сложилось впечатление, что она влюбилась в этого мужчину».

«Из деталей, перечисленных здесь, я бы сказал, что очень многие греки могут болеть за него», — сказал Морган. «И Василикос, и генерал Стефанакис, похоже, были парой мясников».

— Хорошо, — сказал Бейкер. «Итак, наш друг — простой критский крестьянин, герой Сопротивления, которому не нравится нынешний режим в Греции, режим, который он считает фашистским. Он решает что-то с этим сделать. Хорошо — за исключением одного довольно важного момента. С тех пор он несет ответственность за одно убийство за другим по всему миру. О, обычно на это претендует какая-нибудь подходящая террористическая группа, но мы знаем, как и большинство ведущих разведывательных организаций мира, когда ответственность за это несет критянин. Его прикосновения отличительны и безошибочны. Читайте дальше. Ты поймешь, что я имею в виду.»

Он сел у камина и снова раскурил трубку, а Морган начал рыться в папке.

В июне 1970 года он убил в своем гостиничном номере полковника Рафаэля Гальегоса, начальника полиции страны Басков, которая находится между Пиренеями между Испанией и Францией. Убийство было точной копией убийства генерала Стефанакиса в Западном Берлине. Ответственность взяло на себя баскское националистическое движение ЭТА, которое годами боролось за отделение от Испании.

В сентябре того же года генерал Северо Фалькао, глава бразильской тайной полиции, был убит в Рио-де-Жанейро дорожным полицейским, который остановил его машину на тихой проселочной дороге, ведущей из города к дому генерала. Как и в случае с убийством Василикоса, погибли только генерал и его телохранители. Шоферу разрешили уехать.

В ноябре 1970 года он убил Джорджа Генри Дейли, управляющего страховой компанией в Бостоне. Чего газетам не сказали, так это того, что Дейли на самом деле был майором Сергеем Кулаковым, который пять лет назад перешел на сторону американцев из разведывательного отделения Красной Армии в Берлине. ЦРУ выжало из него все соки, а затем снабдило его тем, что они наивно считали совершенно новой личностью. Его жена прекрасно описала критянина. Он мог убить ее и не сделал этого.

В 1971 году в Торонто был случай с Генри Джексоном, экономистом, еще один случай с

русским агентом-дезертиром под вымышленным именем.

Позже в том же году Генеральный консул Израиля в Стамбуле. Ответственность за это взяла на себя Народно-освободительная армия Турции.

Затем произошло одно из самых захватывающих событий из всех. Его убийство итальянского режиссера Марио Форлани на Каннском кинофестивале. Черная бригада в Риме, фашистский ответ Красной бригаде, заявила о себе. Они несколько раз угрожали Форлани из-за фильма, который он снял, высмеивая Муссолини.

— Значит, он не какой-нибудь фанатик-марксист, — прокомментировал Морган.

— Ты имеешь в виду каннское дело? Это был адский роман. Французы охраняли отель, в котором остановился Форлани, как Форт Нокс. Гард мобайл повсюду. Охранники в штатском внутри. Все оставались там. Половина некоронованных голов Европы, большая часть того, что считается звездами в наши дни в Голливуде. Джон Микали, пианист, Софи Лорен, Дэвид Нивен, Пол Ньюман и Бог знает кто еще.»

— И он провернул это посреди этой стоянки?

«То, что произошло, было просто. Форлани появился из своей квартиры на пятнадцатом этаже с тремя подружками, чтобы спуститься на ужин. У его двери стояли двое полицейских, еще один — в лифте.»

— И что? — спросил я.

«Критянин просто материализовался в конце коридора, дважды выстрелил ему в сердце из пистолета, с такого расстояния, заметьте. Вылетел через пожарную дверь, как молния.»

— И никаких следов?

«Исчез с лица земли. Французская полиция вывернула это место наизнанку, но ничего не нашла. Большинство знаменитостей ушли в ту ночь. Не смог убежать достаточно быстро. Это вызвало адскую вонь».

«Тогда?»

— Это есть в деле. Убит Хельмут Кляйн, министр финансов Восточной Германии, который посещал Франкфуртский университет в ноябре прошлого года. Кампус находился под усиленной охраной. Он скрывался с девушкой по имени Лизелотт Хоффманн, которая, как позже выяснилось, была сторонницей Баадера-Майнхофа. Она взяла винтовку по приказу фракции Красной Армии. Мне сказали придержать его для сбора».

— И критянин объявился?

«После наступления темноты и в этом своем проклятом капюшоне».

Морган снова просмотрел досье. Согласно этому, Кляйн вышел с приема в доме директора сразу после десяти. Критянин попал в него с трехсот ярдов, используя усилитель изображения. Чертовски хороший выстрел.»

«Затем убрался восвояси. Девушку поймали при попытке избавиться от пистолета. Большинство деталей всплыло во время ее допроса. Кажется, он дал ей то, что дал горничной в отеле Hilton в Берлине, и она была еще одной, которая, похоже, не возражала. Ее вытащил из тюремного фургона по пути в тюрьму боевой отряд фракции Красной Армии.»

— И полностью исчезли?

«Пока ее не арестовали в Лондоне в феврале этого года, когда она работала в бутике. Утверждала, что вышла замуж за джентльмена по имени Гарри Фаулер, официанта из Камден-Тауна, только его не могут найти. Это, конечно, сделало бы ее гражданкой Великобритании. Немцы хотят ее вернуть, как восточная, так и западная разновидности.»

Естественно, группы гражданской свободы здесь хотят, чтобы ее оставили. Она в специальном следственном изоляторе в Тангмере, недалеко от Кембриджа. Источник значительных затруднений для правительства».

«Могу себе представить». Морган некоторое время читал в тишине. «Отчет этого психолога о девушке действительно превосходен. Кто это сделал?»

«Женщина по имени Райли. Доктор Кэтрин Райли. Американец. Она студентка одного из колледжей Кембриджа. Ей разрешили регулярно навещать девушку Хоффмана.»

«Почему?»

«Терроризм — это ее сфера деятельности. Она брала интервью почти у каждого известного европейского террориста в тюрьме, когда ей это позволяли. Восемнадцать месяцев назад написал об этом книгу под названием «Феномен терроризма».

— Теперь я вспомнил, — сказал Морган. — Я прочитал это. — Он потянулся за сигаретой. «По моим подсчетам, наш друг уложил около дюжины очень важных людей чуть менее чем за три года. Это неплохой результат.»

«И он не принимает ничью сторону», — сказал Бейкер. «Критский крестьянин, который казался таким антифашистским, заканчивает тем, что стреляет в министра кабинета министров Восточной Германии и кинорежиссера-коммуниста.»

«Но также все еще находит время для странного фашиста».

«И два очень важных русских перебежчика, о которых, как американская, так и канадская разведки думали, что они позаботились более чем должным образом».

Морган сказал: «Каковы последние новости на международном террористическом фронте? Я немного оторвался от дел в Ольстере».

«Сейчас между группами по всему миру существуют определенные связи», — сказал Бейкер. «Например, японцы, ответственные за массовое убийство в аэропорту Тель-Авива, прошли подготовку в ливанских лагерях подготовки террористов. Их оружие, в основном гранаты и автоматы Калашникова, было предоставлено бандой Баадера-Майнхофа. Фронт освобождения Палестины также был вовлечен.»

— Неплохая комбинация.

«По нашей информации, ранее в этом году в Дублине состоялась секретная конференция партизанских организаций, на которой присутствовали представители маоистов и анархистов со всего мира».

— С ИРА в качестве хозяев?

— Это зависит от того, о каком отделении ИРА ты говоришь.

«Маоисты — анархисты — к черту их всех. Я хочу критянина. Морган взял карандаш и пододвинул блокнот. — Что мы на самом деле знаем о нем?»

«Физически маленький», — сказал Бейкер.

«Но чрезвычайно мощный».

«Очень умный, находчивый. Очевидно, что он может передвигаться по всему миру без каких-либо трудностей».

«Солдат».

— Что заставляет тебя так думать?

«То, как он работает, точность, организация. Когда у него есть цель, это то, к чему он стремится. В нем нет ничего неразборчивого. Несколько раз он спасал жизни людей. Шоферы, например, в Париже и Рио.»

— Но не Меган.

«Нет». Морган спокойно кивнул. «Он загнал ее, как собаку. Его единственная ошибка.»

Он изучил записи, которые сделал в блокноте, и Бейкер сказал: «Не забудь о самом важном. Он критянин.»

«Кто говорит по-немецки, по-французски, по-испански и по-английски? Обученный солдат? Путешественник по миру? Морган покачал головой. «На твоём месте я бы внес поправки в это. Нам нужен человек, который по какой-то причине может сойти за критянина, если захочет.»

— И с чего бы ты начал искать такого человека?

Морган пожал плечами. «Я не знаю — не в данный момент. Девушка Хоффманн. Там может быть что-то такое. Может быть, она не рассказывает всего, что знает. Возможно, стоит навестить этого вашего доктора Райли. Ты встречался с ней?»

«Я имел это удовольствие. Она не любит полицейских. Такая девушка, с которой сенатор Маккарти предстала бы перед комитетом конгресса, прежде чем она поняла, что ее ударило. Кстати, одна вещь, которой нет в этом файле. Пуля, которую они извлекли из мозга Коэна, указывает на Маузер, но очень необычный: 7,63, модель 1932 года, и у этого был выпуклый глушитель. Они использовались некоторыми немецкими подразделениями безопасности во время войны.»

«Да, я знаю, о каком пистолете ты говоришь», — сказал Морган. «Они изготовили только несколько штук.»

«Это верно. И в наши дни их очень мало, они практически недоступны. Компьютер показывает, что только один из них когда-либо использовался для убийства в Соединенном Королевстве. Это был сержант армейской разведки в прошлом году в Лондондерри.»

— Критянин? В Ольстере? — удивился Морган.

«Нет — временный киллер по имени Теренс Мерфи. Он был застрелен патрулем командос, когда он бежал вместе с человеком по имени Пэт Фелан. Что интересно, у него тоже был такой. Мы пытались отследить дилера, у которого было оружие, но безуспешно.»

— Интересная возможность, — тихо сказал Морган. — Что пистолет, из которого стреляли в Коэна, мог быть из того же источника.

«У меня есть люди, которые сейчас работают над этим», — сказал Бейкер. — Но, честно говоря, в прошлый раз мы не продвинулись далеко, так что... — Он взял папку и положил ее обратно в портфель. «Теперь ты знаешь о критянине столько же, сколько и я. Что ты собираешься делать?»

— Я что-нибудь придумаю.

— Держу пари, что так и будет, — мрачно сказал Бейкер и открыл дверь. «Теперь мы все в расчете, Эйса, просто помни об этом.»

Морган дал ему всего несколько мгновений, затем схватил свое пальто и пошел за ним. Он подошел к главному входу и увидел Бейкера, идущего к концу улицы. Суперинтендант стоял на углу, пытаясь поймать такси. Морган вернулся внутрь, поспешил в гараж, сел в «Порше» и завел двигатель.

Позже он ждал под деревьями возле квартиры Фергюсона на Кавендиш-сквер, когда подъехало такси и Бейкер вышел. Он заплатил водителю и вошел внутрь. Морган дал ему несколько минут и последовал за ним.

Когда Ким открыла дверь, он прошел прямо мимо него в гостиную. Фергюсон сидел за своим столом, перед ним лежала папка; Бейкер стоял рядом с ним.

— Боже Всемогуший! — с горечью произнес Бейкер.

Фергюсон вздохнул. «О боже, ты ведешь себя неловко, не так ли, Аса?»

— Хорошо, — сказал Морган. «Давайте перестанем играть в глупых ублюдков. Вы хотите этого критского персонажа, и я тоже, так почему бы не сказать об этом официально и покончить с этим».

«Но в том-то и дело, дорогой мальчик. Ничего официального. В этом весь смысл.»

— О, понятно? — Морган взглянул на Бейкера. «Я должен был быть благодарен за одолжения, полученные от моего старого приятеля, и с ревом броситься прочь, как дикий человек, чтобы посмотреть, что я могу выяснить самостоятельно. И я сам виноват, если я все испортил, а?»

Фергюсон откинулся назад. — А ты мог бы, Аса? Сорваться с места и найти что-нибудь, я имею в виду? Что-нибудь ценное?»

«Маузер», — сказал Морган. «Если бы я мог отследить торговца оружием, который его поставлял, этого было бы достаточно для начала».

«И где, черт возьми, ты мог найти эту информацию?» — Потребовал Бейкер.

«Белфаст».

— Белфаст! — изумленно воскликнул Бейкер. «Ты, должно быть, сумасшедший».

«Давайте сформулируем это так. Там есть люди с совершенно неправильной стороны, которые, возможно, захотят помочь мне ради старых времен».

«Как Лайам О» Хаган? Потому что вы когда-то служили вместе? Все, что ты там получишь, это пулю в голову.»

— И что еще, Эйса? — перебил Фергюсон. — Что еще тебе может понадобиться?

«Я хотел бы взять интервью у Лизелотт Хоффманн перед отъездом в Белфаст. Завтра утром было бы прекрасно.»

Фергюсон сказал: «Договоритесь об этом с доктором Райли, суперинтендант».

«Я бы также хотел получить список всех хитов, упомянутых в этом файле. Даты, места, работы.»

Морган подошел к двери. Фергюсон сказал: «Эйса, насколько я понимаю, ты в отпуске на месяц».

«Конечно».

«С другой стороны, если мы можем что-нибудь сделать...»

— Я знаю, — сказал Морган. «Не стесняйтесь звонить».

В 1947 году, когда на горизонте послышались первые раскаты холодной войны, Дж. Парнелл Томас и его Комитет Палаты представителей по антиамериканской деятельности решили проверить голливудскую киноиндустрию на наличие признаков коммунистической подрывной деятельности.

Девятнадцать сценаристов, продюсеров и режиссеров сформировали группу сопротивления, заявив, что их политические взгляды не касаются Комитета. Одиннадцать человек были вызваны в Вашингтон, чтобы ответить за себя публично. Один из них, Бертольд Брехт, в спешке отбыл в Восточную Германию. Остальные десять отказались отвечать, используя гарантию свободы слова, содержащуюся в первой поправке к конституции США.

Это дело потрясло всю индустрию, затронув гораздо больше, чем знаменитую десятку. В последующий период репутация многих актеров, сценаристов и режиссеров была настолько испорчена расследованиями Сената, что они больше никогда не работали.

Шон Райли, ирландско-американский писатель с репутацией прямолинейного человека,

был одной из жертв. Несмотря на два «Оскара» за лучший сценарий, он внезапно обнаружил, что не может получить какую-либо работу. Его жена, которая годами страдала от проблем с сердцем, не смогла вынести напряжения и беспокойства того ужасного периода. Она умерла в 1950 году, в год, когда ее муж отказался предстать перед подкомитетом Сената, возглавляемым Джозефом Маккарти.

Райли не сдался. Он просто удалился в деревню, в беспорядочный старый испано-американский фермерский дом в долине Сан-Фернандо, взяв с собой свою восьмилетнюю дочь.

В течение многих лет он зарабатывал на жизнь тем, что известно в индустрии как сценарист. Любой, у кого были проблемы со сценарием, относил его Райли, и он переписывал его за плату. Естественно, его имя никогда не появлялось в титрах.

В конце концов, это была не такая уж плохая жизнь. Он написал два или три романа, посадил виноградник и воспитал свою дочь с любовью, пониманием и изяществом, чтобы уважать землю и то, что было лучшего в людях, и никогда не бояться.

Она была угловатой, с оливковой кожей, неуклюжей девушкой с серо-зелеными глазами и черными волосами, унаследованными от ее матери, польской еврейки из Варшавы, когда она поступила в Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе. В 1962 году она специализировалась на психологии, исследовала экспериментальную психиатрию в Тавистокской клинике в Лондоне, а в 1965 году защитила докторскую диссертацию в Кембриджском университете.

Она отправилась в Вену в Институт Хольцера для невменяемых преступников, чтобы следовать своему особому интересу — психопатологии насилия. Именно здесь она впервые столкнулась с этим поразительным явлением нашего времени — городским партизаном. Террорист из дома среднего класса.

В последующие годы она продолжила это исследование, опрашивая своих испытуемых в большинстве крупных городов Европы, работая, где приходилось, на вовлеченные государственные органы, хотя это была не та ситуация, которая ее устраивала.

Она поддерживала самые тесные контакты со своим отцом, возвращаясь домой по крайней мере два раза в год. Он навещал ее в Европе, в основном, когда развивающаяся итальянская киносценария привела его в Рим и открыла новые возможности. И снова его имя появилось в титрах. Он получил награды за сценарий в Берлине, Париже, Лондоне. А затем, в 1970 году, он рухнул с обширным сердечным приступом на ферме в долине Сан-Фернандо.

В то время она была в Париже, в Сорбонне, и сразу же улетела домой. Он держался ждал ее, так что, когда она вошла в его палату в больнице «Кедры Ливана», голубые глаза на волевом загорелом лице, которое вдруг стало таким старым, мгновенно открылись. Она взяла его за руку. Он улыбнулся один раз и умер.

Они все пришли на похороны. Режиссеры, актеры, продюсеры, люди из офиса, которые не разговаривали с ним в плохие годы. Которые повернулись и пошли в другую сторону, когда увидели, что он приближается. Теперь, когда он был мертв, ходили даже разговоры о том, что Академия рассматривает возможность специальной награды.

Как католичка старомодного толка, она похоронила его вместо кремации и стояла на кладбище, пожимая руку одному за другим, когда они все проходили мимо, ненавидя каждого труса, каждого лицемера.

После этого она сбежала, вернулась на ферму в Долине, но это было бесполезно —

совсем нехорошо, когда повсюду воспоминания о нем.

Обратиться было не к кому, потому что в одном отношении он никогда не мог ей помочь, и это касалось ее отношений с противоположным полом. Ее общение с мужчинами всегда было кратким и неудовлетворительным эмоционально и, следовательно, неудовлетворительным физически. Грубая правда заключалась в том, что она так и не нашла никого, кто был бы похож на ее отца.

Когда она была близка к последней грани, спасение появилось в виде авиапочтового письма с английской маркой и почтовым штемпелем Кембриджа, которое однажды утром упало в ее почтовый ящик. В нем содержалось предложение о стипендии в ее старом колледже, Нью-Холл, и она ухватилась за него обеими руками, спасаясь бегством в единственное другое убежище, которое она когда-либо знала в своей жизни.

И все шло хорошо для нее. Это было как возвращение домой. Была работа, была ее книга и был Кембридж во всей его красе, особенно в то прекрасное апрельское утро 1972 года, когда она впервые встретила Джона Микали.

Она всю ночь работала над корректурами пятого издания своей книги, издатели хотели получить их обратно к пятнице. Вместо того, чтобы лечь спать, она следовала установленному распорядку. Надела спортивный костюм, взяла велосипед и поехала в центр города, чистый, спокойный и красивый по утрам.

Пятнадцать минут спустя она бежала по тропинке вдоль задних дворов, лужаек, спускающихся к реке Кэм. Она была полностью довольна собой, довольна ночной работой, наслаждалась острым утренним запахом, а затем она услышала, как кто-то обгоняет ее, и рядом с ней появился Микали.

Он был одет в очень простой темно-синий спортивный костюм и кроссовки. Вокруг его шеи было обернуто белое полотенце.

— Отличное утро для этого, — сказал он.

Она узнала его сразу, не могла не узнать, потому что его плакаты с обычной фотографией были расклеены по всему Кембриджу в течение двух недель.

— Да, обычно так и есть.

Он мгновенно улыбнулся. «Хех, такой же американец. Должно быть, это мой день. Ты студент по обмену или что-то в этом роде?»

Ирландская сторона ее характера быстро всплыла на поверхность, и она громко рассмеялась. «Те дни давно прошли. Я тот, кого здесь называют доном. Я преподаю в университете. Меня зовут Кэтрин Райли. Я из Калифорнии.»

«Боже милостивый, я тоже. Меня зовут Микали — Джон Микали».

Она взяла его за руку с легкой неохотой, ощущая покалывающее возбуждение, холод в животе, что было для нее внове.

— Да, я знаю. Сегодня вечером ты играешь четвертую симфонию Рахманинова с Лондонским симфоническим оркестром.»

«Я верю, что ты будешь там».

— Ты что, шутишь? Некоторые студенты всю ночь стояли в очереди, чтобы попасть в кассу в первый день ее открытия. С тех пор билетов на этот концерт не было.»

— Чепуха, — сказал он. — Где ты живешь? — спросил я.

«Новый зал».

— Я распоряжусь, чтобы билет доставили туда к полудню.

Она никак не могла сказать «нет», или даже не хотела. — Это было бы чудесно.

«После этого они устраивают прием в мою честь в Тринити-колледже. Могу ли я отправить вам открытку и для этого? Это может быть скучно, но не тогда, когда ты придешь. Прежде чем она смогла ответить, он взглянул на часы. «Я не заметил, который час. Сегодня утром у меня четырехчасовая репетиция, а Превин — суровый надсмотрщик — увидимся вечером.»

Он повернулся и побежал прочь через Спины, действительно очень быстро. Она стояла там, наблюдая, как он уходит, осознавая силу в нем, более возбужденная, чем когда-либо в своей жизни.

На приеме она стояла и смотрела на него с другой стороны зала, в бархатном костюме, открытой черной шелковой рубашке, с золотым распятием на шее, которое стало его визитной карточкой. Он был беспокойным, когда они столпились вокруг, его глаза постоянно осматривали комнату. Когда он нашел ее, улыбка была мгновенной, и он потянулся за двумя бокалами шампанского с подноса, который нес проходящий официант, и направился прямо к ней.

«Я позвонил в ваш колледж», — сказал он. «Почему ты мне не сказал? Доктор Райли — стипендиат Нью-Холла. И все такое прочее.»

«Это не казалось важным».

«Я был хорош сегодня вечером?»

— Ты знаешь, что был, — просто сказала она и взяла у него шампанское.

В его глазах внезапно появилось странное выражение. Это было так, как если бы он каким-то образом сделал открытие, которого не искал.

Он улыбнулся и поднял свой бокал. «Кэтрин Райли, милой девушке-католичке, с умом, пронизательностью и изысканным музыкальным вкусом, которая собирается забрать меня отсюда к чертовой матери в течение следующих трех минут и показать мне Кембридж».

— Еврейка, — сказала она. — Видишь ли, моя мать была, и это главное.

«Хорошо, я исправлю это. Кэтрин Райли, милая еврейская девушка. Значит ли это, что ты тоже умеешь готовить?»

«О, да».

«Отлично, теперь давайте выбираться отсюда. Ты можешь прокатить меня на плоскодонке при лунном свете, показать мне романтику всех этих твоих сверкающих шпилей».

После первых получаса пошел дождь, так что они оба промокли до нитки к тому времени, когда им удалось оставить плоскодонку на берегу реки.

Позже, когда такси высадило их в Нью-Холле, дождь лил еще сильнее, и они добрались до двери ее комнаты такими мокрыми, какими только могут быть два человеческих существа.

Когда она открыла дверь и собралась войти, он нежно взял ее за руку. — Нет, — сказал он. «В этот первый раз я переносу тебя через порог. Это старый греческий обычай. Знаешь, мы очень этнические.»

Потом, где-то около трех часов, когда они наконец остановились, она повернулась к нему в постели, когда он потянулся за сигаретой.

«Это было мило. Я никогда не знал, что это может быть так».

— Иди спать, — мягко сказал он, обнимая ее.

Дождь прекратился, и лунный свет проникал в комнату. Он лежал там довольно долго, курил и смотрел в потолок, его лицо было серьезным. Когда она застонала во сне, его рука

инстинктивно сжалась вокруг нее.

— Ты понимаешь, что Милтон был ответственен за это дерево? — требовательно спросила она.

Они сидели под тутовым деревом в саду стипендиатов Колледжа Христа, деревом, которое, как считалось, посадил сам великий поэт.

«Мне абсолютно все равно». Микали поцеловал ее в шею. «Ничто не имеет значения в такой день, как этот. Весна в Кембридже, и тебе нужно работать.»

— До конца недели, а потом мне полагается отпуск.

— Я не знаю, Кэтрин. Эта работа, которую ты делаешь. Насилие, убийства, терроризм. Это адское поле для женщины. Нет, позвольте мне это исправить. Адское поле для любого.»

— Да ладно тебе, — сказала она. — А как насчет твоего времени в легионе в Алжире? Я читал эти журнальные статьи. Я имею в виду, какую сцену ты тогда играл?»

Он пожал плечами. «Я был всего лишь ребенком. Я присоединился к команде импульсивно. Это была эмоциональная вещь. Но ты — ты действительно ищешь их. Кто-то сказал мне прошлой ночью, что ты работаешь над этой немецкой девушкой, которая связана с Баадером-Майнхофом. Я не знал, что она была здесь.»

«Да, она в Тангмере. Это специальное заведение недалеко отсюда. Спонсируется правительством.»

«О, я понимаю. Ты ведешь ее дело официально?»

Она колебалась. «Да, это единственный способ, которым я мог попасть к ней, но я надеюсь, что завоевал и ее доверие.»

«Разве она не прятала этого парня, которого газеты называют критянином, в своей комнате во Франкфурте в ночь, когда он застрелил того восточногерманского министра?»

«Это верно.»

«Я сам был там», — сказал он. «Даю концерт в университете». Они встали и начали идти. — Я не понимаю. Конечно, полиция могла бы получить от нее какое-то описание его внешности. Достаточно, чтобы выследить его. Я всегда понимал, что немцы были довольно скрупулезны в этом отношении.»

«На нем был шлем-балаклава. Ты знаешь, что это за штука? Отверстия для глаз, носа и рта. Она не смогла бы описать его, даже если бы захотела.»

— Что ты имеешь в виду?

Кэтрин Райли улыбнулась. «Очевидно, он заполнял время, занимаясь с ней любовью.»

«В балаклавe? Слушай, это тяжелая штука.»

— Откуда мне знать. Я еще не пробовал.»

Позже, в плоскодонке на реке, он сказал: «Кэтрин, у меня есть вилла в Гидре. Ты знаешь, где это?»

«Да».

«Сам дом находится далеко на побережье. Добраться до него можно только на лодке или через горы пешком или на муле. На самом деле, через все горы проходит телефонная линия. На самом деле, если вы когда-нибудь заблудитесь, ищите телефонные столбы и следуйте за ними.»

«Потерялся?»

— Ты сказал, что в эти выходные у тебя отпуск. Мне пришло в голову, что ты, возможно, захочешь приехать на Гидру. У меня есть три недели в запасе, потом я должен быть в Вене. Вы бы подумали об этом?»

— Я уже это сделал.

Позже, по телефону с Девилем, он сказал. «Я установил контакт, как вы и предлагали, и могу заверить вас, что нет никаких проблем в отношении маленькой немецкой посылки. Вообще никаких.»

«Хорошо, значит, об этом позаботились. Чем ты сейчас занимаешься?»

«В субботу я уезжаю на Гидру на три недели. Я беру доктора Райли с собой.»

Девиль на этот раз был поражен. — Боже мой, почему, Джон?

— Потому что я так хочу, — ответил Микали и положил трубку.

Кэтрин Райли обедала в своем кабинете за столом у окна: сэндвичи с салатом, холодное молоко и переписанная диссертация одного из ее более слабых студентов.

Раздался стук в дверь, и вошел Морган. Он был одет в темный свитер-поло и серый пиджак из донегальского твида. Единственной военной вещью в нем был плащ, который свободно свисал с его плеч.

— Да? — сказала она, хотя уже знала, кто это должен быть.

— Морган, — сказал он. «Аса Морган. Я полагаю, главный суперинтендант Бейкер из Особого отдела связывался с вами».

Она сидела и смотрела на него снизу вверх, с сэндвичем в одной руке и ручкой в другой. — Полковник Морган, не так ли? Аса Морган? Парашютно-десантный полк?»

— Ты так говоришь, как будто это имеет какое-то значение.

«Я прочитал ту брошюру, которую вы написали для Министерства обороны после Кореи. Так уж случилось, что это моя область».

«Что-то общее».

— О, нет, — сказала она. — Нет, насколько я могу судить. Та маленькая неприятность, в которую ты попал на Кипре во время борьбы с ЭОКА. Я навел о вас справки, полковник. В то время в газетах писали, что вы неплохо вписались бы в СС.

«Цель терроризма — терроризировать», — сказал ей Морган. «Это сказал Ленин. Еще в тысяча девятьсот двадцать первом году Майкл Коллинз жил этим кредо. Он сказал, что это единственный способ, которым маленькая страна может победить нацию. Городские партизаны — ваша специальность, доктор, так что вы не хуже меня знаете, как они работают. Беспорядочные бомбардировки, беспричинный террор, преднамеренное убийство невинных. Женщины, дети. Моим заданием на Кипре было остановить это, и я это сделал».

«С использованием методов допроса, которые больше всего напоминали гестапо».

— Нет, — сказал он. — Совершенно неверно. Все стоящее, что я мог предложить, было любезно предоставлено китайцами. Они дали мне личное наставление в лагере под названием Ти-пай в Маньчжурии».

Она сидела и смотрела на него, понимая, что должна злиться, но не злилась, что было странно, потому что этот мужчина олицетворял все, что она презирала больше всего. Власть в форме, военная машина, которая снова пережевывала молодежь своей страны и выплевывала их во Вьетнаме.

— Гарри Бейкер сказал мне, что тебе не нравятся копы, — сказал он. «Он был неправ. Очевидно, это униформа.»

«Возможно».

Он закурил сигарету. — Так-то лучше. Ты почти улыбнулся, и уголки твоего рта начали подниматься, а не опускаться».

— Черт бы тебя побрал, — сказала она.

Он присел на край стола. «Смогу ли я увидеть девушку Хоффманна?»

«Из того, что сказал мне Бейкер, это связано со стрельбой в Максвелла Коэна. Специальное отделение думает, что это снова был критянин».

«Это верно».

— И ты думаешь, что сможешь получить наводку на него от Лизелотт? Она покачала

головой. — Она не сказала бы тебе, даже если бы могла.

— Потому что он занимался с ней любовью?

Она покачала головой. «Я не думаю, что ты понимаешь. Для кого-то вроде нее он почти бог. Символ того, во что они верят.»

— Не говори мне, дай угадаю. Чистота насилия.»

Она открыла ящик стола и достала желтую брошюру. «Кто-то прислал мне это из Сорбонны на днях. Это было напечатано одним из студенческих сообществ. Они должны учиться в университете, получать образование, и какое образование». Она открыла брошюру. «Прислушайтесь к этому совету для демонстрантов. При нанесении ударов полицейским следует надевать кожаные перчатки. Газеты, обернутые вокруг тела, снижают эффективность прикладов. Одна таблетка от гриппа, принятая за полчаса до начала беспорядков, и еще одна, когда начнут сыпаться гранаты, уменьшают тошноту, которую вы должны получить от вдыхания газа».

«Я не сталкивался с этим раньше», — прокомментировал Морган. «Я должен помнить. Когда я смогу ее увидеть?»

«Ладно, трать свое время, если хочешь. У тебя есть машина?»

«Да».

Я договорился о встрече на троих. Дорога туда займет двадцать минут. Ты можешь заехать за мной в два тридцать. А теперь, если ты не возражаешь.»

Он взял свой портфель и плащ. — Ты всегда носишь волосы вот так, зачесанными назад?

— Какое, черт возьми, это имеет отношение к тебе?

«На твоём месте, девочка, оставь это в покое», — сказал он. «В хороший день это может даже сделать тебя похожей на настоящую женщину».

Дверь за ним тихо закрылась. Она сидела с открытым от изумления ртом.

* * *

Комната для допросов в Специальном следственном изоляторе Тангмер была на удивление приятной. Обои с рисунком, ковролин, стол, современные стулья. Зарешеченные окна казались почти неуместными.

«Довольно приятно, на самом деле», — сказал Морган с некоторой иронией, вглядываясь в сад.

«Это не обычная тюрьма, и она не должна быть такой», — сказала ему Кэтрин Райли. «Это психиатрическое учреждение...»

«Направленный на реабилитацию, выздоровление и давайте все радоваться, потому что Бог добр».

Прежде чем она смогла ответить, дверь открылась, и вошла Лизелотт Хоффманн. Женщина-тюремный надзиратель удалилась, снова заперев дверь.

Она была маленькой, простоватой девушкой с короткими светлыми волосами и носила джинсы и джинсовую рубашку. Она проигнорировала Моргана и спросила на превосходном английском: «Кто твой друг?»

— Полковник Морган. Он хотел бы задать вам несколько вопросов. Кэтрин Райли достала сигареты, дала ей одну и прикурила.

— Насчет критянина, — сказал Морган.

Девушка резко повернулась, ее лицо ничего не выражало, а затем она снова повернулась к Кэтрин Райли. — Что случилось? — спросил я.

«В Лондоне произошла стрельба. Видный сионист. «Черный сентябрь» претендует на признание, но полиция думает, что это был критянин».

Лизелотт Хоффман повернулась к Морган и подняла сжатый кулак. «Власть народу».

«Какие люди, ты, глупая маленькая сучка?»

Она опустила руку со странной неуверенностью на лице, и он открыл свой портфель и достал пачку фотографий.

«Я подумал, что ты, возможно, захочешь для разнообразия соприкоснуться с реальностью. Посмотри, чем занимался твой критянин все эти годы».

Она подошла к столу, и Кэтрин Райли последовала за ней.

«Это полковник Вассиликос на заднем сиденье своей машины в Париже. Как вы можете видеть, его череп раздроблен. Мужчина, стоящий на коленях рядом с ним, — один из его телохранителей. Это его мозги просвечивают.»

Выражение ее лица несколько не изменилось, когда он бросал одну фотографию за другой жертв критянина. На последнем снимке была Меган, снятая в Паддингтонском туннеле, лежащая в канаве, где ее нашли.

— Кем она была? — спросил я.

— Моя дочь, — сказал Морган. — Ей было четырнадцать. Он сбил ее на машине, которую угнал, чтобы скрыться после того, как застрелил Коэна».

Она отложила его и повернулась к Кэтрин Райли с выражением полного безразличия на лице. — Теперь я могу идти?

И Кэтрин Райли жестом, совершенно чуждым ее натуре, ударила ее по лицу.

Морган был между ними, его руки на ее руках, его голос мягкий, настойчивый. «Полегче, девочка. Отпусти это.»

Позади них Лизелотт Хоффман подошла к двери и нажала на звонок. Через некоторое время дверь открылась, и она прошла, не сказав ни слова.

За его плечом Кэтрин Райли ясно видела фотографию Меган, кровавую маску лица, и ей было физически плохо.

— Прости, — прошептала она.

— Ах, Кейт, — сказал он. «Правило номер один. Никогда не извиняйся, никогда не объясняй. А теперь давай уберемся отсюда и найдем себе выпивку.»

— Эйса? — позвала она. «Это странное имя».

«Из Библии», — сказал он ей, и на мгновение он стал настоящим валлийцем. «Религиозная женщина, моя мама. Церковь дважды каждое воскресенье, когда я был мальчиком».

— И где это было? — спросил я.

«Деревня в долине Рондда в Уэльсе. Угольные шахты, отвалы. Место, из которого можно выбраться. Мой отец погиб при падении с крыши, когда мне было восемь. Компания выплачивала моей матери пенсию в десять шиллингов в неделю. Я пошел ко дну. Я сам попал в яму в четырнадцать лет, в последний раз вышел оттуда четыре года спустя, чтобы вступить в армию.»

— И никогда не оглядывался назад?

«Мне понравилось», — сказал он. «Солдатская служба. Я никогда не чувствовал себя»

так хорошо. И армия была добра ко мне. Я был сержантом в Арнеме, затем получил офицерский чин в звании второго лейтенанта. После войны меня оставили. Отправил меня в Сандхерст».

— А ваше прошлое? Разве это никогда не доставляло тебе проблем в таком месте, как это?»

— О, любой дурак может научиться обращаться с ножом и вилкой, а поскольку я валлиец, понимаете, я всегда знал, что я лучше любого чертова англичанина, который ходит по земле, даже если он учился в Итоне. — Он улыбнулся, теперь насмехаясь над ней. «Мы очень интеллектуальные люди. Я удивил их там. Я не только читал Клаузевица о войне. Я тоже знал своего Ву Чи. Тяжелая штука, понимаешь.»

«Держу пари, ты был первым ублюдком».

«Я должен был быть, девочка. Я должен был стать лучше, понимаешь? Языки, например. Не то чтобы они были какой-то проблемой. Научитесь свободно говорить по-валлийски, все остальное кажется легким».

Они сидели за маленьким столиком, одним из нескольких возле паба на берегу реки Кэм. Это было очень приятно в лучах раннего вечернего солнца.

— А как насчет твоей жены? Как она все это восприняла?»

— С присущей ей твердостью, насколько я мог судить. Он пожал плечами. «Это закончилось довольно давно. Ей никогда не нравилась военная жизнь, или моя версия ее. По профессии она художник, и очень хороший. Мы встретились в Национальной галерее одним воскресным утром. Одна из тех монументальных ошибок, которые люди так часто совершают в жизни. Я думаю, что это была форма, которая сделала это, и красный берет».

— Ей это понравилось?

— Это ненадолго.

«Что пошло не так?»

«Она навестила меня на Кипре во время кампании ЕОКА. Однажды мы ехали по Никосии вслед за врачом одного из кавалерийских полков, который проводил свободное время, оказывая бесплатную медицинскую помощь крестьянам в деревнях гор Троодос. Он остановился на каком-то светофоре, и пара террористов из ЭОКА выбежали вперед и вышибли ему мозги через окно».

— И ты взял их на себя?

— Естественно, я был вооружен.

— И ты убил их обоих?

— Да. К сожалению, одному из них оказалось всего пятнадцать.»

— И ей было трудно это принять?

«Все эти вестерны. Люди ожидают, что ты выстрелишь им в руку или плечо или что-то в этом роде, только когда это реально, у тебя есть время только на одну вещь. Стреляй на поражение. И всегда дважды, чтобы быть уверенным, иначе он выстрелит в тебя, когда упадет».

— И после этого она стала другой?

«Не столько мальчик. Я думаю, это было видеть, как я это делаю. Сказала мне, что не может забыть выражение моего лица. Так получилось, что она все равно была беременна, но после этого она больше никогда со мной не спала».

— Мне очень жаль.

«Почему ты должен быть? Видишь ли, она верит в жизнь. Она видела во мне своего рода

общественного палача. Сейчас она замужем за сельским священником. Из тех людей, которые верят во все и вся, так что им довольно хорошо вместе».

Она сказала: «Я сожалею о вашей дочери».

«Я должен был знать лучше», — сказал он. «Глупая идея думать, что я могу шокировать эту девушку, чтобы получить какой-то ответ».

«Для таких, как она, это как религия», — сказала она. «Они верят во всю эту чушь, распространяемую такими людьми, как Сартр. Мистический взгляд на насилие как на нечто облагораживающее. Террористы любят романтическую точку зрения. Они утверждают, что являются героями революции, но пренебрегают правилами войны. Они утверждают, что говорят от имени народа, а обычно говорят только за себя».

— И критянин, — сказал он. «Что он за человек?»

— Что ты об этом думаешь?

Он рассказал ей о дискуссии, которую они с Бейкером провели по этому вопросу, и об их конечном заключении.

Она кивнула. «Да, я могу согласиться с этим. Военное прошлое — это единственное, в чем я бы с тобой не согласился».

«Почему?»

«Кубинцы уже много лет предлагают отличную военную подготовку террористам со всего мира, а тут еще русские. В наши дни они принимают студентов из большинства зарубежных стран в Университет Патриса Лумумбы в Москве. КГБ всегда в поисках многообещающего материала.»

«Я знаю, — сказал он, — но я думаю, что в критянине есть нечто большее. Солдатский инстинкт для другого солдата, если хотите. Что заставляет такого человека, как он, тикать, вот что я хотел бы знать. Не идеология — в его убийствах нет закономерности, которая указывала бы на это».

— Тебе нужна точка зрения психолога?

— Почему бы и нет?

«Ладно, поехали. Некоторое время назад я участвовал в исследовании пилотов Гран-при. Выяснилось, что чем больше стресс, тем лучше они функционируют. Большинство из них по-настоящему живы, по-настоящему работают в полную силу только в условиях максимальной опасности. Самый успешный гонщик Гран-при — это тот, кто готов просто столкнуть с трассы любую машину, которая встанет у него на пути. Его образ — воплощение абсолютной мужественности, но он любит двигатели, машины, технику своего дела больше, чем он мог бы любить любую женщину. Гонка — это идеальное испытание, единственной альтернативой которому является смерть. Это игра, которая всегда возбуждает, никогда не перестает удовлетворять».

«Постоянный вызов. Один человек против... — Морган нахмурился. — Против чего? — спросил я.

— Возможно, самого себя. Безусловно, психопатическая личность, иначе он никогда не смог бы взять на себя вину, связанную с его убийствами».

— И ты хочешь сказать, что ищешь смерти? Что у него есть желание умереть?»

«Я не думаю, что это его хоть в малейшей степени беспокоит. У нас есть записи летчиков-испытателей, находящихся на грани гибели при крушении самолетов, которые, вместо того, чтобы кричать от страха, все еще пытаются вслух разобраться, что же пошло не так. Он такой человек. — Она колебалась. — Мужчина, я полагаю, очень похожий на тебя.

— Хорошо, — сказал Морган. — Тогда это дает мне шанс добраться до него. Он взглянул на часы. «Я должен идти. Сегодня вечером у меня назначена встреча в Лондоне».

Когда они возвращались к «порше», она спросила: «Что ты теперь будешь делать? Разве это не все, на что ты способен?»

— Нет, — сказал он. «Пистолет, из которого стреляли в Коэна. Если бы я мог проследить, откуда это взялось».

— Как ты думаешь, ты сможешь?

— В Белфасте есть один мой знакомый, который, возможно, сможет помочь. Я должен посмотреть. — Она села в «порше». Он закрыл дверь, обошел машину и сел за руль. «Могу я увидеть тебя снова, когда вернусь?»

К ее собственному удивлению, она обнаружила, что отвечает без малейшего колебания. — Если ты захочешь.

«Если бы я этого не сделал, я бы не спросил, не так ли?»

Компания «Секьюрити Факториз Лтд» находилась в небольшом тупичке рядом с Грейт-Портленд-стрит. Было чуть больше семи, когда Морган поднялся по лестнице и толкнул дверь с надписью «Офис». Она была заперта, но внутри горел свет. Он нажал на звонок и стал ждать. За стеклом появилась тень, дверь открылась.

Джоку Келсо было пятьдесят пять, а выглядел он на сорок, несмотря на коротко подстриженные седые волосы. Он был выше шести футов ростом, загорелый и подтянутый, мужчина, которого следует избегать в одной ситуации или опереться в другой. Он служил в Шотландской гвардии, а затем в парашютно-десантном полку в течение двадцати пяти лет, пять из них в качестве полкового сержанта-майора Моргана.

— Привет, Джок. — Морган вошел внутрь. — Как дела с безопасностью? — спросил я.

Келсо провел его в другой кабинет, маленький и незагроможденный, аккуратный стол, зеленые шкафы для документов, ковры на стенах. Именно здесь велся настоящий бизнес фирмы. Из этого офиса наемники отправлялись воевать в Конго, Судан, Оман и на дюжину других маленьких грязных войн, потому что Джок Келсо занимался бизнесом Смерти. Он знал, и Морган тоже.

Он налил виски в два бумажных стаканчика и сказал: «Я слышал о Меган. Мне очень жаль.»

«Мне нужен ответственный человек, этот критянин, о котором они говорят», — сказал Морган.

— Я сделаю все, что в моих силах, полковник, вы это знаете.

— Достаточно справедливо, Джок. У меня есть зацепка. Это может означать что-то или ничего, но это значит вернуться в Белфаст, чтобы выяснить».

— Не в форме? — Келсо выглядел серьезным. «Они доберутся до вас, полковник, они получают ваши глаза».

— Сообщи О» Хагану, — сказал Морган. «Скажи ему, что я буду в Европе в Белфасте с завтрашнего дня. Что я должен увидеть его. Ты можешь это сделать?»

— Да, — сказал Келсо. — Если это то, чего ты хочешь.

— Так и есть, Джок, так и есть. Как вы справлялись с тех пор, как умерла ваша жена?»

«Хорошо: моя дочь, Эми, она все еще дома. Заботится обо мне просто отлично.»

— Ей, должно быть, сейчас около двадцати? Она помолвлена, чтобы выйти замуж или что-то в этом роде?»

— Не она. — Келсо рассмеялся. «У нее все в порядке с головой, у этой. Она занимается

собственным бизнесом как флорист. Дела идут очень хорошо, особенно в части доставки. Удивительно, как они растут. В одну минуту они просто дети, в следующую...»

Он неловко замолчал. Морган опустошил свой бумажный стаканчик и вздрогнул. «Сегодня холодно. Я, должно быть, старею.»

— Но не так холодно, как в Корее, полковник.

— Нет. — тихо сказал Морган. «Ничто и никогда не могло сравниться с этим. Я дам тебе знать, когда вернусь.»

Келсо слушал, как он спускается по лестнице, затем снял телефонную трубку и вызвал такси.

Двадцать минут спустя он оказался у «Арфы Эрин», публичного дома на Портобелло-роуд, который, как следовало из названия, часто посещали лондонские ирландцы. Бар был переполнен, старик в углу играл на гармошке и пел знаменитую ирландскую уличную балладу «Смелый Роберт Эммет». Когда Келсо вошел, вся комната присоединилась к хору — судили как предателя, мятежника, шпиона; но никто не может назвать меня лжецом или трусом, героем, которым я жил, и героем, которым я умру.

Было более одного недружелюбного взгляда, когда он протискивался к двери из матового стекла с надписью «Уютно». Когда он вошел, он обнаружил трех мужчин, сидящих за маленьким столом и играющих в вист.

Большого человека, стоящего перед ним, звали Патрик Мерфи, и он был организатором «Шинн Фейн» в Северном Лондоне, политического крыла Временной ИРА.

— Джок? — позвал он.

«Это важно», — сказал ему Келсо.

Мерфи кивнул, двое других встали и вышли. — Ну и что? — спросил я.

— У меня сообщение для О» Хагана.

— И кто бы это мог быть из О» Хаганов?

«Не играй со мной в игры, Пэтси, мы слишком долго служили вместе. Скажи О» Хагану, что Аса Морган будет в Европе с завтрашнего дня, и он хочет встретиться с ним как можно скорее по личному делу».

— Какого рода личные дела?

«Это пусть они обсуждают».

Келсо открыл дверь, протолкался сквозь толпу и вернулся к такси, которое он оставил ждать. Когда машина отъехала, он слегка вспотел.

В уютном баре Мерфи некоторое время сидел, размышляя, затем перегнулся через стойку и позвонил хозяйке. Он предложил ей пару фунтовых банкнот.

«Поменяй это на монеты по десять пенсов, Нора, дорогая. Я хочу позвонить в Белфаст.»

«Конечно, и ты можешь воспользоваться моим телефоном, не так ли?»

«Не для этого, я не могу. Никогда не знаешь, кто может слушать.»

Она пожала плечами, дала ему серебро из кассы, и он вышел через боковую дверь и пошел по улице к телефонной будке на углу.

На следующее утро, сразу после девяти, в дверь кабинета Кэтрин Райли постучали. Когда она подняла глаза, появился Микали.

— Когда ты поступил? — требовательно спросила она.

«Прилетел сегодня утром на моей новой подержанной «Сессне». У меня есть пара свободных дней, затем концерты в Париже, Берлине, Риме. После этого я подумал о том, чтобы пойти на Гидру на некоторое время. Не могли бы вы уделить мне время?»

«Я не знаю». Теперь она была в его объятиях, ощущая это нарастающее физическое возбуждение, которое никогда не прекращалось. «У меня чертовски много работы в этом семестре».

«Хорошо, тогда этим утром. Если ты будешь особенно хорошей девочкой, я позволю тебе летать на Сессне».

«Я лучше тебя, Джон Микали, и ты это знаешь», — сказала она, потому что полеты были страстью, которую они разделяли. — Просто дай мне десять минут, чтобы переодеться.

— Пять, — сказал он, сел на стол и закурил сигарету, пока она шла в свою спальню. «Итак, ты был занят на этой неделе? Что делаешь?»

«Все та же старая рутина», — крикнула она. — За исключением девушки Хоффман. Я видел ее вчера при довольно странных обстоятельствах.»

— Это так? — спросил я. Он подошел и прислонился к двери. — Расскажи мне об этом. Позже, когда они вышли к машине, он извинился, вернулся в колледж, остановился у первого телефона-автомата и набрал Париж.

Когда Девилл ответил, он быстро сказал: «Человек Морган, мне нужно полное досье. Все, что нужно знать. Работы, в том числе фото. Могут ли ваши люди в Лондоне предоставить это?»

— Конечно. Вы можете забрать его в лондонском почтовом ящике в любое время после семи вечера. Я так понимаю, у тебя проблемы?»

«Он был, чтобы увидеть немецкую посылку, не то чтобы это его куда-то привело. По моей информации, сейчас он отправился в Ольстер в поисках зацепки, которая могла бы помочь ему отследить использованное оружие».

Девиль усмехнулся. «Он бежит не в том направлении. Тупиковый путь.»

— Конечно, — сказал Микали. «Но лучше быть готовым. Я буду оставаться на связи.»

Отель Еурога в Белфасте стоит на Грейт-Виктория-стрит, возвышаясь на двенадцать этажей над соседним железнодорожным вокзалом. С момента открытия в 1971 году ИРА нанесла по нему более двадцати пяти отдельных бомбовых ударов.

Морган вспомнил эту интересную статистику, когда стоял у окна своей комнаты на четвертом этаже и смотрел вниз на автобусную станцию и протестантскую крепость Сэнди Роу.

Холодный восточный ветер дул с Белфастского озера, проливая дождь по грязным улицам разрушенного города. Он был беспокойным и расстроенным. Это был его второй день здесь, и ничего не произошло.

Он остался в отеле, выходил из номера только для того, чтобы спуститься в столовую или в бар, провел большую часть предыдущей ночи, сидя в темноте у окна, ночь, прерываемая звуками взрывающихся бомб или случайными выстрелами из стрелкового оружия.

Он волновался, потому что это была пятница, и менее чем через сорок восемь часов, в 4.00 утра в понедельник 31 июля, Моторман должен был вступить в бой: крупнейшая операция, проведенная британской армией со времен Суэца. Запланированное вторжение во все так называемые запретные зоны, в которых доминирует ИРА, в Белфасте и Лондондерри. Как только это войдет в действие, О» Хаган наверняка на какое-то время полностью исчезнет из поля зрения, может даже сбежать на юг, в Республику, если его не снимут.

В конце концов, он не выдержал, натянул куртку и спустился на лифте в фойе. Он сказал портье, что будет в баре, сел на высокий табурет и заказал ирландский виски — Bushmills.

Возможно, он ожидал слишком много от О» Хагана. Возможно, пропасть стала слишком широкой.

Он отпил немного виски, и швейцар в униформе похлопал его по плечу. — Полковник Морган? Ваше такси уже здесь, сэр.»

Водитель был стариком, которому очень нужно было побриться. Сидя сзади, Морган чувствовал, что за ним наблюдают в зеркало заднего вида. Не было сказано ни слова, пока они ехали сквозь сгущающуюся темноту и дождь. На большинстве перекрестков главной улицы стояли солдаты того или иного вида, но на дороге было значительное движение и на удивление много людей.

Они были где-то на Фоллс-роуд, с католической Терф-Лодж слева. Морган знал это, и тогда старик свернул в один из маленьких убогих переулков.

В конце был строительный двор. Когда они приблизились, высокие ворота распахнулись. Они въехали внутрь, ворота закрылись за ними.

Над дверью была лампа, которая освещала двор. У старого фургона Ford, стоящего рядом, на боку была нарисована пекарня Килроя.

Была тишина, только дождь. Старик заговорил впервые. — Я думаю, вам лучше уйти, мистер.

Это был самый опасный момент, Морган знал это. Момент, который скажет ему, окупился ли его просчитанный риск или нет. Он спокойно закурил сигарету, затем открыл дверь и вышел.

Мужчина плотного телосложения в темной куртке с поднятым капюшоном вышел из-за фургона, держа в руках автомат Калашникова. Морган ждал. Послышались шаги, и из темноты появилась вторая фигура. Высокий мужчина в старом плаще с поясом и твидовой кепке. Он был очень молод, чуть больше мальчика. Когда он подошел ближе, Морган увидел лицо под козырьком кепки, темные, измученные глаза, которые намекали на душу в аду.

— Если вы будете так любезны занять эту должность, полковник.

Он был из Белфаста, об этом говорил его акцент, и он знал свое дело, умело проводя руками по Моргану, когда полковник прислонился к борту фургона, скрестив руки.

Наконец, удовлетворенный, он открыл задние двери. — Хорошо, полковник. Внутри.»

Он забрался вслед за Морганом, другой мужчина передал ему винтовку и закрыл двери. Морган слышала, как он подошел к такси. Мгновение спустя они уехали.

Поездка заняла не более десяти минут. Фургон остановился, водитель обошел машину и открыл двери. Мальчик выпрыгнул, и Морган последовал за ним. Улица представляла собой сцену запустения, усеянную осколками. Большинство ламп были разбиты, а склад на другой стороне превратился в груды обломков.

Маленькие домики с террасами подавали мало признаков жизни, за исключением странной щели света, где занавеска была плохо задернута. Мальчик закурил сигарету и выбросил спичку.

— Отличное место, чтобы растить своих детей, не так ли, полковник? — сказал он, не глядя на Моргана, затем направился через дорогу, засунув руки в карманы своего старого плаща.

Морган последовал за ним. На углу было небольшое кафе. Мальчик толкнул дверь и вошел. Это было не очень подходящее место. С одной стороны тянулся ряд выкрашенных в коричневый цвет кабинок, с другой — бар с мраморной столешницей и большим старомодным чайником, работающим от газовой горелки.

Похоже, там не было никаких клиентов. Единственным признаком жизни была старая седая женщина в грязном белом фартуке, которая сидела у урны и читала газету. Она мельком взглянула на Моргана, затем кивнула мальчику.

Тихий голос мягко позвал из дальней кабинки: «Шеймас, приведи сюда полковника».

Лиам О» Хаган ел яичницу с жареной картошкой, рядом с ним стояла кружка чая. Ему было чуть за сорок, у него были темные вьющиеся волосы. Он был одет в джинсовую рубашку с открытым воротом и куртку donkey и выглядел как рабочий с верфи, который остановился перекусить по дороге домой.

— Привет, Аса, — сказал он. — Ты хорошо выглядишь. Мальчик подошел к стойке и попросил два чая. Морган сел. — Немного молод для этого, не так ли?

— Кто, Шеймас? — засмеялся О» Хаган. — Они так не думали на Фоллс-роуд, в августе шестьдесят девятого, когда оранжевые банды ворвались, чтобы сжечь это место дотла, изгнать все католические семьи, которые там жили. В ту ночь на улицы вышла горстка бойцов ИРА, чтобы сдержать их, и Шеймас был одним из них».

— В то время ему, должно быть, было все шестнадцать.

— Восемнадцать, Эйса, — сказал О» Хаган. «Он появился с револьвером Уэбли 45-го калибра, который его дед привез домой с Первой мировой войны. Сражался на моей стороне той ночью. С тех пор он заботится о моих интересах».

— Присматривал за тобой?

«С пистолетом он лучший, кого я когда-либо видел». Шеймас вернулся с кружкой чая,

которую поставил у локтя Морган. Он вернулся к стойке и сел на табурет в дальнем конце, наблюдая за дверью, пока пил чай.

«Я впечатлен».

— Чего ты хочешь, Аса? — спросил О» Хаган.

— Зимой тысяча девятьсот пятидесятого года, Лайам, в Корее, когда ты был худшим младшим лейтенантом Национальной службы в Ольстерских стрелках.

«То были дни», — сказал О» Хаган. «Боже, но мы были впечатлены, когда такой большой человек, как ты, появился на привязанности. Настоящий солдат, медали, все.»

«Когда китайцы окружили нас на Имджине, когда полку пришлось прорываться, я вернулся за тобой, Лиам, когда ты получил пулю в ногу. Я вытащил тебя. Ты у меня в долгу за это.»

« Хаган вытер рот, достал из кармана полбутылки виски и подсластил чай. Он сделал то же самое для Морган.

— Оплачено полностью, — сказал он. «Кровавая пятница, Эйса, ты стоял на Льюистрит в полночь, возле бара Кохана, который в то время довольно хорошо горел. Мы с мальчиком были на крыше напротив. Он хотел снести тебе голову. Я бы не позволил ему. Так что, если вы пришли в поисках каких-то особых услуг, вы зря потратили свое время».

«Хороший день для тебя», — с горечью сказал Морган. — Около ста сорока убитых и раненых.

«Будь в твоём возрасте. Огненный шторм, вызванный бомбами королевских ВВС в Гамбурге в июле сорок третьего, убил за три дня больше людей, чем атомная бомба в Хиросиме. Единственная разница между бомбой, сброшенной с высоты двадцати тысяч футов, и той, что осталась в посылке под столиком кафе, заключается в том, что летчик не может видеть, что он делает».

— И когда все это закончится, Лиам, все насилие, убийства?

«Объединенная Ирландия».

— И что потом? Что ты будешь делать, когда все закончится?»

« Хаган нахмурился. — О чем, черт возьми, ты говоришь?

«Ты собираешься победить, не так ли? Ты должен в это верить, иначе в этом не было бы никакого смысла, или ты никогда не хочешь, чтобы это прекратилось? Ты хочешь, чтобы это продолжалось вечно, как шестая сцена в MGM? За республику! Пистолеты Томпсона и плащи. Моя жизнь за Ирландию.»

— Пошел ты к черту, Эйса, — сказал О» Хаган.

— Помнишь мою дочь, Меган?

« Хаган кивнул. «Сколько ей сейчас лет? Четырнадцать или пятнадцать, я полагаю?

— Ты читал о стрельбе в Максвелла Коэна на прошлой неделе?

«Это был Черный сентябрь, а не мы».

«Ответственный за это человек должен был угнать машину, чтобы уйти от преследования полиции. Меган ехала домой на велосипеде из школы через Паддингтонский туннель. Он сбил ее с ног. Оставил ее лежать в канаве, как собаку.»

— Матерь Божья! — воскликнул О» Хаган.

«Я бы не позволил этому расстроить тебя. Это случилось в Кровавую пятницу, так что одним лишним больше или меньше.»

Лицо О» Хагана было мрачным. «Хорошо, Аса. Чего ты хочешь?»

«Полная информация не была предоставлена прессе по соображениям безопасности, но,

похоже, ответственный за это человек, известный как Критянин».

— Критский любовник? Я слышал о нем. Какой-то международный киллер, который сбивал людей с ног по обе стороны баррикад».

«Это он. Он застрелил Коэна из очень необычного пистолета. Маузер с глушителем, один из серии, изготовленных для охранников СС во время войны. Теперь они не часто появляются.»

— Понятно, — сказал О» Хаган. — Не могли бы вы отследить дилера, который его поставлял?

— Вот именно. По данным Специального отдела, единственное зарегистрированное убийство в Великобритании с использованием такого оружия было совершено сержантом армейской разведки в Лондондерри Временным стрелком по имени Теренс Мерфи. Он был застрелен командос, когда убегал вместе с человеком по имени Пэт Фелан, у которого тоже был один».

— И вы хотели бы знать, откуда они их взяли? — пожал плечами О» Хаган. — Есть только одна проблема.

— И что бы это могло быть?

Терри Мерфи и Фелан не были провокаторами. Они должны были начать с них, но затем в сентябре прошлого года они присоединились к отколовшейся группе под названием «Сыновья Эрин» во главе с Бренданом Талли».

— Я слышал о нем, — сказал Морган. — Еще один из твоих типов чистоты насилия?

«Это наш Брендан. Безумный, как шляпник. Ставит свечу Пресвятой Деве каждую ночь своей жизни, и все же он застрелил бы Папу Римского, если бы думал, что это продвинет дело».

— Он сказал бы тебе, где они взяли эти «маузеры»?

— Может быть.

«Лиам, мне нужно знать. Это единственная зацепка, которая у меня есть».

« Хаган медленно кивнул. «Ты очень хочешь этого человека. Для чего — справедливости?»

«К черту правосудие, я хочу видеть его мертвым».

«В любом случае, это честно. Я посмотрю, что я могу сделать. Возвращайся на «Европу» и жди.»

— Как долго? — спросил я.

— Пару дней, может быть, три.

«Это никуда не годится».

— Почему бы и нет?

Морган увяз слишком глубоко, чтобы отступать сейчас. «К вечеру понедельника они так плотно обложат Белфаст, что даже мышь не сможет проскользнуть сквозь сетку».

— Интересно, — сказал О» Хаган, и дверь распахнулась.

Шеймас уже был на ногах, и О» Хаган быстро достал Браунинг Hi Power из кармана и держал его на коленях под столом.

Огромный грубый мужчина стоял, пьяно покачиваясь, прямо за дверью. Он был одет в грязную морскую куртку и джинсовый комбинезон, а его глаза были налиты кровью. Он, казалось, не заметил О» Хагана и Моргана и проигнорировал Шеймаса, наклонившись к стойке и держась за нее обеими руками, как будто для поддержки.

— Я собираю деньги, — сказал он пожилой женщине. «Средства для Организации.

Десять фунтов, ма, и мы квиты. В противном случае мы закрываем вас».

Она ни в малейшей степени не боялась. Просто налил чай в кружку, насыпал в нее ложку сахара и подтолкнул ее через прилавок.

— Выпей это, парень, потом протрезвей и иди домой. Вы пришли не в тот магазин.»

Взмахом руки он отправил кружку в полет. «Десять фунтов, ты, старая сука, или я разнесу это место».

В правой руке Шеймаса был «люгер», ствол упирался мужчине в подбородок. Мальчик не сказал ни слова. Это был О» Хаган, который заговорил.

— ИРА, не так ли? Какая бригада? Здоровяк тупо уставился на него, и О» Хаган сказал: «Выйди с ним, Шеймас».

Мальчик развернул мужчину и отправил его, пошатываясь, в дверь. О» Хаган поднялся на ноги и пошел за ними, и Морган последовал за ним.

Здоровяк стоял под одним из немногих все еще работающих уличных фонарей, дождь заливал его голову, Шеймас сбоку прикрывал его «Люгером». О» Хаган шагнул вперед, остановился, затем злобно пнул его в промежность, так что он вскрикнул и упал на колени.

— Хорошо, — сказал О» Хаган. — Ты знаешь, что делать.

Шеймас подошел ближе, ствол «люгера» уперся в заднюю часть правой коленной чашечки мужчины, а затем он просто снес ее одним выстрелом.

Мужчина закричал в агонии и перевернулся. О» Хаган стоял, глядя на него сверху вниз.

«Хорошие люди мертвы и лежат в могилах, сражаясь с чертовой британской армией, а такие ублюдки, как ты, плюют на них».

В тот же момент из-за угла в конце улицы вывернула пара обшарпанных «лендроверов» и резко затормозила. Морган знал о форме, и был включен прожектор.

«Оставайся там, где ты есть», — раздался голос из громкоговорителя на четком английском, как в государственной школе, но О» Хаган и Шеймас уже нырнули в переулок сбоку от кафе. Морган побежал за ними, мчась изо всех сил.

В конце улицы была шестифутовая кирпичная стена, и они перелезали через нее, когда первые солдаты свернули в переулок. Они оказались во дворе строителя и в темноте на ощупь добрались до двойной деревянной двери. Шеймас открыл ворота Иуды, и они вышли на улицу, когда первый солдат появился с другой стороны стены.

Мальчик и О» Хаган, казалось, точно знали, куда они идут. Морган следовал за ними по пятам, петляя и поворачивая через темный лабиринт убогих улиц, и звуки преследования становились все слабее. Наконец, они вышли на берег небольшого канала, и Шеймас остановился возле каких-то кустов. Он достал из кармана маленький фонарик, и когда он включил его, со стороны центра города раздался мощный взрыв, за которым последовали еще три в быстрой последовательности.

« Хаган посмотрел на часы. — На этот раз как раз вовремя. — Он ухмыльнулся Моргану. «Только подумай, тебя мог застрелить кто-то из твоих же людей. В этом есть ирония для тебя.»

— И что теперь? — спросил Морган.

«Мы убираемся отсюда к чертовой матери. Открывай его, Шеймас.»

В свете фонарика мальчика Морган увидел, что он раздвинул кусты, открывая крышку люка, которую он откинул. Он спустился по стальной лестнице, Морган поколебался, затем последовал за ним, а О» Хаган последовал за ним, вернув крышку на место.

Морган оказался в туннеле, таком маленьком, что ему пришлось пригнуться. Мальчик

взял с выступа большую точечную лампу и включил ее. Он двинулся вперед, и Морган последовал за ним, осознавая звук журчащей воды на расстоянии.

Они вышли на бетонный настил большого туннеля, и в свете прожектора он увидел, что по центру течет коричневый пенящийся поток. Запах был очень неприятный.

— Главный коллектор, — сказал Шеймас. «Все это протестантское дерьмо из Шанкхилла. Не волнуйтесь, полковник. Мы пройдем прямо под ним и окажемся среди друзей в Ардойне.»

— Что потом? — спросил Морган.

«Я думаю, что при данных обстоятельствах нам лучше уехать из города сегодня вечером», — сказал О» Хаган. — И ты тоже, Аса.

«У тебя ничего не получится», — сказал ему Морган. — Только не после тех бомб. Они плотно перекроют все дороги, ведущие из города.»

— О, есть способы, — сказал О» Хаган. «Ты был бы удивлен. Теперь, давайте двигаться.»

Минут через двадцать они появились в помещении, похожем на заводской двор за высокой кирпичной стеной. Когда мальчик повернулся к самому зданию, Морган увидел в свете фонаря значительные повреждения от бомб и то, что все окна были забиты гофрированным железом.

Они остановились у больших двойных дверей, запертых на висячий замок и цепочку, и О» Хаган достал ключ. — Это был оптовый склад спиртного, принадлежавший лондонской фирме. После третьей бомбы они решили, что с них хватит.»

Он открыл двери, и Морган и Шеймас переехали. О» Хаган закрыл двери, и мальчик пошарил в темноте. Раздался щелчок выключателя, и загорелась единственная лампочка.

— Хорошо, что они не отключили электричество, — сказал О» Хаган.

Морган обнаружил, что стоит в гараже. В центре стояло какое-то транспортное средство, накрытое слоем пыли. О» Хаган подошел и откинул простыню, открыв армейский «Лендровер». Раскрашенная доска, установленная спереди, гласила: Аварийная ситуация — обезвреживание бомбы.

— Ловко, а? — сказал О» Хаган. «И нас еще ни разу не останавливали. Если подумать, в этой ситуации ты должен чувствовать себя как дома, Эйса. Он подошел к заднему сиденью «Лендровера», открыл его и достал камуфляжную куртку, которую бросил на пол. «Здесь все, что нам нужно. Однако тебе придется понизиться на пару званий. Лучшее, на что я способен, — это капитанские очки. Я буду сержантом, а Шеймас нашим водителем.»

— С какой целью? — требовательно спросил Морган. — Куда мы идем? — спросил я.

— Ты хотел знать, откуда взялись эти «маузеры». Хорошо, мы пойдем и спросим Брендана Талли.»

Это сработало как по волшебству, на всем пути из города по Антрим-роуд. Военная полиция без колебаний пропустила их через три отдельных блокпоста, а на четвертом, где была очередь из проверяемых автомобилей, Шеймас просто просигналил и обогнал не на той стороне дороги.

За пределами Баллимены О» Хаган сказал мальчику остановиться у телефонной будки. Он был внутри не более трех минут. Когда он вернулся, он улыбался.

«Он ждет нас. Дорога в Гленарриф через горы Антрим.»

Морган сказал: «Как ты объяснишь меня?»

« Хаган усмехнулся. — Ты все еще говоришь по-валлийски, не так ли? Он любит

пробовать свой ирландский, Брендан. Научился этому, когда они с Макстиофаном вместе сидели в тюрьме. Валлийцы и ирландцы — у них наверняка должно быть что-то общее».

Проехав двадцать миль по дороге через горы, они подъехали к указателю, указывающему Коули налево. Шеймас повернул, следуя по узкой, извилистой дороге между стенами из сухого камня, поднимаясь все выше и выше в горы.

В первых серых лучах рассвета они поднялись на небольшое плато, окруженное буковыми деревьями. Там был сарай, открытые двери и старый джип. Рядом с ним стояли двое мужчин. Они оба были одеты как сельскохозяйственные рабочие, один в заплатанной вельветовой куртке и матерчатой кепке, младший в джинсовом комбинезоне и резиновых ботинках.

— Тот, что в кепке, — Тим Пэт Киф, правая рука Талли. Другой — Джеки Рафферти. Немного тронутый в голове, этот. Обычно он делает то, что Талли говорит ему, и ему это нравится», — сказал О» Хаган.

Шеймас затормозил, и двое мужчин вышли вперед. — Доброго вам дня, мистер О» Хаган, — сказал Киф. «Если вы оставите «лендровер» в сарае, мы отвезем вас на ферму на джипе».

« Хаган кивнул Шеймасу, который вел машину под прикрытием. Они все вышли, и когда они вышли, Киф и Рафферти закрыли дверь сарая. О» Хаган перекинул через плечо пистолет-пулемет «Стерлинг», а Морган носил служебный револьвер «Смит и Вессон» 38-го калибра в стандартной кобуре на ремне.

Киф сказал: «Дружеский визит, не так ли, мистер О» Хаган?» О» Хаган сказал: «Ну будь дураком, Тим Пэт. Теперь давайте поднимемся на ферму. Я бы не отказался от завтрака. Это была тяжелая ночь.»

Ферма была бедным местом, в небольшой лощине, прижатой к склону горы для защиты от ветра. Хозяйственные постройки остро нуждались в ремонте, а двор был покрыт толстым слоем грязи.

Брендан Талли был высоким, красивым мужчиной с худощавым лицом, одна сторона его рта изогнулась в легкой постоянной полуулыбке, как будто мир и его обитатели постоянно забавлялись. Он приветствовал их у двери. Очевидно, он только что встал с постели и был одет в старый халат поверх пижамы.

— Лиам! — закричал он. «Ты просто загляденье, несмотря на эту чертову форму. Заходи внутрь.»

Они последовали за ним на кухню, где в открытом очаге горели дрова. Пожилая женщина, накинув на плечи черную шаль от утреннего холода, готовила у плиты завтрак.

«Не беспокойся о ней. Она глуха как пень. Шеймас, парень. — Он похлопал мальчика по плечу. «У меня все еще есть место для тебя, если ты хочешь настоящего действия».

«Я доволен тем, что я есть, мистер Талли».

Талли повернулась, с любопытством разглядывая Морган. — И кто бы это мог быть?

«Старый друг. Дэй Льюис из Армии Свободного Уэльса. Помнишь, они помогли нам с оружием осенью шестьдесят девятого, когда дела были плохи.

— Значит, он говорит по-валлийски?

«Я был бы чертовски плохим валлийцем, если бы не сделал этого», — ответил Морган на своем родном языке.

Талли был в восторге. — Великолепно, — сказал он. «Только я не понял ни слова из этого. А теперь давайте начнем день правильно, пока этот старый мешок готовит еду.»

Он достал кувшин с виски и стаканы. — Рановато даже для тебя, — сказал О» Хаган.

— Короткая жизнь, а? — Талли явно был в приподнятом настроении. — В любом случае, что привело тебя сюда таким образом?

«О, вчера вечером в городе было немного тепло, а потом ко мне приехал Дай из Кардиффа. Пусть он сам тебе скажет.»

Он взял стакан, который Талли передал ему, и Морган сказал, действительно очень по-валлийски: «На этот раз мы решили действовать как следует, мистер Талли. Говорить с проклятыми англичанами о независимом Уэльсе — пустая трата времени».

«Семьсот лет разговоров с педерастами, которые у нас были, и к чему это нас привело?» Талли спросил его.

« Хаган сказал: «Что нужно Дэю и его людям, так это несколько пистолетов с глушителем. Он подумал, что я мог бы помочь, и тогда я вспомнил о тех двух твоих парнях, которые умерли в прошлом году. Терри Мерфи и молодой Фелан. Разве у них не были маузеры с глушителями?»

— Правильно, — сказал Талли. «И их было чертовски трудно достать».

— Можем мы спросить, где ты их взял?

— Братья Джаго — два самых больших злодея в Лондоне. Талли повернулся к Моргану. «Я не знаю, будут ли они по-прежнему иметь то, что ты хочешь, но понаблюдай за ними. Они бы выкопали свою бабушку и продали труп, если бы думали, что за это можно выручить деньги.»

В нем было странное, нервное беспокойство, и его глаза были очень яркими. Он отхлебнул немного виски и сказал О» Хагану: «Я рад, что ты пришел. Я бы хотел поговорить. Что-то очень важное для всего движения.»

— Это так? — О» Хаган был заинтересован и насторожен одновременно.

— Пойдем в гостиную. Я покажу тебе. У нас есть время до завтрака. Талли с трудом сдерживал себя. — Это займет всего несколько минут. Они могут подождать нас.»

Он повернулся и прошел в гостиную. О» Хаган взглянул на Моргана и Шеймаса, затем неохотно последовал за ними.

— Закрой дверь, парень, — нетерпеливо сказал Талли, затем открыл ящик старого стола из красного дерева и достал карту, которую развернул.

« Хаган присоединился к нему и увидел, что на карте было изображено западное побережье Шотландии, включая острова Внешних Гебридских островов.

— Что все это значит?

— Вот этот остров, Скерривор, — указал Талли. — Это учебная ракетная база. Один из моих парней, Майкл Белл, был там техником-капралом. Знает место задом наперед.»

— И что? — спросил я.

«Кажется, что по четвергам раз в две недели офицер и девять человек подъезжают по дороге из аэропорта Глазго в Маллаиг. Оттуда они отправляются в Скерривор на лодке. Допустим, однажды в четверг их грузовик останавливают по дороге в Маллаиг, и я жду с девятью своими людьми, чтобы занять их место, включая Майкла Белла, конечно».

— Но почему? — спросил О» Хаган. — Как называется игра? — спросил я.

«То, что они испытывают на том острове, называется «Хантер», ракета средней дальности. Не атомная, а новый вид взрывчатого вещества, которое вызвало бы действительно очень большой взрыв. Одна из этих штуквин в target может уничтожить квадратную милю Лондона».

«Ты, должно быть, сумасшедший», — сердито сказал ему О» Хаган. — Ракеты на Лондон? Что ты пытаешься сделать? Потерять все, за что мы боролись?»

— Но это единственный выход, разве ты не понимаешь? Ведите борьбу до самого порога врага.»

«Убить тысячи одним ударом, полностью оттолкнуть мировое общественное мнение?» О» Хаган покачал головой. «Брендан, на данный момент в глазах многих людей за границей мы — маленькая горстка храбрецов, сражающаяся с армией. Вот так мы в конце концов и победим. Не путем победы над британской армией, а сделав все это настолько неприятным, что они уйдут по собственному желанию, точно так же, как они сделали в Адене, на Кипре и во всех тех других местах. Но это... — Он покачал головой. «Это безумие. Военный совет никогда не одобрил бы такой план. Это было бы похоже на стрельбу в Королеву — контрпродуктивно».

— Ты хочешь сказать, что расскажешь об этом Совету Армии?

«Конечно, я буду. Чего еще ты от меня ждешь? Я главный офицер разведки Ольстера, не так ли?»

— Ладно, — защищаясь, сказал Талли. «Значит, я был неправ. Если Совет не поддержит меня, то мы никак не сможем этого сделать, это очевидно. Я посмотрю, готов ли завтрак.»

Он пошел на кухню, где за столом сидели Морган, Шеймас и Киф. Он подошел к входной двери и обнаружил, что Рафферти, наклонившись к джипу, смазывает вал педали тормоза. Рафферти выпрямился и повернулся.

Лицо Талли было искажено яростью. «Брось их, Джеки. Трое одним ударом. Никакого беспорядка. Ты понимаешь?»

— Да, мистер Талли, — сказал Рафферти без малейшего проблеска эмоций. «Это должен сделать один из тех русских любителей карандашей и пластика».

— Тогда приступай. Талли вернулся на кухню.

«Хаган как раз выходил из гостиной. Под мышкой у него была карта, а в правой руке — готовый к бою пистолет-пулемет «Стерлинг».

«У меня внезапно пропал аппетит». Снаружи послышался звук заводящегося и отъезжающего джипа. — Куда, черт возьми, он подевался?»

— За молоком, — сказал Талли. «У нас здесь нет коровы. Лиам, давай будем разумными.»

— Просто держитесь на расстоянии. О» Хаган кивнул Моргану и мальчику. «Хорошо, вы двое. Шеймас, прикрой мне спину.»

Они въехали во двор. Когда они подошли к воротам, Талли крикнул от двери: «Лиам, послушай меня».

Но О» Хаган просто увеличил скорость ходьбы. Морган сказал: «Что, черт возьми, все это значит?»

— Ты тут ни при чем, — сказал О» Хаган. — Это вопрос для Военного совета. Он покачал головой. «Этот сумасшедший. Как он мог даже вообразить, что я пойду на такой план».

Они преодолели подъем и спустились к амбару. Двери все еще были закрыты, и не было никаких признаков джипа.

Он сказал Моргану и Шеймасу: «Вы прикрываете меня, пока я вытаскиваю «Лендровер», на случай, если они попробуют что-нибудь смешное», — и он бросил стерлинг Моргану.

Он открыл дверь сарая, Морган отвернулся, осознавая, что он движется внутрь. Дверь «Лендровера» захлопнулась, когда О» Хаган сел. Раздался колоссальный взрыв, порыв горячего воздуха, и Моргана швырнуло вперед лицом.

Он встал на колени, повернулся и увидел, что Шеймас пытается встать, схватившись за руку, в которую, как шрапнель, вонзился кусок металла.

Сарай превратился в ад, обломки «Лендровера» яростно пылали.

Морган услышал звук двигателя, поднял Шеймаса на ноги и толкнул его в деревья, присев рядом с ним на корточки. Приблизился джип. Он затормозил, и Рафферти вышел.

Он пошел вперед, прикрывая лицо рукой от жара, подойдя так близко, как только осмелился. Морган встал и вышел из кустов.

— Рафферти? — спросил я.

Когда Рафферти повернулся к нему лицом, Морган опустошил Стерлинг тремя очередями, загнав его обратно в топку сарая. Он бросил Стерлинг ему вслед, поднял Шеймаса и потащил его к джипу.

Садясь за руль, он сказал: «Вы не знаете, где мы можем найти вам врача? Безопасный доктор.»

«Хибернианский дом престарелых для престарелых. Это в двух милях по эту сторону Баллимены, — сказал ему Шеймас и потерял сознание.

Морган снял камуфляжную форму в туалете и засунул ее в корзину для белья. Под ним он все еще носил свою обычную одежду. Он проверил свой бумажник, затем вымыл лицо и руки и вернулся в небольшую операционную.

Старый доктор Келли, который, казалось, управлял этим местом, и молодая монахиня склонились над Шеймасом, чья рука и плечо были забинтованы. Его глаза закрылись.

Доктор Келли повернулся к Моргану. «Теперь он будет спать. Я сделал ему укол. Через неделю будет как новенький.»

Шеймас открыл глаза. — Вы идете, полковник? — спросил я.

«Назад в Лондон. Мне нужно кое-что сделать. Знаешь, ты так и не сказал мне своего второго имени.»

Мальчик слабо улыбнулся. «Киган».

Морган написал свой лондонский номер телефона на рецептурном блокноте врача и оторвал его. «Если ты думаешь, что я могу помочь в любое время, позвони мне».

Он двинулся к двери.

— Почему, полковник? Почему они это сделали?»

«Из того, что я смог собрать, Талли придумал какой-то план, который Лиам не одобрил. Он собирался сообщить Совету армии. Я полагаю, что это был способ Талли остановить это».

«Сначала я увижу его в аду», — сказал Шеймас и закрыл глаза.

Из первой же телефонной будки, к которой он подошел, Морган позвонил в штаб-квартиру армейской разведки в Лисберне и со всем убедительным ольстерским акцентом, на который был способен, указал, где можно найти Брендана Талли и Сыновей Эрин, хотя он подозревал, что они уже давно ушли.

Затем он сел на поезд в Баллимене до Белфаста и отправился прямо в Европу, где забронировал билеты. К трем часам он был в аэропорту Олдергроув в ожидании лондонского рейса.

Джон Микали, на высоте двадцати восьми тысяч футов над Швецией, на пути в

Хельсинки, просматривал досье на Азу Моргана. Человек из ГРУ в российском посольстве в Лондоне действительно был очень тщательным. Не только каждый аспект карьеры Моргана в мельчайших деталях, но и детали его известных партнеров, с фотографиями. Фергюсон занимал видное место в качестве главы антитеррористической группы Group Four, как и Бейкер, хотя Микали уже был знаком с йоркширцем. У Девилла было досье на сотрудников Специального отдела, и Микали провел много часов в прошлом, изучая их лица. Сделал то же самое со своими коллегами в Париже, Берлине и большинстве других крупных городов, которые он имел привычку посещать.

Он снова довольно долго изучал фотографию Асы Моргана, затем откинулся назад, размышляя об этом.

Не то чтобы он волновался. Морган никак не мог добраться до него. Ни единой зацепки, ни намека на зацепку. Дорожки были слишком хорошо замазаны.

Над ним склонилась блондинка-стюардесса, привлекательная девушка с отличной фигурой, которую определенно подчеркивала темно-синяя униформа British Airways.

«Вы даете концерт в Хельсинки, мистер Микали?»

— Да. Первый номер Брамса завтра вечером с Национальным государственным оркестром.»

Я бы с удовольствием пришла, если смогу достать билет, — сказала она. У нас остановка на два дня.»

Она действительно была довольно хорошенькой. Он лениво улыбнулся. «Дайте мне знать, где вы остановились, и я пришлю вам один. А потом будет вечеринка, если тебе больше нечем заняться.»

Ее лицо покраснелось, а груди, казалось, напряглись под легкой белой нейлоновой блузкой.

«Это было бы чудесно. Я могу что-нибудь для тебя сделать?»

— Думаю, полбутылки шампанского.

Он сидел, уставившись в окно, чувствуя себя довольно уставшим, но правда заключалась в том, что он был не в настроении для этого концерта. Что ему было нужно, так это отдых. Нет необходимости возвращаться в Лондон. Он должен был вылететь в Афины из Хельсинки после концерта. Даже если бы не было прямого рейса, и ему пришлось бы лететь через Париж или Мюнхен, он мог бы быть в Афинах во второй половине дня. А потом Гидра.

Мысль была приятной, и его настроение поднялось, когда стюардесса принесла шампанское. Медленно потягивая его, наслаждаясь прохладой, он обнаружил, что открывает файл Моргана и снова начинает его просматривать.

Харви Джаго внимательно осмотрел себя в зеркале в ванной. В красном вельветовом пиджаке с белым шелковым шарфом у горла, с тщательно причесанными светлыми волосами, он производил впечатление. Он все еще выглядел как полезный полутяжеловес, способный выдержать пятнадцать раундов в любой день недели, каким он был в молодости — признаки были в сломанном носу, рубцовой ткани вокруг глаз. Он мог бы поправить прическу, но женщинам это нравилось. Это придавало ему некую грубоватую добродушность, но именно глаза выдавали настоящего мужчину. Жесткий, жестокий и безжалостный.

Этим утром он был далек от счастья, потому что накануне вечером полиция совершила налет на одно из его многочисленных деловых предприятий — дом в Белгравии, где юные леди, работающие на него, удовлетворяли прихоти самых престижных клиентов.

Яго беспокоило не смущение, причиненное двум пэрам королевства и трем членам парламента, которые временно оказались в руках полиции — это был их наблюдательный пункт. Он даже не беспокоился о штрафах, которые придется заплатить от имени девушек, или о потере ночной выручки.

Конечно, не было никакой возможности его личного участия. Собственность была оформлена на чужое имя. Для этого он и держал фронтменов. Нет, что его раздражало, так это отсутствие предупреждения от тех полицейских из Отдела нравов, которые получали солидные еженедельные стипендии, чтобы следить за тем, чтобы заведения Яго оставались в покое. Чья-то голова должна была полететь.

Он вошел в гостиную и встал у окна своей квартиры в пентхаусе. Ему доставляло непрекращающееся удовольствие смотреть через Грин-парк на Букингемский дворец, поэтому он и купил это место. Далек от глухой улицы в Степни, где он вырос.

Мария, маленькая филиппинская горничная, принесла кофе на подносе. Он подождал, пока она наполнила его чашку и протянула ему.

— Спасибо, любимая, — сказал он.

Когда она уходила, аккуратная и подтянутая, в черном платье и чулках, вошел его брат Арнольд. Он был на десять лет моложе Яго, с редющими волосами и впалыми щеками, и умудрялся выглядеть истощенным и встревоженным одновременно. Под этим внешним видом у него был мозг, который работал как компьютер в вопросах финансов.

«Прелестная у нее задница, у этой девчонки», — сказал Яго. «Я бы дал ей отмашку, Арнольд, действительно дал бы, только ты знаешь, что я всегда говорил о том, чтобы не связываться с персоналом».

Арнольд, у которого уже была договоренность с Марией, о которой он боялся, что его брат узнает, сказал: «Совершенно верно, Харви».

«Чего мне будет стоить прошлая ночь?»

— От тринадцати до пятнадцати тысяч. Я не могу быть более уверенным из-за юридического конца. Некоторые из этих девушек — трижды неудачницы, Харви. Это может означать ник. Им понадобится краткое изложение, а это дорого стоит».

«Все, что потребуется, Арнольд. И еще кое-что. Отдел нравов. Я хочу знать, кто нас подвел, и я хочу знать сегодня».

«Об этом позаботились», — сказал Арнольд. «Тебя хочет видеть один парень. Имя

Морган.»

— Чего он хочет? — спросил я.

— Не сказал бы, но он сказал мне передать тебе это. Арнольд протянул ему пачку двадцатифунтовых банкнот, завернутых в обертку Мидленд Банка. — Пятьсот.

Яго поднес их к носу. «Боже, как я люблю запах этого вещества. Ладно, Арнольд, подгони его. Давайте посмотрим, в чем заключается его игра.»

Морган был одет в свитер с круглым вырезом и не потрудился расстегнуть свой военный плащ. Яго налил себе виски и оглядел его с ног до головы.

— Мистер Морган, — сказал Арнольд и встал у двери.

— Вообще-то, полковник.

Яго скорчил гримасу. — И что мне прикажешь делать, сделать реверанс? Он поднял пятьсот фунтов. «Я занятой человек, и все, что вам дает это ограниченный разговор. Говори свое слово или двигайся дальше.»

«Это довольно просто», — сказал Морган. «Убийство Коэна на прошлой неделе. Использованным пистолетом был Маузер калибра 7,63 мм образца 1932 года с эсэсовским глушителем в форме луковицы, оружие, довольно редкое в наши дни. Ваша организация поставила два из них ИРА в прошлом году».

— Кто это говорит? — вставил Арнольд.

Морган не сводил глаз с Яго. — Человек по имени Брендан Талли. Вчера я был с ним в Ольстере.»

— Послушай-ка, — начал Арнольд, но брат остановил его жестом руки.

«Ты не представитель закона, так в чем твоя точка зрения?»

«Человек, который застрелил Коэна, сбил мою дочь, когда убегал. Убил ее. Я бы хотел найти его.»

— Теперь я понял, — сказал Чжейго. — Вы думаете, что маузер, которым он пользовался, мог быть получен из того же источника, что и другие?

— Это казалось бы разумным. Морган достал из кармана вторую пачку банкнот и бросил ее на стол. — Здесь еще пятьсот, мистер Джаго, так что, как видите, я готов заплатить за информацию.

— Это тебе дорого обойдется, — сказал Яго.

— Сколько? — спросил я.

— Еще одна штуковина.

«Хорошо — когда?»

«Я сам не занимаюсь этим вопросом. Мне нужно поговорить с парнем, который знает. Я должен знать к вечеру, если есть что-то, что нужно знать. Я владелец клуба в Челси, «Фламинго» на Чейн-Уок. Увидимся там около девяти.»

«Все в порядке».

Морган повернулся к двери, и Яго сказал: «И полковник Морган. Не забудь о другой тысяче».

— Конечно, нет, мистер Яго. Я держу свое слово.»

«Рад это слышать».

«Смотри, чтобы ты это сделал».

— Это угроза, полковник? — тихо спросил Чжейго.

«Да, если подумать, я полагаю, что это так», — сказал ему Морган и вышел.

Наступила тишина. Яго сказал: «Знаешь что, Арнольд? Впервые за много лет кто-то»

сказал мне грубое слово, и мы не можем допустить этого, не так ли? Плохо для бизнеса. Я собираюсь проявить личный интерес к полковнику Моргану. Очень личное. Убедись, что на сегодня есть пара хороших парней. Мужчины-мусорщики.»

«Да, Харви».

Арнольд повернулся, чтобы выйти, и Яго добавил: «Еще одно, с этого момента мы прекращаем продавать оборудование тем микрофонам. Они все в лужах, я уже говорил тебе раньше. В будущем придерживайтесь арабов.»

Вернувшись в квартиру, Морган включил кофеварку, а затем позвонил в Security Factors Ltd. Джек Келсо, похоже, почувствовал облегчение, услышав его голос.

«Значит, ты вернулся. Слава Богу за это. Ты видел О» Хагана?»

— Коротко, — сказал Морган. — Боюсь, он мертв, Джек. Бомба в машине. Мне повезло, что я не пошел с ним.»

Повисло тяжелое молчание, затем Келсо спросил: «Ты выяснил то, что хотел знать?»

«О, да, именно поэтому я и звоню. Что ты можешь рассказать мне о братьях Яго?»

Келсо сказал: «Вероятно, самые важные гангстеры в Лондоне. Даже мафиози осторожно обходят этих двоих. Арнольд, худой, — это мозги. Его старший брат, Харви, тоже не дурак. Раньше был боксером.»

«Отвратительная работа. Я встречался с ним.»

«И это еще мягко сказано. В прошлом году итальянский игрок по имени Пачелли пытался бросить заряженные кости в одном из игровых клубов Jago. Ты знаешь, что сделал Яго? Садовыми ножницами отрежьте верхние суставы каждого пальца на правой руке Пачелли. Ты пытаешься сказать мне, что он источник маузеров?»

«Вот так это выглядит. Я встречаюсь с ним сегодня вечером. Место под названием «Фламинго» на Чейн-Уок. Это респектабельно?»

«Строго лучшие люди».

«Что означает, что он будет вести себя прилично. Скажи мне, Джек, как он зарабатывает свои деньги?»

— Игровые клубы, охрана, элитные публичные дома.

— И это все? — спросил я.

«У него есть еще одна прибыльная побочная линия, в которую был вовлечен мой коллега. Это недалеко от Чейн-Уок, недалеко от Челси-Крик. Фабрика красок под названием «Уэзерби и сыновья»».

— И что? — спросил я.

«Это то, что в торговле известно как нарезанный ликер. Что они обычно делают, так это угоняют автоцистерну с шотландским виски или что-то подобное на автостраде. Затем его сильно разбавляют водой. У них есть собственный завод по розливу и все лучшие этикетки. Снабжайте клубы по всей стране.»

— А полиция — разве они ничего об этом не знают?

«Они никогда не могут сблизиться, а когда это происходит, между ними всегда есть какой-нибудь фронтмен, который возьмет удар на себя. На твоём месте я бы держался подальше, если только ты не готов идти до конца».

«О, но это так, Джек. Так и есть.»

Морган сидел за своим столом и чистил «Смит и Вессон Магнум», когда зазвонил телефон. Это была Кейт Райли.

— Ты вернулся, — сказала она.

— Да, прошлой ночью.

— Ты чего-нибудь добился?

«Я буду знать это наверняка позже сегодня вечером. Откуда ты звонишь — из Кембриджа?»

«Нет, я в городе на несколько дней, работаю в клинике Тавистока. Я снял квартиру у коллеги, который сейчас в Нью-Йорке, на месяц. Это в Кенсингтоне. Место в Дору.»

— Вот что я тебе скажу, — сказал Морган. «У меня назначена встреча с худшим злодеем Лондона сегодня вечером во «Фламинго» на Чейн-Уок».

— Но это один из самых престижных ночных клубов в городе.

«Так мне говорят. Ты найдешь себе красивое платье, причешешься, и, возможно, меня убедят взять тебя.»

«Ты в игре», — сказала она.

Место было таким, как они и говорили. Мягкий свет, приятная музыка, внимательные официанты, абсолютная роскошь. Морган и Кейт Райли, которых явно ждали, провели к угловому столику, который был одним из лучших в заведении.

Старший официант щелкнул пальцем, и появилось ведерко с шампанским. «Мои наилучшие пожелания от мистера Джаго, сэра. Сегодня вы его гости.»

Из своего кабинета, расположенного высоко над главным рестораном, Харви Джаго, великолепный в черном бархатном вечернем костюме, наблюдал за ними через декоративную решетку.

«Мне нравится, как выглядит его птица, Арнольд. Настоящий класс, вот. Ты всегда можешь сказать.»

— А что с ним, Харви? Он полковник и все такое, не так ли?

— Чушь, — сказал Яго. «Я не знаю, какова его история, но он живет на той же улице, что и мы с тобой».

— Мне поднять его? — спросил я.

— Пока нет. Пусть они наслаждаются едой. Я имею в виду, главное — десерт, не так ли, Арнольд?

— А как насчет мужчин? — спросила ее Морган.

— Не твое дело.

«Тогда что ты делаешь, чтобы немного экшена и страсти?»

— Лети, — сказала она. «У меня лицензия уже двенадцать лет. Я действительно довольно хорош.»

Подошел старший официант и что-то осторожно прошептал на ухо Моргану. Он оставил Кейт допивать шампанское и последовал за мужчиной к двери с надписью «Личное». Там был лестничный пролет, покрытый ковром. Арнольд ждал наверху.

«Сюда, полковник».

Морган поднялся по лестнице и вошел в офис, который был гордостью и радостью Яго и который был создан для него одним из лучших дизайнеров интерьеров в Лондоне. Все было китайским, и некоторые предметы искусства стоили ему больших денег.

Яго сидел за столом и курил сигару. «Вот ты где. Они там за тобой хорошо присматривают?»

— Отлично, — сказал Морган. «Но мое время так же ограничено, как и ваше, мистер Яго. Информация, которую ты мне обещал?»

— Разве мы не говорили что-то о другой штуке, Арнольд? — сказал Яго.

Морган достал конверт из внутреннего кармана. «Сначала мы послушаем, что ты хочешь сказать. Тогда ты получишь это.»

Яго вздохнул. «Ну, теперь это будет довольно сложно. Видите ли, боюсь, мы не смогли получить необходимую вам информацию».

— Не можешь или не хочешь? — спросил Морган.

«Ты можешь развлекать себя долгими зимними вечерами, думая об этом».

— А тысяча фунтов, которую я заплатил вам сегодня утром?

— Мое время, старина, дорого. — Яго посмотрел на часы. — Проводи полковника, Арнольд. У меня есть дела, которые нужно сделать.»

Морган подошел к двери, остановился и взял большую китайскую вазу с лакированного столика. — Начало девятнадцатого века, — сказал он. — Не особенно редкий, но приятный.

Он уронил его на пол, где он разлетелся на сотню кусочков. — И это, мой друг, только начало, — сказал он и вышел.

Яго на бегу обогнул стол. Он стоял, глядя на осколки вазы, его лицо исказилось, затем он повернулся к своему брату.

«Ты знаешь, что делать, и скажи им, чтобы все было хорошо. Если он когда-нибудь выйдет из больницы, я хочу, чтобы это было на палочках».

Морган припарковал Порше на некотором расстоянии. Кейт Райли держала его под руку, пока они шли.

Она сказала: «Значит, он не смог пройти?»

«Примерно в этом и дело».

— Что ты собираешься теперь делать?

«Убеди его еще раз подумать».

Они свернули в переулок, где он оставил «порше».

Арнольд Джаго остановился на углу с двумя мужчинами. Один из них был маленького роста и очень нуждался в бритве. Другой был по меньшей мере шести футов ростом, с жестким, грубым лицом и большими руками.

— Верно, Джако, — сказал Арнольд. «Сделай это хорошо».

— Предоставьте это нам, мистер Яго.

Двое мужчин пошли по тротуару мимо припаркованных машин, и Джеко остановился, остановив мужчину поменьше. Морган и Кейт Райли, казалось, полностью исчезли.

Он сделал тревожный шаг вперед. Морган поднялся по ступенькам из подвала одного из высоких викторианских домов, развернул маленького человека и ударил его коленом в пах.

Он упал со стоном, и Джеко повернулся, чтобы найти Моргана, стоящего с другой стороны корчащегося тела, лицо которого было ясно в свете лампы, когда Кейт Райли подошла к нему сзади.

— Ты ищешь меня, не так ли?

Джеко быстро приблизился. Впоследствии он никогда не мог быть уверен в том, что произошло. Его ноги были умело выбиты из-под него, он тяжело приземлился на мокрый тротуар. Когда он встал, Морган схватил его за правое запястье, повернул его кругом и вверх, зажав плечо, как в тисках. Джако издал крик агонии, когда мышца начала рваться. Все еще удерживая эту ужасную позицию, Морган ударил его головой в перила.

Он взял Кейт Райли за руку и повел ее по тротуару к «Порше». Когда он подал ей руку, она сказала: «Ты действительно веришь в то, что нужно идти до конца, не так ли?»

«Интересно, — сказал он, садясь рядом с ней, — что ты не рвешь на себе волосы из-за

моих жестоких фашистских взглядов, такой милый, невинный, либеральный академик, как ты».

«Они сами напросились, эти двое. Они получили это, — сказала она. — Вы, должны быть, сильно рассердили мистера Яго.

— Думаю, можно и так сказать, — сказал он и уехал.

Он остановился у дома на Дору-Плейс и проводил ее до двери.

— Ты не зайдешь? — спросила она.

— У меня есть дела, которые нужно сделать.

«Например?»

«Научи Харви Джаго хорошим манерам».

— Могу я чем-нибудь помочь?

— Не совсем. То, что я намереваюсь, по любому определению является преступным деянием. Я бы предпочел, чтобы ты не вмешивался, на случай, если что-то пойдет не так. Я буду на связи.»

Он спустился по ступенькам к «порше», прежде чем она успела возразить. Она открыла дверь и вошла внутрь. Арнольд Яго вышел из своей машины с того места, где он припарковался, если дальше по улице. Он проверил номер дома, затем вернулся к своей машине и уехал.

Фергюсон работал в одиночестве за своим столом в квартире на Кавендиш-сквер, единственный звук — оркестр Гленна Миллера, тихо играющий на проигрывателе на столе позади него.

Это был его тайный порок — слушать звуки биг-бэнда своей юности. Не только Миллер, но и великие британские группы, такие как Лью Стоун, Джо Лосс и поющий Эл Боулли. Это вернуло Фергюсона прямо на войну с теплой ностальгией. До 1940 года, когда все было действительно плохо. Но, по крайней мере, ты знал, где находишься — знал, как далеко тебе нужно зайти. Тогда как сейчас? Настоящий враг на самом деле может сидеть на парламентской скамье. Наверное, так и было.

Телефон, красный, который был у него по левую руку, тихо зажужжал. Он посмотрел на часы. Было почти десять часов, когда он поднял трубку.

«Скажи, кто ты».

— Бейкер, сэр.

— Работаю сегодня допоздна, суперинтендант.

«Кабинетная работа — вы знаете, как это бывает, сэр. Я подумал, тебе будет интересно узнать, что Аса Морган вернулся из Белфаста целым и невредимым. Служба безопасности заметила, как он проходил через Хитроу прошлой ночью».

— Но мы не знаем, чем он занимался, пока был там?

— Нет, сэр.

— Ты связался с армейской разведкой в Лисберне на О» Хаган?

— Да, но он пропал из виду. Неудивительно, учитывая, что операция «Машинист» в самом разгаре».

— И что Морган задумал сегодня вечером?

«Кажется, у него что-то есть с доктором Райли, психологом из Кембриджа. Она остановилась в квартире на Дору-Плейс. Морган заехал за ней в половине девятого. Они оба были одеты так, словно собирались на большую вечеринку».

— И куда они отправились?

— Я не знаю, сэр. Мой человек потерял их.»

«Как удивительно», — сказал Фергюсон. «Мы за это ему платим, чтобы он изображал некомпетентного идиота?»»

«Послушайте, сэр, такого рода вещи — дело Моргана. Он занимается этим уже много лет, ты это знаешь. Малайя, Кипр, Аден, теперь Ольстер. Он чувствует запах хвоста, как только выходит за дверь. У него есть инстинкт на это. Это единственный способ, которым он оставался в живых все эти годы».

«Хорошо, суперинтендант, прекратите хвалебную речь. На самом деле ты хочешь сказать, что за ним никак нельзя следить, если он сам этого не хочет.»

— Нет, если я не приставлю к нему команду из шести машин, сэр, с полным радиоуправлением из Центра.

«Нет», — сказал Фергюсон. «Не делай этого. На самом деле, ничего не делай. Вытащи своего мужчину полностью. Давай оставим Асе его голову на день или два. Тогда посмотрим, где мы находимся».

Он положил трубку, и на другом конце провода Гарри Бейкер позвонил по внутренней связи сержанту в приемную.

— Джордж, ты можешь вытащить Маккензи из Грэшем-Плейс.

— Так точно, сэр. Какие-нибудь дальнейшие распоряжения по этому поводу?»

«Я дам тебе знать».

Бейкер положил трубку, тяжело вздохнул и начал рыться в куче бумаг, которыми был завален его стол.

Не то чтобы все это имело значение, потому что в тот самый момент, когда Маккензи получил по радиации приказ возвращаться домой, Морган ловил такси на углу Понт-стрит, покинув квартиру, перелезая через стену заднего двора.

Он уже тщательно разведал ситуацию при дневном свете ранее в тот день и точно знал, что он делает. Он сказал водителю высадить его у колледжа Святого Марка на Кингз-роуд. Оттуда до Челси-Крик было всего пять минут быстрой ходьбы.

Лакокрасочная фабрика Уэзерби и сыновей стояла на пирсе, выступающем в залив с другой стороны от электростанции. Морган остановился в тени, натягивая мягкие черные кожаные перчатки, которые он носил, достал из кармана балаклаву и натянул ее на голову.

Главные ворота были заперты и залиты ярким светом охранных огней. Был также знак, предупреждающий о собачьих патрулях, хотя это могло означать что-то или ничего.

Он уже проложил путь во время дневного визита. Там была бетонная плотина, вода переливалась через нее, тянулась к лабиринту стальных конструкций, подпирающих пирс, на котором стоял завод.

Он спустился по берегу и начал переправляться, сначала не торопясь, оценивая силу воды. Но это не было чем-то, с чем он не мог справиться, поднимаясь до половины икр, и фартук плотины был достаточно широким, хотя и зеленым от слизи и коварным под ногами.

Ему потребовалось не более пары минут, чтобы добраться до дальнего конца. Он остановился на мгновение, затем поднялся по служебной лестнице на пирс наверху, достигнув двора в задней части фабрики.

На первый этаж вела пожарная лестница. Дверь наверху крепко держалась железной переключной с висячим замком на конце. Морган достал двухфутовый стальной джемми из внутреннего кармана левого ботинка, вставил его в застёжку висячего замка и повернул. Дверь мгновенно щелкнула, и он оказался внутри.

С этого момента он оказался на неизведанной территории. Даже не знал, что он намеревался сделать дальше, потому что не был уверен, что найдет.

Он использовал свой фонарик с осторожностью, отметив, что на этом этаже находится завод по розливу. Во всем чувствовался тяжелый запах спиртного. Он отвинтил крышку одного из нескольких барабанов, которые он нашел в одном конце комнаты, и понюхал. Технический спирт. Итак, Яго разбавлял хороший скотч не только водой. С таким ядом, который, как было известно, заставлял людей слепнуть.

Из окна он мог смотреть вниз, на главный двор. У ворот была хижина, и он мог видеть охранника в форме, который читал в кресле, положив ноги на стол. Большая овчарка спала на полу рядом с ним.

Морган осторожно спустился по деревянной лестнице и оказался в большом гараже. Там было два фургона и трехтонный грузовик, в котором находились десятки ящиков очень престижной марки шотландского виски, или так казалось.

Там были большие двойные двери, скрепленные запирающейся планкой. Он заглянул в окно и увидел, что небольшой пандус ведет вниз, во двор. С этого момента он даже не мог видеть охранника, только освещенное окно хижины.

Он подумал об этом некоторое время, затем вернулся наверх, в комнаты для розлива, отвинтил крышку одной из бочек с техническим спиртом и перевернул ее набок, так что

содержимое разлилось по полу.

Он спустился вниз, наклонился в кабину грузовика, перевел рычаг переключения передач в нейтральное положение и отпустил ручной тормоз. Затем он снял запорную планку и очень осторожно отодвинул двойные двери.

В хижине вообще не было никаких признаков жизни. Он обошел грузовик сзади, прислонился к нему спиной и толкнул. Он начал катиться, сначала медленно, а затем передние колеса оказались на рампе. Его скорость увеличилась так внезапно, что он потерял равновесие и упал.

Когда Морган поднялся на ноги и побежал к лестнице, грузовик проехал через двор и врезался в двойные ворота, сорвав их с петель и остановившись на улице снаружи.

К тому времени он был уже на полпути через разливочный цех. Он сделал паузу, чтобы зажечь спичку, бросил ее в лужу технического спирта, которая немедленно вспыхнула, как взорвавшийся газ, вынудив его вернуться через дверь пожарной лестницы.

Он остановился на полпути через плотину и, оглянувшись, увидел, как в окнах первого этажа расцветают языки пламени. Он повернулся и побрел дальше, выбираясь на дорогу и быстро убегая прочь по лабиринту боковых улочек, ведущих к Кингз-роуд.

Яго все еще был в клубе, когда получил новости, и он был недоволен. — Что, черт возьми, происходит? — требовательно спросил он. «Кто-то пытается въехать или что?»

«Я не знаю, Харви», — сказал ему Арнольд.

— А скотч в грузовике, который они нашли на улице? Откуда это было?»

— Вывозите вещи по пути в Харвичские доки. Парни подняли его прошлой ночью возле кафе для дальнобойщиков в Кройдоне.

— Господи, — сказал Харви. «Это все, что мне нужно. Копы суют нос во все, и, возможно, какой-то берк оставил свои отпечатки пальцев не в том месте».

— Они не смогут подобраться к тебе ближе чем на милю, Харви. — горячо заверил его Арнольд. «Договор аренды этого места оформлен на имя ирландского чудака по имени Мерфи».

— Тогда ты отправишь его первым же самолетом обратно в Республику, я имею в виду, как вчера.

«Не волнуйся, Харви, он уже там. Какой-то дублинский пьяница, который не заходил сюда годами. Вот почему я выбрал его.»

Зазвонил телефон. Яго поднял его и сказал: «Да, что это?»

— Теперь готовы говорить, мистер Джаго, или вы хотите еще одну демонстрацию? Сказал Морган.

«Ты ублюдок!»

«Это было сказано раньше, но давайте вернемся к делу. Источник маузеров. Любая информация, которую ты можешь мне дать, и я от тебя отвяжусь навсегда».

Арнольд слушал через настольный динамик. Он открыл рот, и Яго жестом приказал ему замолчать.

«Ладно, друг, ты победил. Персонажа, который отвечает за эту часть моих деловых интересов, зовут Голдман. Хайми Голдман. Я свяжусь с ним и перезвоню тебе.»

— Это обещание? — спросил я. В голосе Моргана была определенная ирония.

Яго взглянул на часы. — Не позже, чем в час дня.

Он положил трубку, пошел и налил себе виски. Он пил медленно, задумчиво, не говоря ни слова, и Арнольд внутренне застонал, потому что уже видел это выражение раньше. Знал,

что это значит.

«Хорошо, Арнольд, это то, что ты делаешь. Позови Энди — Энди Форда. Затем ты заезжаешь на Дору Плейс и забираешь птицу Моргана. Мы все вместе встретимся в Уоппинге. Он взглянул на часы. — Я даю тебе час.

«Харви, это может быть настоящей проблемой. Почему бы не сказать ему то, что он хочет знать. Убери его от нас.»

«Я мог бы сказать, потому что у меня все было с Хайми Голдманом, и мне нечего рассказывать».

— О Боже, — сказал Арнольд.

«Но этого недостаточно. Я имею в виду, то, что он сделал с заводом по производству алкоголя, было плохо, но это нечто большее, Арнольд. Он угрожал мне — мне! Теперь мы не можем этого допустить, не так ли? — Он похлопал брата по щеке. «Шевелись, милая, у нас не вся ночь впереди».

Примерно через сорок минут у Морган зазвонил телефон. — Хорошо, полковник, вы победили. Фермерская пристань, Уоппинг. На причале вы найдете склад под названием Century Export Company. Я буду там через полчаса с парнем, который занимался интересующей вас транзакцией».

«Это мило», — сказал Морган. — Чего мне это будет стоить?

«Оригинальный экстра-гранд, о котором мы договаривались. Я не понимаю, почему я не должен этого иметь. — Яго попытался изобразить обиду. «После этого просто держись от меня подальше. Я не хочу неприятностей с полицией. Это стоит времени и денег, а я капиталист до конца».

Морган положил трубку, открыл правый ящик стола и достал сначала Walther PPK, затем глушитель Carswell, который он надел на дуло Walther, беззвучно насвистывая. Затем он вынул магазин из приклада, разрядил его и начал осторожно перезаряжать, не торопясь.

Склад был старым, с тяжелыми каменными стенами и датировался великими днями викторианских парусных судов, когда безраздельно властвовал британский торговый флот.

Место было забито упаковочными ящиками, и Яго сидел на заднем сиденье своего «Роллс-ройса» Silver Shadow рядом с Кейт Райли, потягивая бренди из переносного бара.

— Ты уверена, что не хочешь выпить, милая?

— Иди ты к черту, — сказала она.

«Вот это уже некрасиво».

Арнольд стоял у двери, а Форд, маленький, смуглый, опасный на вид шотландец в зеленой парке, какие выдаются американским военным для зимнего использования, сидел на упаковочном ящике. Он сжимал в руках обрез.

— Убери эту чертову штуку с глаз долой, — сказал Харви, бросая ему автомобильный коврик, и посмотрел на часы. — Он должен быть здесь с минуты на минуту.

Высоко над ними, на мостике пожарной лестницы, Морган посмотрел вниз, тщательно отмечая каждую деталь ситуации. Форд с дробовиком, Арнольд у двери, Джаго в задней части «Роллс-ройса» с Кейт.

Очень тихо он спустился по пожарной лестнице, затем поспешил в конец улицы, где оставил «Порше». Конечно, он ожидал неприятностей. Был готов к этому. Теперь, из-за Кейт, он был зол. Когда он сел за руль, его руки слегка дрожали.

Арнольд сказал: «Он приближается, я его слышу».

Снаружи послышался рев двигателя Porsche V6, затем наступила тишина, когда он был

выключен. Врата Иуды открылись, и Морган шагнул внутрь. Его военный плащ был распахнут, руки глубоко засунуты в карманы.

Кейт схватилась за ручку двери, открыла ее, вышла и, спотыкаясь, направилась к нему.

«Это ловушка, Аса!» — закричала она. «Они ждали тебя».

Морган обнял ее одной рукой. Харви Джаго рассмеялся и вылез из «Роллс-ройса», держа в одной руке фляжку с бренди, а в другой — серебряный кубок.

«В этом нет необходимости», — восхищенно сказал он. — Я имею в виду, мы все здесь друзья, не так ли, полковник?

Морган улыбнулся ей самой холодной улыбкой, которую она когда-либо видела, и она впервые заметила странные золотые искорки в его глазах.

— Они причинили тебе боль?

«Нет».

«Тогда все в порядке».

Он толкнул ее за спину и повернулся к Яго. — Не думаю, что твой друг забыл взвести курок дробовика, когда прятал его под ковриком.

— Энди! — закричал Яго.

Форд уже отбрасывал автомобильный коврик в сторону, его большие пальцы потянулись к молотку. Рука Моргана появилась из-под плаща, держа «Вальтер». Он дважды выстрелил, и дробовик взлетел в воздух, когда маленький шотландец опрокинулся на упаковочный ящик.

Кейт внезапно застонала, и Морган почувствовал, как ее пальцы впились в его плечо. — На улицу, девочка, — сказал он. — Подожди меня в машине.

«Аса, это зашло слишком далеко».

— В машину, девочка.

Она ушла. Иуда мягко закрылся за ней. Яго и его брат ждали вместе у «Роллс-ройса».

— Скажи ему, Харви. Ради Бога, скажи ему правду.»

— Хорошо, — сказал Чжейго. «Итак, я совершил ошибку. Ты не можешь винить человека за попытку, Морган. Я имею в виду, ты и я, мы находимся на одной и той же улице. Нужен один, чтобы знать одного».

«Точно». Морган тщательно прицелился и отстрелил часть левого уха Яго.

Яго упал спиной на «роллс-ройс», схватившись за голову, кровь текла между его пальцами.

Арнольд подбежал и схватил его за лацканы. Скажи ему, Харви, ради Бога. Он сумасшедший, этот. Он получит нас всех.»

«Хорошо! Хорошо! — сказал Яго, и, несмотря на боль, в нем все еще чувствовалась присущая мужчине твердость. «Хорошо, вот как это было. Хайми Голдман, среди прочего, снабдил этих микрофонов в Ольстере двумя «маузерами». Затем, пару недель назад, он сидел здесь и самостоятельно проверял акции. То, что мы называем специальным запасом. Он всегда делает это в среду вечером. Следующее, что он знает, этот чудака в балаклаве появляется из тени. Бросает ему тысячу старыми банкнотами в конверте и просит пистолет с глушителем. Говорит, что его порекомендовал друг.»

— И что? — спросил я.

У Хайми все еще оставался один из тех маузеров с глушителем. Он отдал его ему вместе с коробкой патронов и ушел».

— Понятно. — Морган поднял «Вальтер». «Думаю, на этот раз я буду слушать

правильно».

«Я говорю тебе правду, я клянусь в этом», — закричал Яго, и впервые в его голосе прозвучала настоящая паника.

Морган опустил «Вальтер». — Да, боюсь, что так оно и есть, судя по звуку. — Он посмотрел на Форда, который лежал на спине с разинутым ртом, закинув одну ногу на упаковочный ящик. — Я не знаю, что ты с ним сделаешь, но, полагаю, у тебя есть свои способы.

Он подошел к двери. Открывая «Иуду», Яго сказал: «Я возьму тебя, Морган. Я получу тебя за это.»

Морган обернулся. — Нет, — тихо сказал он. «Я не думаю, что ты это сделаешь. Я думаю, по трезвом размышлении вы поймете, мистер Джаго, что лучшее, что можно сделать, это списать все на опыт и забыть об этом».

Дверь за ним закрылась. Они услышали, как завелся двигатель, «Порше» отъехал.

Сторона головы Яго, его рука и плечо были залиты кровью, но он все еще контролировал ситуацию.

— Харви? — спросил я. Сказал Арнольд, дрожа от страха.

— Все в порядке. Позовите к телефону дока Джордана. Скажи ему, что со мной произошел несчастный случай. Мы встретимся с ним в том частном доме престарелых на Бейли-стрит.»

Арнольд бросил взгляд на Энди Форда. — А он? — спросил я.

«Просто пропал еще один маленький пьяный качок. Позвони Сэму в клуб. Скажи ему, что я хочу, чтобы восстановительная команда была здесь быстро. Я хочу, чтобы к утру здесь было чисто. Они могут сбросить его на объездной дороге Нью-Хендона. В эти фундаменты закачивается пятьсот тонн мокрого бетона за ночь. Слава Богу за прогресс. Теперь помоги мне сесть в машину. Тебе придется сесть за руль.»

Арнольд сделал, как ему сказали. «Мне жаль, Харви». Он был почти в слезах.

— Не бери в голову, Арнольд. Он был прав. Отнеси все это к опыту и забудь об этом».

Он похлопал брата по щеке и потерял сознание.

Когда они подъехали к Дору Плейс, Морган выключил двигатель и повернулся к ней лицом.

«Я сожалею об этом».

«Нет, это не так», — сказала она. «Ты целеустремленный человек, Аса, теперь я это вижу. Ты сделаешь все, чтобы достичь своей мифической цели. Потяни любого за собой, как ты чуть не потянул меня вниз сегодня вечером. И с какой целью? Ты продвинулся еще дальше?»

«Нет».

«С меня хватит. Ты слишком богат для моей крови. Я иду прямо собирать вещи, а потом возвращаюсь в Кембридж — сегодня вечером.»

«Если ты беспокоишься о том, что там произошло, не стоит. Последнее, чего хочет Джаго, это чтобы полиция совала нос куда не следует».

— Вы хотите сказать, что ему не составит труда избавиться от тела? Ради Бога, Эйса, это все исправляет?»

Она вышла из машины и захлопнула дверь. Он остался за рулем и нажал кнопку, так что окно с электроприводом бесшумно опустилось.

— Прости, девочка, — сказал он. — Но у меня нет выбора, понимаешь?

Он завел двигатель и уехал. Она стояла там довольно долго, слушая, как затихает звук Porsche, затем медленно, устало поднялась по ступенькам, нащупала ключ и открыла дверь.

В первых серых лучах рассвета шел сильный дождь, когда Шеймас Киган поднимался по тропинке к задней двери коттеджа в двух милях от Баллимены на Антрим-роуд. Он устал до костей, и его правая рука адски болела, несмотря на белую повязку, которую дал ему доктор.

Тим Пэт Киф наблюдал за его приближением из-за кухонной занавески. Талли сидела за столом у камина и ела яичницу с беконом.

Тим Пэт держал в руках пистолет-пулемет «Стерлинг». Он сказал: «Это Киган, и он выглядит не слишком хорошо. Мне вывести его на улицу?»

— Пока нет, — сказал Талли. — Посмотрим, чего он хочет.

Тим Пэт открыл дверь. Шеймас Киган стоял там, его лицо под твидовой кепкой было бледным и осунувшимся, старый плащ с поясом пропитался проливным дождем.

«Господи Иисусе, но ты выглядишь как ходячий труп», — сказал Тим Пэт.

— Могу я видеть мистера Талли? Шеймас спросил.

Тим Пэт затащил его на кухню и умело провел по нему руками. Он нашел автоматический кольт в левом кармане плаща и положил его на стол.

Талли продолжал есть, одновременно оглядывая мальчика. — Чего ты хочешь? — спросил я.

— Вы сказали, что вам всегда пригодится хороший человек, мистер Талли.

Талли налил себе еще чашку чая. — Что у тебя с рукой? — спросил я.

Шеймас взглянул на перевязь. «Сломан, мистер Талли».

«Теперь есть кое-что», — сказал Талли. «Я имею в виду, что с пистолетом в правой руке ты был лучшим, О» Хаган всегда клялся в этом. Но он сказал, что левой ты не сможешь попасть в дверь сарая.»

«Месяц или два, и я буду как новенький, мистер Талли, если вы дадите мне шанс».

Теперь на изуродованном лице мальчика было отчаяние. Талли поковырял в зубах спичкой. — Я так не думаю, Шеймас. Честно говоря, я бы сказал, что тебе не помешал бы длительный отдых. Ты согласен, Тим Пэт?»

«Я бы действительно хотел, мистер Талли». Тим Пэт улыбнулся и взвел курок стерлинга.

Шеймас стоял там, ссутулив плечи, опустил голову на мгновение, но когда он поднял глаза, он действительно улыбался.

— Почему-то я так и думал, что вы это скажете, мистер Талли.

Он выстрелил из «Люгера», который держал на перевязи, мгновенно убив Тима Пэта.

Когда тело здоровяка отбросило назад к комоду, посуда каскадом посыпалась на пол, Талли потянулся к ящику в столе, отчаянно пытаясь достать пистолет внутри. Следующий выстрел Кигана попал ему в левое плечо, развернув его и сбив со стула.

Он скорчился там на мгновение, громко крича в агонии, когда пытался встать. Киган выстрелил снова, пуля попала в основание черепа Талли, отбросив его головой вперед в открытый очаг, где он растянулся на горящих поленьях.

Был внезапный всплеск пламени, когда его куртка загорелась. Шеймас некоторое время стоял, глядя на него сверху вниз, затем повернулся и вышел.

Морган попытался лечь спать, но спал урывками. Сразу после шести он сдался и пошел на кухню. Он готовил кофе, когда зазвонил телефон. Он мог сказать, что это была

общественная телефонная будка по звуку. Послышался звон монет, а затем ни с чем не сравнимый ольстерский акцент.

— Это вы, полковник? Это Киган — Шеймас Киган.»

— Где ты? — спросил я.

— Недалеко от Баллимены. Я подумал, тебе будет интересно узнать, что я только что позаботился о Талли и Тиме Пэте Кио».

«Навсегда?»

«Как закрывается крышка гроба».

Наступила тишина. — И что теперь? — спросил Морган.

«Я поеду на Юг отдохнуть».

— А потом? — спросил я.

— Что вы думаете, полковник? Однажды войдя, никогда не выйдешь. Это то, что мы говорим в ИРА, ты это знаешь. Ты хороший человек, но ты совершенно не на той стороне.»

— Я постараюсь помнить об этом, когда мы встретимся в следующий раз.

«Я надеюсь, ради нас обоих, что этого никогда не случится».

Телефон отключился. Морган постоял там мгновение, затем положил трубку.

— За Республику, Шеймас Киган, — тихо сказал он, затем повернулся и пошел обратно на кухню.

Он сидел у окна, пил кофе, очень уставший и подавленный, и не потому, что убил человека. За эти годы их было слишком много для этого. И он ни о чем не жалел. Форд, в конце концов, был убийцей по профессии.

— И ты тоже, старина, — тихо сказал Морган самому себе по-валлийски. «Или, по крайней мере, это то, что некоторые люди могут утверждать».

Тогда он подумал о Кейт Райли и о том, что она сказала. Она была права. Он не продвинулся дальше. У него было только две возможные версии. Лизелотт Хоффманн и Маузеры. Оба завели его только в тупик.

Итак, что же осталось? Газеты, журналы на столе, в каждом отдельный отчет о стрельбе в Коэна. Сколько раз он изучал их? Он вытащил Телеграф вперед и еще раз просмотрел соответствующую статью.

Закончив, он налил еще кофе и откинулся на спинку стула. Конечно, единственное, чего не хватало, это смерти Меган в туннеле, потому что прессе не разрешили связать эти два события.

Было упоминание, совершенно отдельное, рассматривающее это как обычную аварию с наездом, в которой водитель угнанной машины сбил молодую школьницу, а затем бросил автомобиль в Крейвен-Хилл-Гарденс, Бейсуотер.

Он без особых эмоций осознал, что по какой-то причине на самом деле не посетил место, где критянин бросил машину. Не то, чтобы там было что-то стоящее. С другой стороны, что еще оставалось делать, когда в шесть часов дождливым серым лондонским утром все было готово к завершению?

Он припарковал Порше в Крейвен-Хилл-Гарденс и сидел там с книгой географических карт Лондона на коленях, открытой на соответствующей странице, отслеживая ход дикого продвижения критянина той ночью, представляя панику, когда все пошло не так. А когда он бросил машину, что тогда?

Морган вышел и пошел по тротуару, делая то, что казалось естественным. Он свернул на Лейнстер-Террас, и всего в нескольких ярдах от него была оживленная улица Бейс-Уотер-

Роуд, Кенсингтон-Гарденс напротив.

«И вот куда бы я пошел в твоей ситуации, парень», — сказал Морган. «Прямо через дорогу, пригнись в темноте и беги со всех ног на другую сторону».

Перейдя дорогу, он автоматически направился к ближайшему входу и пошел по тропинке, минуя Круглый пруд справа. Несмотря на поздний час, вокруг были люди, случайный бегун в спортивном костюме или ранний утренний подъем, выгуливающий собаку.

Он появился у Королевских ворот, напротив Альберт-холла. Отсюда все было возможно. Метро было бы очевидным местом для поиска. Однажды в поезде метро возможности были безграничны.

Он вернулся через Кенсингтон-Гарденс к тому месту, где Лейнстер-Террас соединялась с Бейсуотер-роуд, и остановился, полный гнева и разочарования, не в силах отпустить.

— Ты, должно быть, куда-то ушел, ублюдок, — тихо сказал он. — Но где? — спросил я.

Он перешел дорогу и зашагал по тротуару в сторону Квинсуэй. Конечно, это было безнадежно, он знал это, когда устало остановился у итальянского ресторана на углу и закурил сигарету.

На стене рядом с главным окном ресторана висело несколько плакатов. Сначала его внимание привлекло бледное, красивое лицо, темные глаза и имя Микали, написанное жирным черным шрифтом.

Он начал отворачиваться, но совпадение заставило его снова повернуться, чтобы прочитать плакат, вспомнив, что, согласно досье, которое показал ему Бейкер, Микали был одной из знаменитостей, присутствовавших в отеле на Каннском кинофестивале, когда критянин застрелил итальянского режиссера фильма «Черная бригада».

И тут он увидел дату на плакате и время. Пятница, 21 июля 1972 года, в 8.00 вечера.

Это было невозможно, это было абсолютно безумно, и все же он обнаружил, что поворачивается и спешит обратно по тротуару к Лейнстер-Террас. Он постоял там мгновение, представляя, как критянин бросает машину и появляется здесь.

Вдалеке он мог видеть купол Альберт-холла над деревьями. Он быстро пересек дорогу и нырнул в парк.

Он спустился по ступенькам Мемориала Альберта, пересек Кенсингтон-Гор, объезжая утренние пробки, и остановился у главного входа в Альберт-холл. На досках была подборка плакатов, рекламирующих различные концерты и их программы. Даниэль Баренбойм, Превин, Моура Лимпани и Джон Микали. Венский филармонический оркестр и Джон Микали играют Второй фортепианный концерт Рахманинова, пятница, 21 июля 1972 года, 8.00 вечера.

«О, Боже мой», — сказал Морган вслух. «Это было то, к чему он стремился. Так и должно было быть. Вот почему он пришел через Паддингтонский туннель. Вот почему он бросил машину в Бейсуотере.»

Он повернулся и быстро пошел прочь.

Это была бессмыслица, и все же, когда он вернулся в квартиру, он снова начал просматривать эти газеты. Факты стрельбы в Коэна и смерти Меган упоминались на разных страницах Daily Telegraph за субботу, двадцать второе.

Он нашел страницу с музыкой, и там это было. Пространная статья критика газеты с обзором концерта предыдущего вечера и фотографией пианиста рядом.

Морган изучал его довольно долго. Красивое, серьезное лицо, темные волосы, глаза. Это

было глупо, конечно, но он все равно взял с книжной полки «Кто есть кто» и посмотрел на Микали. И затем пара предложений, казалось, выпрыгнула прямо на него — ссылка на службу Микали в десантниках Французского иностранного легиона в Алжире — и он больше не чувствовал себя глупо.

* * *

Было чуть больше девяти, когда секретарша Бруно Фишера открыла дверь его офиса на Голден-сквер и вошла. Она едва успела снять пальто, когда зазвонил телефон.

— Доброе утро, — сказала она. «Агентство Фишера».

— Мистер Фишер уже на месте? Это был мужской голос, довольно глубокий, с ноткой валлийского.

Она присела на край стола. — Мы никогда не видим мистера Фишера раньше одиннадцати.

«Я прав, он действительно представляет Джона Микали?»

«Да».

«Меня зовут Льюис», — сказал ей Аса Морган. «Я аспирант Королевского музыкального колледжа, пишу диссертацию о современных концертных пианистах. Я хотел спросить, может ли мистер Микали быть доступен для интервью?»

— Боюсь, что нет, — сказала она. «У него только что был концерт в Хельсинки, а потом он улетел напрямик в Грецию на каникулы. У него там вилла на Гидре.»

— И когда ты можешь ожидать его возвращения?

«У него концерт в Вене через десять дней, но он, вероятно, полетит туда прямо из Афин. Я действительно не могу сказать, когда он вернется в Лондон, и не было бы никакой гарантии, что он сможет тебя увидеть».

«Какая жалость», — сказал Морган. «Я надеялся, что смогу расспросить его о конкретных городах, в которых он любит играть. Любые личные фавориты и почему».

— Париж, — сказала она. «Я бы сказал, что он играет в Париже и Лондоне больше, чем где-либо еще».

— А Франкфурт? — поинтересовался Морган. — Он когда-нибудь играл там?

«Я должен так сказать».

— Почему ты так говоришь?

«Он давал концерт в университете в прошлом году, когда был убит восточногерманский министр».

— Спасибо, — сказал Морган. — Ты был более чем полезен.

Он сидел у телефона, размышляя об этом. Должно быть, что-то не так. Это было слишком просто. И тут зазвонил телефон.

Кейт Райли сказала: «Эйса, мне жаль. Я был так потрясен тем, что произошло...»

— Где ты? — спросил я.

«Вернулся в Кембридж, в Нью-Холл».

«Адская вещь произошла со мной этим утром», — сказал он. «Я посетил улицу, где критянин бросил машину той ночью, оттуда пошел пешком, как мог бы сделать он».

— Все это предположения, конечно.

«Но это привело меня через Кенсингтон-Гарденс в Альберт-холл. Где я заметил плакат.

Одна из многих, но более интересная, чем другие, реклама концерта в восемь часов вечера в ночь смерти Меган».

— Концерт? — спросил я. Она почувствовала холод в себе, учащенное дыхание.

«Джон Микали играет Второй фортепианный концерт Рахманинова, и это название задело за живое. Итальянский режиссер по имени Форлани был застрелен на Каннском кинофестивале в тысяча девятьсот семьдесят первом году в своем отеле критянином, который бесследно исчез, несмотря на французскую охрану. Микали был одним из многих известных знаменитостей, остававшихся в отеле в то же время».

— Ну и что? — спросил я.

«В прошлом году, когда во Франкфурте был убит восточногерманский министр, угадайте, кто давал концерт в университете?»

Она сделала глубокий вдох. «Эйса, это чушь. Джон Микали — один из величайших пианистов в мире. Международная знаменитость.»

— Который в детстве провел два года в Иностранном легионе, — сказал Морган. «Хорошо, это звучит не очень правдоподобно, но, по крайней мере, это стоит проверить».

— Вы говорили со старшим суперинтендантом Бейкером о своих подозрениях?

«У меня есть ад. Это мое — и больше ничье. Я собираюсь еще кое-что проверить. Я буду держать вас в курсе.»

После того, как он положил трубку, она достала свою записную книжку и быстро нашла номер Бруно Фишера. Когда он ответил, его голос звучал так, как будто он все еще был в постели.

«Бруно — Кэтрин Райли».

— И что я могу для тебя сделать в такую рань?

— Когда Джон должен вернуться из Хельсинки?

— Это не так. Он решил, что ему нужен перерыв. Вылетел прямо в Афины и продолжил путь на Гидру. Он будет там сейчас, если он тебе нужен. У тебя есть номер, не так ли? Единственное, что хорошо в этом варварском месте, так это то, что он разговаривает по телефону».

Она повесила трубку, затем открыла другую страницу. Одна вещь о Гидре. Дозвониться можно было напрямую с помощью автоматического набора номера магистрали. Она набрала длинный ряд цифр. Ей потребовалось три отдельные попытки, прежде чем она дозвонилась.

— Джон, это ты? — спросил я.

— Кэтрин! Где ты? — Он казался довольным.

«Кембридж. Я думаю, что смогу уехать на несколько дней. Могу я приехать?»

«Ты, конечно, можешь. Когда мне тебя ждать?»

Она взглянула на часы. — Мне нужно кое-что прояснить, но я, возможно, успею на дневной рейс. Если нет, то самое позднее сегодня вечером. Это означало бы, что я не смогу добраться до острова до завтрашнего утра.

— Я попрошу Костантайна подождать тебя на причале. После того, как он ушел, она долго сидела неподвижно. Чепуха! Абсолютная чертова чушь, и в этот момент она действительно обнаружила, что ненавидит Азу Моргана всем сердцем.

Морган ждал у стойки информационного отдела «Телеграф» на Флит-стрит. Приятная молодая леди, которой он изложил свои требования пять минут назад, вернулась с объемистой папкой.

«Микали — Джон, — сказала она, — и в нем много от него».

Который там был. Морган отнес его к одному из столов, сел и начал пробиваться. Конечно, были пробелы. Вырезки были в основном английскими и американскими, но были и французские. Обзор концерта, посвященного убийству Вассиликоса, еще один, который соответствовал русскому в Торонто.

Наконец, в Paris-Match была статья, которую Морган медленно прочитал. Его французский был только честным, но ему удалось уловить суть. Это был отчет о времени, проведенном Микали в Легионе, и там было особенно наглядное описание событий в Касфе.

Затем он перешел на следующую страницу и увидел фотографии. Один из Микали в берете десантника и камуфляжной форме, с небрежной легкостью держит автомат-карабин. Другой, крупный план, на котором он одет в обычную белую кепи полностью обученного легионера.

Морган посмотрел на это жесткое молодое лицо, коротко подстриженные волосы, пустые глаза, рот. Он закрыл файл. Этого было достаточно. Он нашел Критянина.

Было чуть больше часа, когда Ким впустила Бейкера в квартиру Фергюсона. Бригадир наслаждался обедом с бутербродами у камина. Он также читал «Таймс».

— Вы выглядите взволнованным, суперинтендант!

— Эйса улетел в Афины одиннадцатичасовым самолетом. Специальный отдел в Хитроу не имел полномочий остановить его, но новости, наконец, дошли до нас».

К тому времени он, естественно, уже ушел. British Airways, я полагаю?»

«Олимпийский».

«Как это непатриотично с его стороны».

«Я проверил у них. Кажется, он забронировал рейс по телефону и прибыл с десятью минутами в запасе, чтобы забрать свой билет. У него с собой была только ручная кладь.»

— Греция, — сказал Фергюсон, — и Крита. Каким-то образом они действительно подходят друг другу, не так ли? Мне это не нравится».

«Вы хотите, чтобы я уведомил греческое специальное отделение в Афинах, чтобы его забрали?»

— Конечно, нет.

«Хорошо, сэр, у нас есть человек DI5 в нашем посольстве там?»

«На самом деле мы делаем. Капитан Рурк, помощник военного атташе».

«Может быть, он мог бы последовать за Морганом, когда тот войдет?»

«Это, безусловно, мысль, суперинтендант, за исключением того прискорбного факта, что, как вы сами указали, за Азой Морганом нельзя следить, если он сам этого не захочет. И все же, если ты хочешь позвонить Рурку, пожалуйста, сделай это. Красный телефон, как правило, достигает самых быстрых результатов».

Он вернулся к «Таймс». Бейкер подошел к столу, снял трубку красного телефона и попросил соединить его по шифратору с британским посольством в Афинах.

Капитан Чарльз Рурк, прислонившись к колонне, читал газету, когда Морган вышел из отдела иммиграции и таможни. Капитан был одет в мятый льняной костюм того типа, который предпочитают многие греки в летнюю жару, и который, как предполагалось, должен был помочь ему эффектно слиться с фоном переполненного зала.

Профессиональным солдатам в гражданской одежде обычно удается распознать друг друга такими, какие они есть. В этот раз задача Моргана облегчилась, поскольку у него была энциклопедическая память на лица, и он вспомнил Рурка из первого ряда исследовательской группы по методам и технологиям городской партизанской войны, которой он читал лекции

в 1969 году в Санджерсте.

Фергюсон осторожен. Не то, чтобы это имело значение. Он подошел к стойке обмена валюты и сдал двести фунтов стерлингов, за что получил соответствующий курс в драмах, затем вышел из подъезда и поймал такси.

В последний раз он посещал Афины несколько лет назад на конференции НАТО. Он вспомнил отель, в котором он остановился в то время. Из того, что он помнил, это превосходно подходило для его целей.

— Ты знаешь отель «Грин Парк» на Кристу-стрит?

— Конечно, — сказал водитель и тронулся с места.

Позади них Чарли Рурк уже забрался на заднее сиденье черного Мерседеса и похлопал водителя по плечу. — Вон то такси впереди. Зеленый универсал Peugeot. Куда он пойдет, туда и мы.»

Теперь он вспомнил Моргана и тот курс в Академии. Было действительно довольно забавно вот так поменяться ролями. Он с улыбкой откинулся назад и закурил сигарету.

Морган посмотрел на часы. Это было необходимо сделать на два часа раньше, что означало, что сейчас было без четверти пять по афинскому времени.

«Есть ли еще время, чтобы успеть на Гидру на подводных крыльях сегодня вечером?» — спросил он.

— Конечно, — сказал водитель. «Летнее расписание. Они бегут позже, эти светлые ночи. Последний рейс на Гидру отправляется из Пирея в шесть тридцать.»

— Сколько времени это займет?

«Прибывает в восемь часов. Это хороший ход. Есть на что посмотреть. В это время года темнеет не раньше половины десятого. — Он бросил быстрый взгляд через плечо. «Ты хочешь, чтобы я отвез тебя в Пирей?»»

Морган, зная о Мерседесе позади, покачал головой. «Нет, я оставлю это до завтра. Отель прекрасно подойдет.»

«Хех, для англичанина ты хорошо говоришь по-гречески.»

Не казалось политичным упоминать, что это было достигнуто в течение трех тяжелых лет преследования террористов ЕОКА на Кипре.

Морган сказал: «Я несколько лет работал в Никосии в винной компании, принадлежащей британцам.»

Водитель мудро кивнул. «Сейчас там дела идут лучше. Я думаю, Макариос знает, что делает.»

— Будем надеяться, что так.

У него было мало времени, он знал это, когда расплачивался с водителем в отеле «Грин Парк», и черный «Мерседес» проехал мимо и остановился у обочины в нескольких ярдах от него. Когда Морган повернулся и поднялся по ступенькам к вращающейся двери, Рурк вышел из машины и пошел за ним.

Оказавшись внутри, Морган не подошел к столу. Вместо этого он прошел в мезонин. Рурк на мгновение остановился, делая вид, что изучает ежедневный курс обмена валюты на доске объявлений в фойе, и последовал за ним только тогда, когда Морган завернул за угол первой лестничной площадки.

Оказавшись на мезонине, Морган, который точно знал, куда он идет, промчался мимо сувенирного магазина и поднялся по узкой задней лестнице, которая вела прямо в круглосуточный ресторан на нижнем уровне. Он пробрался между столиками и выходил

через боковой вход отеля, в то время как Рурк, все еще находившийся в мезонине, колебался, не зная, куда идти дальше.

Он подошел к молодой леди в сувенирном магазине. «Мой друг только что подошел ко мне. У него была коричневая кожаная сумка, и он был одет в плащ. Кажется, я скучал по нему.»

— О, да, сэр. Он спустился по лестнице ресторана.»

Рурк, охваченный внезапным ужасным подозрением, уложил их по двое за раз. К тому времени, конечно, Аса Морган уже давно ушел, пройдя половину пути через парк на площади напротив.

Он вышел, как и ожидал, на стоянке общественного такси и сел в то, что было во главе очереди. «Пирей», — сказал он водителю. — Я должен успеть на «Летающий дельфин» на Гидру в шесть тридцать.

— Это слишком тонко сказано, мистер, — сказал водитель. «Я не думаю, что мы сможем это сделать».

— Пятьсот драхм говорит о том, что мы сможем, — сказал ему Аса Морган. Он потянулся к ручному ремню, когда водитель ухмыльнулся, завел мотор и вылетел в поток движения.

В Хитроу было всего три тридцать, когда Кэтрин Райли поспешила к стойке регистрации British Airways, сопровождаемая носильщиком с ее багажом.

Молодой клерк проверил ее билет. «Извините, мадам, они сейчас поднимаются на борт. Слишком поздно, чтобы пропустить тебя. Хотите, я посмотрю, смогу ли я посадить вас на наш семичасовой рейс?»

— Да, — сказала она. «Пожалуйста, сделай. Я должен попасть в Афины сегодня вечером.»

Он проверил и вернулся. «Да, мы можем сделать это для вас. Боюсь, ты приходишь довольно поздно. Полчаса после полуночи по греческому времени.»

— Это не имеет значения, — сказала она. «Я отправляюсь на острова. Это значит, что утром я встану пораньше.»

— Хорошо, мадам. Теперь, если бы я мог взять ваш багаж, я проверю его для вас».

На этот раз Бейкеру позвонил Фергюсон с плохими новостями из Афин.

«Мне только что звонил Рурк. Аса ускользнул от него, и довольно легко, судя по звуку».

— Господи Иисусе, — сказал Бейкер, на этот раз совершенно не в силах сдержаться. «Где, черт возьми, ты находишь этих идиотов?»

«Особое разрешение от Всемогущего, суперинтендант. Кто мы такие, бедные смертные, чтобы подвергать сомнению его пути?»

— Итак, что нам теперь делать, сэр?

«Как мистер Микобер, сидите тихо и надейтесь, что что-нибудь подвернется», — сказал Фергюсон и положил трубку.

Морган добрался до причала на подводных крыльях в Пирее с десятью минутами в запасе. Народу было немного, и он заплатил за билет на борту и нашел место у окна.

Вечер был спокойный, и «Летающий дельфин» мог работать на максимальной скорости, высоко поднимаясь из воды на своих ходулях-ногах. И пейзаж был достаточно впечатляющим. Саламин с голубыми водами Саронического залива, большая часть островов Эгина и Парос, переливающиеся яркими красками в вечернем свете.

Все это ничего не значило для Моргана, даже когда он вышел на палубу и облокотился на перила, слепо уставившись в пространство, думая только об одном. John Mikali. И когда они встретились, что тогда? У него не было оружия. Невозможно рисковать тем, что тебя поймут при попытке пронести его через проверку безопасности в аэропорту. Конечно, всегда были его руки. Это было бы не в первый раз. Когда он посмотрел на них, они слегка дрожали.

Наконец, была Гидра, голая и строгая в вечернем свете, похожая на огромного каменного василиска, что вызывало любопытное разочарование, пока «Летающий дельфин» не вошел в гавань и не открылось очарование самого города Гидра.

Дома поднимались ярусами, уходя в холмы, к которым вела сеть извилистых мощеных улочек. Вечер только начинался, веселые толпы направлялись в таверны.

Морган занял место за одним из столиков на открытом воздухе недалеко от монастыря Дормитон на набережной. Подошедший официант хорошо говорил по-английски, поэтому Морган оставил свой греческий при себе и заказал пиво.

— Вы американец? — спросил официант.

— Нет, валлийский.

«Я никогда не был в Уэльсе. Да, в Лондоне. Я работал в ресторане на Кингз-роуд, Челси, в течение одного года».

— И этого было достаточно?

— Слишком холодно, — улыбнулся официант. «Хорошо здесь в сезон. Приятно и тепло. — Он поцеловал свои пальцы. «Много девушек. Много туристов. Ты здесь на каникулах, да?»

— Нет, — сказал Морган. «Я журналист. Надеюсь взять интервью у Джона Микали концертного пианиста. Насколько я понимаю, у него здесь вилла?»

— Конечно, на побережье за Молосом.

— Как мне туда добраться? — спросил Морган. — Здесь есть местный автобус?

Официант улыбнулся. «На Гидре нет ни легковых, ни грузовых автомобилей. Это противозаконно. Единственный способ добраться куда-нибудь — это на муле или на своих двоих. Мул лучше. В глубине острова это суровая, гористая местность, и люди там все еще живут как в старые добрые времена».

— А Микали? — спросил я.

«Его вилла находится примерно в семи километрах вниз по побережью отсюда, на мысе среди сосен, напротив Докоса. Очень красивая. Он использует моторный катер, чтобы перевозить свои припасы и так далее».

«Могу ли я нанять лодку, чтобы добраться туда?»

Официант покачал головой. — Нет, если он тебя не пригласил.

Морган попытался выглядеть встревоженным. «Тогда что мне делать? Мне бы не хотелось проделать весь этот путь впустую. Он достал из бумажника банкноту в сто драхм и аккуратно положил ее на стол. «Если бы вы могли как-то помочь, я был бы очень благодарен».

Официант спокойно взял записку и небрежно сунул ее в верхний карман. — Вот что я тебе скажу. Я делаю тебе одолжение. Я связываюсь с ним по телефону. Если он хочет тебя видеть, то это его дело. Хорошо?»

«Это прекрасно».

— Как тебя зовут? — спросил я.

«Льюис».

«Хорошо. Ты останешься здесь. Я вернусь через пару минут.»

Официант вошел в таверну, подошел к стойке регистрации и сверился с небольшим справочником, затем снял трубку с настенного телефона и набрал номер. Микали ответил сам.

«Хех, мистер Микали, это Эндрю, официант в «Нико», — сказал он по-гречески.

— И что я могу для тебя сделать?

«Здесь человек, приехавший на подводных крыльях из Афин, спрашивает, как добраться до твоего дома. Журналист. Он говорит, что надеялся на интервью.»

«Он что, американец?»

«Нет, валлийский, — говорит он. Его зовут Льюис.»

— Валлийский? — в голосе Микали звучало легкое веселье. «Это, безусловно, вносит изменения. Ладно, Эндрю, я в хорошем настроении, но только на час, имей в виду, это все, что у него есть. Я пошлю за ним Константина. Ты показываешь ему на лодку, когда она подходит.»

— Хорошо, мистер Микали.

Официант вернулся к Моргану. «Тебе повезло. Он говорит, что увидится с тобой, но только на час. Он посылает своего лодочника за тобой, старина Константин. Я скажу тебе, когда они приедут.»

«Это чудесно», — сказал Морган. — Как долго? — спросил я.

— Достаточно долго, чтобы вы могли что-нибудь съесть. Официант ухмыльнулся. «Рыбу я могу особенно порекомендовать. Свежо сегодня вечером.»

Морган хорошо поел, в основном, чтобы заполнить время, и обнаружил, что ему это нравится. Он как раз заканчивал, когда официант похлопал его по плечу и указал, и Морган увидел белый моторный катер, приближающийся к точке.

— Давайте, — сказал официант. — Я отведу тебя вниз и представлю.

Катер ударился о стенку гавани, и мальчик лет одиннадцати-двенадцати спрыгнул на причал с веревкой. Он был одет в залатанную майку и джинсы. Официант взъерошил ему волосы, и мальчик одарил его ослепительной улыбкой.

«Это Ники, внук Константина, а это сам Константин».

Константин Мелос был невысоким, сильным на вид мужчиной с лицом, загорелым до глубокого оттенка красного дерева за всю жизнь, проведенную в море. На нем была матросская фуражка, клетчатая рубашка, залатанные брюки и морские ботинки.

— Пусть вас не вводит в заблуждение внешний вид, — прошептал официант. — Старый ублюдок владеет двумя хорошими домами в городе. — Он повысил голос. «Это мистер Льюис».

Константин не смог выдавить улыбку. Он сказал на ломаном английском: «Мы уходим, мистер».

Он повернулся и пошел обратно в рулевую рубку. «Наверное, думает, что дьявол его достанет, если он выйдет после наступления темноты», — сказал официант. «Они все одинаковые, эти старики. Половина женщин думает, что они ведьмы. Мы еще увидимся, мистер Льюис.»

Морган ступил на борт, мальчик последовал за ним, сматывая трос, и моторный катер вышел из гавани мимо некогда сильно укрепленной батареи с венецианскими орудиями, направленными в море, как будто они все еще ожидали прихода турок.

Был прекрасный вечер, хотя побережье Пелопоннеса примерно в четырех милях от нас уже погружалось в пурпурные сумерки, а на берегу Гидриота в окнах мерцали огни. Лодка рванулась вперед, когда Константин увеличил мощность, а Морган зашел в рулевую рубку и предложил ему сигарету. — Как долго? — спросил я.

— Пятнадцать-двадцать минут.

Морган посмотрел на вечернее море, черное, как чернила, когда солнце скрылось из виду за громадой Докоса на далеком горизонте.

— Мило, — сказал он.

Старик не потрудился ответить, и через некоторое время Морган сдался и спустился в салон, где обнаружил мальчика, сидящего за столом и читающего спортивную газету. Морган оглянулся через плечо. На первой странице была изображена знаменитая футбольная команда «Ливерпуль».

— Ты любишь футбол? — спросил Морган.

Мальчик радостно улыбнулся и указал на картинку. «Ливерпуль — тебе нравится?» Его английский казался очень ограниченным.

«Ну, я бы предпочел сам провести день в Кардифф Армс Парк, но да, ты должен признать, что в Ливерпуле что-то должно быть в воде».

Парень снова ухмыльнулся, затем подошел к шкафу, открыл его и достал дорогой фотоаппарат «Полароид». Он направил его на Моргана, была вспышка, а затем отпечаток был выброшен спереди.

Морган сказал: «Это дорогая игрушка. Кто тебе это дал?»

— Мистер Микали, — сказал Ники. «Он хороший человек».

Морган взял снимок и уставился на то, как он автоматически проявился, его лицо мрачно смотрело на него, цвета становились глубже. — Да, — медленно произнес он. — Полагаю, так и есть.

Теперь фотография была готова. Ники взял у него это и поднял. «Хорошо?»

— Да. Морган погладил его по голове. «Очень хорошо».

Зазвонил телефон. Когда Микали ответил, это снова была Кэтрин Райли.

«Я все еще в зале международных вылетов в Хитроу», — сказала она. «Произошла задержка».

«Моя бедная дорогая».

— Для тебя это звучит довольно экстравагантно, — сказала она.

«Я чувствую себя в экстравагантном настроении».

— В любом случае, утром я все равно буду на первом корабле на подводных крыльях.

«Константин будет ждать тебя. Не разговаривай ни с какими незнакомыми мужчинами.»

Он повесил трубку, услышав звук приближающегося двигателя. Он взял бинокль, открыл французские окна и вышел на широкую террасу. Было еще достаточно светло, чтобы он мог видеть, как катер поворачивает в бухту и движется к небольшому причалу, где его ждала старая жена Константина, Анна.

В конце причала горел свет. Когда мальчик бросил леску своей бабушке, Морган последовал за ним через перила: Микали на мгновение навел на него бинокль. Этого было достаточно.

Он вернулся в гостиную, где в камине ярко горел огонь из сосновых поленьев. Он налил себе большую порцию «Курвуазье» со льдом, затем открыл ящик стола, достал «Вальтер» и быстро надел на дуло глушитель.

Он сунул оружие за пояс и обошел комнату со стаканом в одной руке, открывая все французские окна, отодвигая и закрепляя ставни, чтобы ночной ветер наполнил дом ароматом цветов из сада.

Затем он выключил весь свет, кроме настольной лампы на журнальном столике у пианино, подошел, сел за Блатнер и начал играть.

В пятидесяти или шестидесяти футах вверх по крутой тропинке от пристани они подошли к небольшому, довольно примитивному коттеджу. Собака начала лаять на Моргана с крыльца. Старуха замолчала, и они с мальчиком вошли. Константин продолжил путь, не говоря ни слова, и Морган последовал за ним.

Сад был террасным, он знал об этом, окаймленный оливковыми деревьями, в горшках стояли камелии, гардении, гибискусы, а теплый ночной воздух был напоен ароматом жасмина.

Теперь он мог слышать пианино, странную, навязчивую пьесу. На короткое мгновение он остановился как вкопанный. Константин остановился, полуобернувшись, его лицо не

выражало никаких эмоций, и Морган снова двинулся вперед.

Они поднялись по ступенькам на виллу. Это было большое, просторное, одноэтажное здание, построенное из местного камня, с выкрашенными в зеленый цвет ставнями и пантильной крышей. Бугенвиллея в изобилии росла повсюду.

Там была двойная дверь из окованного железом дуба. Константин открыл ее без церемоний и провел внутрь. Внутренний зал, казалось, соединял две части дома вместе и был погружен в темноту. Слабый свет проникал через открытую дверь в дальнем конце, откуда отчетливо доносилась музыка. Константин направился к нему, жестом пригласил Моргана внутрь, положил свою сумку и вышел, не сказав ни слова, закрыв за собой входную дверь.

— Входите, мистер Льюис, — позвал Микали.

Морган вошел в комнату. Она была очень длинной, обставленной в строгом стиле, с выкрашенными в белый цвет стенами, полом из полированного кирпича, весело пылающим огнем в камине и Микали в концертном зале Bluthner concert grand.

— Сними пальто, пожалуйста.

Морган бросил свой плащ на ближайший стул и медленно двинулся вперед, как человек во сне, в горле пересохло, дыхание перехватило. Музыка, казалось, затронула самую суть его существа.

— Вы знаете эту пьесу, мистер Льюис?

— Да, — хрипло сказал Морган. Он называется «Пасторство» Габриэля Гровлеза».

Микали удалось изобразить удивление. «Человек со вкусом и проницательностью».

— Не совсем, — сказал Морган. «Так получилось, что это была одна из пьес, которую моя дочь должна была выучить для получения аттестата по фортепиано пятого класса в Королевском музыкальном колледже».

«Да, я сожалел об этом», — сказал Микали. — Я действительно пытался не заметить ее, полковник.

Морган уже не удивлялся ничему. Он сказал: «Да, я могу себе это представить. Когда вы убили Стефанакиса в Париже, вы оставили в живых шофера, горничную в отеле Hilton в Берлине и снова шофера в Рио, когда вы убили генерала Фалькао. Кем ты себя возомнил — Богом?»

«Правила игры. Они не были целью.»

— Игра? — переспросил Морган. «И что это будет за игра?»

«Ты должен знать. Ты играл в нее достаточно долго. Самая захватывающая игра в мире, на кону которой ваша собственная жизнь. Можете ли вы честно рассказать мне о чем-нибудь еще, что вы когда-либо делали, что дало бы такой же эффект?»

— Ты сумасшедший, — сказал Морган.

Микали выглядел слегка удивленным. — Почему? Я делал то же самое в форме, и за это мне давали медали. Твоя собственная позиция в точности. Когда ты смотришь в зеркало, ты видишь меня.»

Музыка изменилась, теперь какой-то концерт или другой, полный жизни и силы.

Он сказал: «Самое интересное, что ты здесь сам по себе. Что случилось с DI5 и Специальным отделением?»

«Я хотел тебя для себя».

Музыка усилилась до крещендо, когда Морган пошел вперед, разминая руки. Микали сказал: «Тебе это нравится? Это четвертый фортепианный концерт Прокофьева си-бемоль»

мажор для левой руки».

Его правая рука поднялась над крышкой пианино, держа «Вальтер», и Морган отклонился в сторону, когда пуля прочертила борозду в верхней части его левого плеча.

Он вырвал настольную лампу на кофейном столике из розетки, погрузив комнату в тень. «Вальтер» кашлянул снова, дважды, но Морган уже вылез через ближайшее французское окно. Он пробежал через террасу и прыгнул на десять футов в сад внизу, тяжело приземлившись.

Собака снова залаяла в коттедже, когда он бежал к краю обрыва, сквозь оливковые деревья, виляя из стороны в сторону. Микали, который без колебаний последовал за ним по террасе, последовал за ним.

Теперь было почти совсем темно, горизонт был испещрен оранжевым огнем, когда Морган добрался до края утесов и заколебался, понимая, что бежать больше некуда.

На мгновение он стал идеальным силуэтом на фоне оранжево-золотого вечернего неба, и Микали выстрелил, продолжая бежать. Морган вскрикнул, когда пуля отбросила его назад в космос, а затем он исчез.

Микали взгляделся во мрак внизу. Позади него послышались шаги, и появился Константин с дробовиком в одной руке и точечным фонарем в другой.

Микали взял у него лампу, включил ее и включил на темных водах, бурлящих среди скал.

— Мальчик в постели? — спросил он.

— Да, — кивнул старик.

— Хорошо. Доктор Райли прибудет первым рейсом на подводных крыльях из Афин утром. Она будет ждать тебя.»

Микали вернулся на террасу. Старик посмотрел на темные воды, перекрестился, затем повернулся и пошел обратно к коттеджу.

* * *

Примерно через час Жан Поль Девиль вошел в свою парижскую квартиру. Он был на ужине, ежегодном мероприятии, на котором присутствовали в основном коллеги по криминальной коллегии. Большинство остальных предпочли продолжить вечернее развлечение в заведении на Монмартре, часто посещаемом джентльменами среднего возраста в поисках развлечений. Девиллю удалось сбежать достаточно изящно.

Когда он снимал пальто, зазвонил телефон. Это был Микали. Он сказал: «Я пытаюсь уже час».

«Я был на ужине. Проблемы?»

«Появился наш валлийский друг. Знал обо мне все.»

«Боже милостивый. Как?»

— Не имею ни малейшего представления. Я установил, что he не передавал информацию дальше. Он слишком хотел заполучить меня для себя.»

— Ты позаботился о нем?

«Навсегда».

Девилл нахмурился, обдумывая это, затем принял решение. «Учитывая обстоятельства, я думаю, нам следует собраться вместе. Если я успею на самолет с завтраком в Афины, я

смогу быть на Гидре к часу дня по вашему времени. Это будет нормально?»

— Отлично, — сказал Микали. «Кэтрин Райли прибывает утром, но об этом не беспокойся».

«Конечно, нет», — сказал Девилл. «Давайте сохраним все как можно более нормальным. Я буду видеть тебя.»

Микали налил себе еще бренди, подошел к столу и открыл папку Моргана. Он нашел фотографию и долго смотрел на темное, изуродованное лицо, затем взял ее вместе с остальными документами и бросил в огонь.

Он сел за пианино, размял пальцы и начал играть «Le Pastour» с огромным чувством и деликатностью.

Большую часть своих семидесяти двух лет Джордж Гика был рыбаком по профессии, живя на той же маленькой ферме, на которой он родился, высоко в сосновом лесу над домом Микали.

Все его четверо сыновей за эти годы по очереди эмигрировали в Америку, оставив ему только жену Марию, которая помогала ему управлять лодкой. Не то, чтобы это имело значение. Что бы он ни любил притворяться, она была такой же жесткой, как и он, в любой день недели и могла управлять лодкой так же хорошо.

Два раза в неделю, чтобы развлечься и немного подзаработать, они отправлялись ставить сети, как обычно, ночью, затем выключали свет и совершали четырехмильный переход через пролив к таверне на побережье Пелопоннеса, где принимали груз не облагаемых налогом сигарет, товар, на который был значительный спрос на Гидре.

На обратном пути, вернувшись к сетям, они продолжают ловить рыбу. Это всегда работало идеально до той ночи, когда Мария включила большие двойные натриевые лампы на носу лодки, свет которых привлекал рыбу, и вместо этого увидела протянутую к ней руку, а затем окровавленное лицо.

— Матерь Божья, морской дьявол! — воскликнул старый Джордж и занес весло, чтобы ударить.

Она оттолкнула его. — Назад, старый дурак. Разве ты не можешь отличить мужчину, когда видишь его? Помоги мне затащить его внутрь.»

* * *

Морган лежал на дне лодки, пока она осматривала его.

«В него стреляли», — сказал ее муж.

«Разве я не могу увидеть это сам? Дважды. Плоть разорвана на плече и здесь, в верхней части левой руки. Пуля прошла навывлет.»

«Что нам делать? Отвезти его в город Гидры к доктору?»

— С какой целью? — спросила она с презрением, потому что, как и многие старые крестьянки-гидриотки, травяные снадобья и зелья были для нее образом жизни. «Что он может сделать такого, чего я не могу сделать лучше? И там была бы полиция. Было бы необходимо сообщить об этом деле, и встал бы вопрос о сигаретах. Ее кожистое лицо сморщилось в улыбке. «Ты, мой Джордж, слишком стар, чтобы попасть в тюрьму».

Морган открыл глаза и сказал по-гречески: «Никакой полиции, что бы вы ни делали».

Она повернулась и ударила мужа кулаком в плечо. «Видишь, он заговорил, наш человек из моря. Давайте вытащим его на берег, пока он не умер у нас на глазах.»

Они были в маленькой подковообразной бухте, он знал об этом, с крошечной кромкой пляжа, соснами, спускающимися с горы сверху.

Причал был построен из массивных каменных блоков, уходящих в глубокую воду. Странная вещь, которую можно найти в таком пустынном месте. Тогда он не знал, что ему более ста пятидесяти лет, со времен греческой войны за независимость, когда в этой бухте стояло до двадцати вооруженных гидриотами шхун, готовых напасть на любое судно

турецкого флота, достаточно неосторожное, чтобы приблизиться к этому берегу.

Дождь прекратился, и в лунном свете Морган разглядел несколько разрушенных зданий, когда старик помогал ему сойти на берег. Он слегка покачивался, странно легкомысленный.

Мария обняла его, удерживая с удивительной силой. «Сейчас не время падать духом, мальчик. Сейчас время набраться сил.»

Кто-то засмеялся, и Морган с удивлением понял, что это был он сам. — Мальчик, мама? — спросил он. «Я видел почти пятьдесят лет — пятьдесят долгих, кровавых лет».

«Тогда жизнь больше не должна тебя удивлять».

В тени что-то шевельнулось, и из одного из зданий появился старина Джордж, ведя за собой мула. У него не было стремян, только одеяло и традиционное вьючное седло на спине, сделанное из дерева и кожи.

«И что мне с этим делать? — Спросил Морган.

— Садись на коня, сын мой. — Она указала на сосны. «Там, на горе. Там безопасность, теплая постель. — Она погладила его по лицу тыльной стороной ладони. — Ты сделаешь это для меня, а? Это последнее, что ты делаешь изо всех сил, чтобы мы могли вернуть тебя домой?»

По какой-то причине он впервые за много лет почувствовал, что вот-вот расплачется. — Да, мэм, — он обнаружил, что говорит по-валлийски. «Отвези меня домой».

Шок от огнестрельного ранения таков, что у большинства людей он временно замораживает нервную систему. Только позже боль приходит, когда она пришла к Моргану, крепко держась за деревянное седло, когда мул начал подниматься по каменистой тропе через сосны, старый Джеродж вел его, Мария шла слева, одной рукой держась за пояс Моргана.

— С тобой все в порядке? — спросила она по-гречески.

— Да, — сказал он, теперь у него кружилась голова. «Я неуничтожим. Спасая себя для этого ублюдка Микали.»

Боль была острой и жестокой, как раскаленное железо. Корея, Аден, Кипр; старые шрамы открылись мгновенно, так что его тело дернулось в агонии, а руки вцепились в деревянную луку седла, как будто он цеплялся за саму жизнь.

И она знала, и ее рука сжалась на его поясе, и старый голос был глубже, чем все, что он когда-либо знал, более настойчивый, пронизывающий боль.

— Теперь ты будешь держаться, — сказала она. «Ты не отпустишь меня, пока я не скажу тебе».

Это было последнее, что он услышал. Когда полчаса спустя они подъехали к маленькому фермерскому дому, расположенному высоко на горе, и Джордж привязал мула и повернулся, чтобы помочь ему спуститься, он был без сознания в седле, его руки так крепко вцепились в луку седла, что им пришлось разжимать его пальцы один за другим.

Кэтрин Райли была совершенно измотана после ночного перелета и четырех часов в афинском отеле, где она не спала ни минуты, ворочаясь с боку на бок от жары, встав рано, чтобы поймать заказанное такси, которое отвезет ее в Пирей.

Даже ранняя утренняя пробежка на Гидру, сама ее красота, никак не могла ее разбудить. Она боялась. То, что предложил Морган, было глупо, порочно. Просто невозможно. Она отдала свое тело Микали, он дал ей радость в жизни, которой она была лишена с тех пор, как умер ее отец. Осознание, понимание.

Слова, только слова. Ни в чем из этого не было утешения, она знала это, когда выходила

из «Летающего дельфина» на Гидре, и Константин подошел, чтобы взять ее чемодан.

Она никогда не чувствовала себя комфортно с ним, всегда воображала, что он не одобряет ее. Он редко говорил, притворяясь, что его английский хуже, чем был на самом деле, как он сделал сейчас, когда они вышли из гавани, и она вошла в рулевую рубку.

— Ники? — позвала она. — Разве он не с тобой?

Он ничего не ответил, просто усилил управление. — Он в Афинах со своей матерью?

Они прошли мимо точки и набрали скорость. Тогда она сдалась, пошла и села на корме, подставила лицо утреннему солнцу и закрыла горящие глаза.

Когда они двинулись к причалу, Микали ждал рядом со старой Анной и мальчиком. Он был в темных очках, белой толстовке и потертых джинсах и возбужденно махал рукой, его рот открылся в улыбке, показывая хорошие зубы.

Она боялась больше, чем когда-либо, не зная, что она собиралась сказать, когда он протянул руку, чтобы помочь ей сойти на берег. Его улыбка сменилась озабоченным взглядом.

— Кэтрин? В чем дело?»

Она боролась, чтобы сдержать слезы. «Я так чертовски устал. Все это время, проведенное в Хитроу, а потом перелет и этот ужасный маленький отель в Афинах».

Затем его руки обняли ее, и он снова улыбался. «Помнишь, что сказал Скотт Фицджеральд? Горячая ванна, и я могу продолжать часами. Это то, что тебе нужно.»

Он поднял ее чемодан и заговорил с Константином по-гречески. Когда они начали подниматься по тропинке к вилле, она спросила: «Что ты ему говорил?»

«Чтобы вернуться на Гидру к полудню. Ко мне приезжает кое-кто из Парижа. Мой французский адвокат, Жан Поль Девиаль. Ты слышал, как я говорил о нем.»

— Он останется? — спросил я.

— Возможно, только сегодня вечером. Бизнес, вот и все. Я должен подписать несколько важных бумаг.» Его рука напряглась, и он поцеловал ее в щеку. «Но это не имеет значения. Давай отведем тебя в ванну.»

* * *

В некотором смысле, это сработало. Она лежала, горячая вода смывала каждую боль, каждую боль, а он принес ей ледяное шампанское и бренди в хрустальном бокале.

«Это прекрасно», — сказала она. «Я никогда не видел этого раньше».

«Венецианка семнадцатого века. Мой пра-пра-пра-прадедушка, который был адмиралом флота Гидриот, снял его с турецкого корабля в Наваринской битве. Он ухмыльнулся. — Ложись на спину и наслаждайся этим, пока я готовлю обед.»

— Ты? — спросила она.

Он обернулся в дверях и улыбнулся, широко раскинув руки в этом неподражаемом жесте. — А почему бы и нет? Для великого Микали нет ничего невозможного».

Бренди и шампанское ударили ей прямо в голову, но это было для нее в новинку. Вместо замешательства, притупления чувств, было обострение. Теперь она совершенно ясно видела, что так больше продолжаться не может. То, что грызло ее, должно быть открыто.

Она вышла из ванны, накинула махровый халат, прошла в спальню и села перед туалетным столиком, быстро расчесывая волосы. Послышались тихие шаги, и он появился в

зеркале, стоя в дверном проеме, безмянный в темных очках.

«Ладно, ангел, в чем дело?»

Она сидела и смотрела на него в зеркало. Странно, как легко вырвались слова.

— Помнишь моего валлийского полковника Моргана, того, который приходил повидаться с Лизелотт Хоффманн?

«Конечно, хочу. Парень, чья дочь была сбита с ног критянином после стрельбы в Коэна».

— Откуда ты это знаешь?

— Ты сам мне сказал.

Она вспомнила и медленно кивнула. «Да, я не должен был этого делать. Предполагалось, что это будет конфиденциально».

Он закурил сигарету и подошел к окну рядом с ней. — Откровенности? Между нами?»

— Он думает, что ты критянин, — сказала она.

Микали уставился на нее, сбитый с толку. «Он что?»

«Он говорит, что вы давали концерт в Альберт-холле в ночь, когда критянин застрелил Коэна. Это по другую сторону Кенсингтон-Гарденс от того места, где он бросил машину».

«Это безумие».

— Он говорит, что вы были на Каннском кинофестивале, когда убили Форлани.

«Как и половина Голливуда».

— И во Франкфуртском университете, когда был застрелен восточногерманский министр Кляйн.

Он развернул ее на сиденье, положив руки ей на плечи. — Я сам тебе это говорил. Разве ты не помнишь? Мы впервые встретились, когда я давал концерт в Кембридже. Мы обсуждали девушку Хоффманна и обстоятельства убийства, и я сказал вам, что в то время был во Франкфурте».

Все это нахлынуло тогда, и она застонала в каком-то освобождении. «О, Боже, так ты и сделал. Теперь я вспомнил.»

Его руки обнимали ее. «Он, должно быть, не в своем уме. Он что, ходит по кругу и вот так всем треплет языком?»

— Нет, — сказала она. «Я спросил его, говорил ли он с Бейкером, человеком из Особого отдела, но он сказал, что нет. Он сказал, что это его дело и никого больше.»

— Когда он тебе это сказал?

«Вчера рано утром — по телефону».

— И с тех пор вы с ним не встречались?

«Нет, он сказал, что собирается еще кое-что проверить. Что он будет держать меня в курсе.» Тогда навернулись слезы. «Он одержим, разве ты не видишь? Я так боюсь.»

«Нечего бояться, ангел. Ни единой вещи.»

Он подвел ее к кровати и откинул покрывало. «Что тебе нужно, так это поспать».

Она повиновалась ему, как ребенок, и лежала с закрытыми глазами, дрожа. Через некоторое время покрывало было откинута, и он скользнул рядом с ней.

Она слепо повернула голову к его плечу, когда одна рука обняла ее, а другая расстегнула халат. А потом его губы оказались на ее губах, и ее руки обхватили его со страстью, более яростной, чем она когда-либо знала прежде.

Девиль облокотился на балюстраду террасы и посмотрел на море, туда, где в дымке послеполуденного зноя дрейфовал Докос.

Микали вышел через французские окна с бокалом в каждой руке. — Полагаю, ты по-прежнему предпочитаешь испортить хороший Наполеон кубиками льда?

«Ну конечно». Девиль взял у него стакан и указал на море. «Это действительно очень красиво. Ты будешь скучать по этому.»

Микали поставил свой бокал на балюстраду и закурил сигарету. «И что это должно означать?»

«Это очень просто. С тебя хватит. У нас обоих есть. Если Моргану удалось раскрыть твою личность, то в конечном итоге это сделает и кто-то другой. О, я не имею в виду следующий месяц или даже следующий год. Но, конечно, год спустя. Он улыбнулся и пожал плечами. — Или, может быть, в следующую среду.

— И если они схватят меня, кем бы это ни оказалось, — сказал Микали, — ты думаешь, я заговорю? Продать тебя вниз по реке?»

«Резиновые шланги вышли вместе с гестапо», — сказал ему Девиль. «Они воткнут тебе в руку шприц и накачают сукцинилхолином, довольно неприятным наркотиком, который приближает тебя к смерти настолько, насколько это возможно для человека. Опыт настолько ужасен, что мало кто мог вынести мысль о второй порции. Он мягко улыбнулся. «Я бы пела, как птичка, Джон, и Критский Любовник тоже».

Судно на подводных крыльях прошло мимо в море по пути в Спеце. — И что бы ты предложил? — спросил Микали.

«Пора домой, мой друг!»

— В старую добрую матушку Россию? — громко рассмеялся Микали. «Может быть, для тебя это и дом, старина, но для меня это ни черта не значит. И если уж на то пошло, что насчет тебя? Тебя не было слишком долго. Они дадут вам VIP-карту, чтобы делать покупки в специальном разделе в ГУМе, но это вряд ли Gucci. И когда вы будете стоять в очереди на Красной площади, чтобы взглянуть на Ленина в его мавзолее, вы будете думать о Париже и Елисейских полях и запахе влажных каштанов вдоль бульваров после душа.

«Очень поэтично, но сути дела это не меняет. Моя старая бабушка страдала ревматизмом и знала, что в течение двадцати четырех часов пойдет дождь. Я с такой же легкостью чую неприятности. Время уходить, поверь мне.»

— Для тебя, может быть, — упрямо сказал Микали. «Не для меня».

— Но что ты будешь делать? — Девиль был искренне сбит с толку. — Я не понимаю.

«Живи одним днем за раз».

«И когда наступит этот особенный день, день, когда они придут за тобой?»

Микали был одет в свободный кашемировый свитер, который скрывал кобуру Burns и Martin Spring, прикрепленную к пояснице. Его правая рука поднялась, держа «Вальтер».

«Помнишь мою Ческу? Это был мой лондонский пистолет. Это разновидность гидриота. Как я уже говорил, я всегда готов.»

В этот момент зазвонил телефон. Он извинился и вошел внутрь. Девиль сидел на балюстраде, глядя на Докос, смакуя свой коньяк. Микали был прав, конечно. Париж был единственным городом, или Лондоном в хороший день. Москва теперь ничего для него не значила. Он подумал о тамошней зиме и невольно поежился. И не было никого — не совсем. Двоюродный брат или двое. Других близких родственников нет. Но какой у него был выбор?

Микали, смеясь, вышел через французские окна со стаканом в одной руке и бутылкой бренди «Наполеон» в другой.

«Разве жизнь не самая ужасная вещь». Его лицо пылало от возбуждения. — Это был

Бруно... Бруно Фишер, мой агент. Андре Превин только что на него вышел. Это последний вечер выпускного вечера в эту субботу. Мэри Шредер должна была сыграть фортепианный концерт Джона Айрленда. Она сломала запястье, играя в теннис, глупая сучка.»

— И они хотят, чтобы ты занял ее место?

Превин предложил изменить программу. Позвольте мне сыграть четвертую часть Рахманинова. Мы уже делали это вместе раньше, так что это не займет слишком много репетиций. Давайте посмотрим. Сегодня четверг. Если я успею на сегодняшней самолет, то завтра буду в Лондоне. Это дает мне два дня на репетицию.»

Девиль никогда не видел его таким живым. — Нет, Джон, — сказал он». Вернуться в Лондон сейчас было бы худшим из возможных вариантов для тебя. Я чувствую это своими костями.»

— Концерты «Променада», Жан-Поль, — сказал Микали. «Самая важная серия концертов на европейской музыкальной сцене. Во всем мире, черт возьми. Ты знаешь, на что это похоже в последнюю ночь?»

— Нет, я никогда там не был.

«Тогда ты пропустил одно из величайших событий в жизни. Забито от пола до потолка, все места заняты, а на арене перед сценой дети, которые три дня стояли в очереди, чтобы попасть, стоят плечом к плечу. Ты можешь себе представить, каково это, когда тебя просят сыграть в такой вечер?»

— Да, — медленно кивнул Девиль. — Могу себе представить.

«О, нет, ты не можешь, старина», — сказал Микали. «О, нет, ты не можешь».

Он одним быстрым глотком осушил бокал с бренди и выбросил его в пространство. Он вспыхнул на солнце, как спускающееся пламя, и раскололся на камнях внизу.

Кэтрин Райли проснулась, некоторое время лежала, пытаясь вспомнить, где она находится. Она была одна. Когда она посмотрела на часы, было половина третьего пополудни.

Она встала, быстро оделась в джинсы и простую белую блузку, надела сандалии и отправилась на поиски Микали.

В гостиной его не было видно, но звук голосов вывел ее на террасу, где она обнаружила его стоящим с Девилем.

Он подошел к ней, обнял ее за талию и поцеловал в щеку. — Чувствуешь себя лучше?

— Думаю, да.

«Жан Поль, это свет моей жизни, доктор Кэтрин Райли. Будь осторожен в своих словах, предупреждаю тебя. Она подвергнет тебя психоанализу до чертиков.»

— Доктор, очень приятно. Девиль галантно поцеловал ей руку.

Микали, не в силах сдержаться, взял обе ее руки в свои. «Мне только что звонил Бруно. Превин хочет, чтобы я заменил Мэри Шредер. Рахманинов.»

Что для него означало только один концерт, тот, который он написал специально для себя — четвертый, — и она знала, что.

— Когда? — спросила она.

«Суббота — последний вечер выпускного вечера».

«Как просто чудесно». Она обвила руками его шею в жесте спонтанного восторга. «Но суббота. Это будет послезавтра.»

— Я знаю. Это значит успеть на сегодняшний рейс из Афин, если у меня будет достаточно времени для репетиций. Ты не будешь возражать? В конце концов, ты только что

сошел с самолета.»

— Вовсе нет. — Она взглянула на француза. — А вы, месье Девиль? Ты тоже придешь?»

Микали сказал: «Нет, Жан-Поль должен вернуться в Париж. Он пришел только для того, чтобы заставить меня подписать кое-какие бумаги. Он занимается юридической стороной траста, который был создан деловыми кругами в Париже и Лондоне, чтобы помогать молодым музыкантам исключительного таланта. Они купили большой загородный дом недалеко от Парижа. Когда все будет готово, мы планируем провести мастер-классы.»

— Мы? — переспросила она.

«Я предложил свои услуги бесплатно. Я надеюсь, что другие известные музыканты могли бы сделать то же самое».

Все ее прежние страхи казались каким-то глупым сном. Она обняла его за талию. «Я думаю, что это замечательная идея».

«Отлично, а теперь, как насчет чего-нибудь поесть?»

Она покачала головой. — Вообще-то, мне не помешало бы подышать свежим воздухом. Я, пожалуй, прогуляюсь, если ты не возражаешь.»

— Конечно, как хочешь. — Он снова поцеловал ее. «Увидимся позже».

Он стоял на крошечной веранде у торцевого окна и смотрел, как она спускается по саду. «Блестяще», — сказал Девиль. «Какое представление. Ты почти заставил меня поверить тебе. Как ты это делаешь?»

«О, человек учится», — сказал Микали. «С годами ты не находишь? Ложь, обман. Практика — много практики, вот в чем секрет. — Он улыбнулся. — А теперь, как насчет чего-нибудь выпить?»

Усадьба Джорджа и Марии Гика находилась в небольшой впадине над краем горы, в окружении сосен. С одной стороны, дикий и красивый овраг круто обрывался, все еще террасированный с древних времен, повсюду оливковые деревья.

Ферма представляла собой одноэтажное здание с крышей из красной черепицы и побеленными стенами. В доме была объединенная гостиная и кухня, а также две спальни. Полы были выложены каменными плитами, стены грубо оштукатурены, но внутри было прохладно и темно в летнюю жару, как и предполагалось.

Когда Морган вышел, он обнаружил пожилую пару, сидящую на скамейке на солнце. Мария потрошила рыбу, а Джордж наблюдал, покуривая трубку.

— Тебе не следует стоять на ногах, — сказала она с мягким упреком.

Морган был раздет до пояса. Его правое плечо и левая рука были искусно перевязаны полосками чистого полотна. Он чувствовал себя старым — уставшим и измотанным так, как не чувствовал уже много лет.

— Вот, садись, — Джордж похлопал по скамейке рядом с собой. — Как ты себя чувствуешь?

«В следующем месяце мне исполнится пятьдесят, — сказал Морган, — и впервые я действительно это знаю».

Мария громко рассмеялась. «Тот, что там, может дать тебе двадцать пять лет, и все еще пытается затащить меня в постель по субботам».

Джордж предложил ему греческую сигарету и дал прикурить. «Прошлой ночью ты сказал кое-что интересное. Ты упомянул Микали. Это он сделал это с тобой?»

«Он твой друг?» — спросил Морган.

Старик сплюнул и встал. — Подожди здесь. — Он пошел в дом и вернулся с биноклем

фирмы «Цейсс».

«Где, черт возьми, ты это взял?» — потребовал Морган.

«От нацистского штурмовика на Крите во время войны, когда я был с ЕОК. Пойдем, я покажу тебе.»

Он прошел немного сквозь сосны, и Морган последовал за ним. Старик остановился и указал: «Смотри!»

Внизу ущелье спускалось через сосновый лес к заливу, над которым стояла вилла Микали. Джордж навел бинокль и передал его Моргану.

«Смотри, до самого низа. Террасы — каждый камень, который несет мул. Построенный потом моих собственных предков. Все украдено Микали.»

Линии древних террас резко ожили, когда Морган осмотрел их. Несмотря на оливковые деревья, земля была заросшей и явно не возделанной.

Он взглянул на старого Джорджа». John Mikali?»

— Его прадедушка. Есть ли разница? Микали — это Микали. Когда-то мы, члены клана Гика, были солидными людьми. Когда-то у нас было уважение. Но теперь...»

Морган снова поднес полевой бинокль к глазам, и в поле зрения появился сад под виллой, Кейт Райли шла по дорожке к причалу, где юный Ники ловил рыбу с помощью лески.

«Боже милостивый!» — сказал Морган.

Старик взял у него очки и посмотрел сам. «Ах, да, я видел ее там раньше. Американская леди.»

— Раньше? — спросил Морган.

«О, да. Ты знаешь ее?»

— Я думал, что да, — хрипло сказал Морган. — Теперь я уже не так уверен, — и прежде чем Джордж успел его остановить, он повернулся и, спотыкаясь, побежал вниз по склону сквозь сосны.

Было очень жарко, когда Кейт прошла через террасы в сад. Маленькая черная собачка залаяла на нее, когда она проходила мимо коттеджа. Старая Анна помахала рукой из кухни, а затем поднялась по широким бетонным ступеням и обнаружила, что Ники ловит рыбу.

Вода была кристально чистой, в ней прекрасно отражался моторный катер. Ники повернулся с улыбкой, и она провела пальцами по его волосам.

— Ясу! — сказала она в знак приветствия, используя одно из немногих греческих слов, которые знала.

Он встал в очередь, радостно улыбаясь. Ему было уже двенадцать, достаточно взрослый, чтобы бросить школу. Его мать, вдова, работала в отеле в Афинах, и он некоторое время жил с Константином и его женой, помогая с лодкой, учась ловить рыбу. Кейт была его особой любимицей. Когда бы она ни приходила, он повсюду следовал за ней по пятам.

Он достал из кармана джинсов грязный пакет и предложил ей кусочек рахат-лукума своей бабушки. Было так мило, как обычно, заставить ее почувствовать легкую тошноту, но отказаться было бы оскорблением. Она взяла самый маленький кусочек, отправила его в рот и проглотила так быстро, как только могла.

Она села на одну из бетонных ступенек. Он присел на корточки рядом с ней и достал из кармана рубашки несколько полароидных снимков.

«О, ты все еще принимаешь эти вещи, не так ли?» — спросила она.

Он передавал их по очереди. На террасе был старый Константин, его бабушка, одна из

Микали.

На одной она сидит на корме лодки.

— Хорошо? — спросил он.

«Очень хорошо».

Затем он передал ей фотографию Асы Моргана, которую он сделал в салуне прошлой ночью.

Она сидела, уставившись на него, и потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать этот факт.

— Где ты это взял? — прошептала она. А потом она повернулась и схватила его за руку. — Когда? — требовательно спросила она. — Когда он был здесь? Он непонимающе уставился на нее, и она указала на лодку, а затем на фотографию. — Когда? — спросил я.

Его лицо прояснилось. «Прошлой ночью. От Гидры. Он повернулся и указал на виллу. «В дом».

«Но это невозможно. Это невозможно. Ее пальцы сжали его руку. — Где он? — спросил я. Она снова помахала перед ним фотографией. — Где он? — спросил я.

«Ушел», — сказал мальчик. «Ушел».

Теперь он немного испугался, отстранился и взял свои фотографии. Когда он попытался забрать у нее фотографию Моргана, она отреагировала в мгновенной ярости, яростно оттолкнув его от себя.

Она повернулась и поспешила вниз по ступенькам, все еще сжимая фотографию, и побежала вдоль крошечной полоски пляжа. На другой стороне залива тропа круто поднималась сквозь сосны. Она последовала за ним, не имея ни малейшего представления о том, куда идет, осознавая только одно. Микали солгал ей.

Трасса была крутой и каменистой, трудной для легких сандалий, которые она носила, подходящих только для мулов. Но она продолжала карабкаться вслепую, не осознавая, куда идет. Наконец, она перевалила через хребет и вышла на небольшое плато.

Она опустилась на бревно, на мгновение обессилев. Она все еще сжимала полароидную фотографию Моргана. Она тупо уставилась на него, затем закрыла лицо руками.

Неподалеку было какое-то движение. Она подняла глаза, и Морган вышел из-за деревьев.

На мгновение она действительно подумала, что сходит с ума. — Эйса? — позвала она. «Это ты, не так ли?»

Он бросился на нее в порыве, перекинул ее через бревно, держа руку на ее горле. Она почувствовала, что задыхается, беспомощная перед его силой, а затем осознала, что Джордж Гика навис над ними. Он схватил Морган за волосы и так резко дернул голову назад, что Морган вскрикнула от боли, отпустила ее и упала на спину.

Кровь начала окрашивать повязку на его руке. Он просто лежал и смотрел на нее. «Ты все это время знал. Ты предупредил его, не так ли? Вот почему он ожидал меня прошлой ночью.»

— Что случилось? — тупо спросила она.

«О, он всадил в меня пулю, и я полетел со скалы в море. Я был бы приманкой для рыбы прямо сейчас, если бы не этот старик и его жена».

«Итак, он критянин. Ты был прав.»

— Ты пытаешься сказать мне, что не знал?

Она снова села на бревно, взяла смятую полароидную фотографию и передала ему.

«Взгляни на это и позволь мне объяснить о себе и Джоне Микали».

Старина Джордж исчез со сцены, развернулся и ушел, когда она начала говорить. Когда она закончила, Морган некоторое время сидел молча, и она заметила, что у него на лбу выступил пот. — Ты мне веришь? — спросил я.

Он встал, сел рядом с ней и обнял ее за плечи. — Парочка проклятых дураков, осмелюсь сказать, мы с тобой вдвоем.

«О, Эйса Морган, ты мне нравишься». Она положила голову ему на плечо, и его здоровая рука крепче обняла ее.

«Ах, ну, это моя валлийская привлекательность для тебя, только я опоздал лет на двадцать, так что без глупостей. Теперь давайте еще раз пройдемся по нескольким вещам. Девиль, ты сказал? Жан-Поль Девиль.»

«Это верно».

«Держу пари, в нем есть нечто большее, чем кажется на первый взгляд».

Теперь его слегка трясло, глаза были дикими, лицо мокрым от пота.

— Что ты теперь будешь делать? — спросила она.

— Я не уверен. В других обстоятельствах я бы хотел спуститься туда и договориться с ним только о том состоянии, в котором я нахожусь в данный момент, я чувствую, что могу упасть, если буду дышать слишком глубоко. По крайней мере, я знаю, где этот ублюдок будет в субботу вечером. На сцене Альберт-холла.»

Теперь ему было по-настоящему больно, она могла это видеть. Она сказала: «Ты должен быть в постели, Аса».

— Вы говорите, он вылетает в Афины сегодня вечером, чтобы успеть на ночной рейс в Лондон?

«Это верно».

— Ты, конечно, поедешь с ним.

Она сидела, тупо глядя на него, сложив руки на коленях. «Продолжать делить с ним постель, Аса, как будто ничего не случилось? Чтобы он согревал тебя, пока ты не доберешься туда?» Она поднялась на ноги, ее лицо оставалось неестественно спокойным. — Полагаю, мне следовало бы тебя пожалеть, но я этого не делаю. Ты такой же одержимый, как и он. Вы достойны друг друга.»

Она ушла. Когда он попытался встать, то обнаружил, что ноги отказываются его держать, и хрипло позвал: «Кейт, ради Бога!»

— И какое, черт возьми, он может иметь к этому отношение, Аса? — спросила она, не оборачиваясь, и исчезла в соснах.

Позади него раздался стук копыт, и появился Джордж с мулом, Мария следовала за ним. Старуха была очень зла. Она положила руку на лоб Морган.

«Дурак, у тебя уже лихорадка. Ты ищешь смерти?»

Но сейчас ему нечего было сказать — совсем ничего, потому что это было похоже на пребывание под водой, все происходило в замедленной съемке. Вдвоем Мария и Джордж посадили его в седло и поехали обратно через сосны.

К тому времени, как они уложили его на кровать, на которой он спал, его трясло. Джордж натянул на себя одеяла, а Мария пошла на кухню и вернулась с чашкой.

— Пей, парень, — приказала она.

Это было отвратительно на вкус, и Морган подавился, но проглотил это, думая о Кэтрин Райли.

— Очень жаль, мэм, — сказал он по-валлийски. «Милая девушка. Но ты знаешь, как это бывает?»

И затем тьма поглотила его.

Микали и Девиль разговаривали в дальнем конце задней террасы, когда она вошла. Она некоторое время наблюдала за ними из-за окна в гостиной, затем подошла к буфету и налила себе большую порцию джина с тоником. Последовало легкое движение, и Микали обнял ее за талию.

— Немного рановато для тебя, не так ли?

— Я устала, — сказала она. «Это все».

Он поцеловал ее в шею и повернул ее, и на его лице была озабоченность. «Мне неприятно это говорить, ангел, но ты выглядишь ужасно».

— Я знаю, — сказала она. «Я работал как проклятый, а потом поездка на самолете и последняя ночь в Афинах». Она сделала паузу, и то, что прозвучало дальше, было как-то помимо ее воли, но однажды сказанное нельзя было вернуть. «Я тут подумал. Ты не будешь очень возражать, если я задержусь здесь на пару дней?»

На мгновение он заколебался, а затем улыбнулся. — Почему бы и нет? Остальное пойдет тебе на пользу. Но я хочу, чтобы ты был в Лондоне в субботу, обязательно. В ложе будет место как можно ближе ко мне, насколько я смогу тебе достать. Ты нужна мне там, ангел. Есть чем поделиться. Есть что вспомнить.»

Он прижал ее к себе и поцеловал. Удивительно, как это было легко, но, в конце концов, он был тем же мужчиной, этим мужчиной, которому она столько раз отдавала свое тело. Критский любовник с самого начала. Единственная разница заключалась в том, что теперь она это знала.

«Если ты не возражаешь, я, пожалуй, пойду прилягу. У меня раскалывается голова».

«Конечно».

Она вышла, а Девиль вошел через французское окно.

«Я думаю, ты должен убить ее».

«Почему?» Спокойно сказал Микали. — Она ничего не знает.

— Ты любишь ее?

«Я не знаю, что означает это слово. Она мне нравится — да. Ее присутствие, ее компания. Она нравится мне в этих вещах больше, чем любая другая женщина, которую я когда-либо знал».

«Семена сомнения были посеяны в ней. Кто знает, когда они могут прорасти?»

«Особенно пурпурный пассаж, даже для тебя».

Он сел за Блатнер, и его пальцы начали играть «Le Pastour» совершенно по собственной воле.

Морган снова шел через гору по дороге домой из ямы, почти бегом, чтобы победить грозу, которая угрожала черными, похожими на наковальню облаками, которые заполнили горизонт.

Пошел дождь, ливень такой силы, что он в одно мгновение промок до нитки. И холод этого, казалось, проник в его мозг, так что он громко закричал в агонии, спускаясь по склону холма к деревне внизу.

Она открыла дверь маленького коттеджа, когда он, спотыкаясь, шел по тропинке, ее голова была накинута на черную вязаную шаль, так что он не мог видеть ее лица.

Ее руки обняли его, увлекая в тепло. — Мама, — сказал он. «Мне так холодно. Так чертовски холодно.»

Он лежал на спине, голова на подушке, только когда она наклонилась и шаль соскользнула, на него сверху вниз смотрела Кэтрин Райли.

— Все в порядке, Аса. Я здесь. А теперь спи.»

«Да, мама», — сказал он, закрыл глаза и сделал, как ему сказали.

Морган очнулся от сна без сновидений и лежал, уставившись в плетеный и оштукатуренный потолок над головой. Он снова был самим собой, его кожа была прохладной, тупая постоянная боль в руке и плече была единственным напоминанием о том, через что он прошел. Был дневной свет, солнце струилось в окно.

Он слышал пение совсем рядом, глухой ритмичный стук топора по дереву; он отбросил одеяла и поднялся на ноги. У него больше не было головокружения. Теперь была только боль, и это было хорошо. Это будет держать его в тонусе.

Джордж колот поленья на дрова, Мария сидела на скамейке на солнышке, зашивая дыру в заляпанной солью куртке Моргана. Его бумажник лежал на скамейке рядом с ней, сушась на солнце вместе с паспортом и рядом с драхмами.

Она подняла руку и коснулась его лба. — Итак, лихорадка прошла? Она позвала Джорджа. «Видишь, старый дурак, кто теперь знает лучше, чем доктор?»

Джордж оперся на свой топор. — Она ведьма, — сказал он, — и все женщины ее клана до нее. Это известный факт.»

— Итак, ты чувствуешь себя лучше? — спросила она.

— Намного.

— Хорошо. Много часов ты проспал. Это была необходимая вещь, зелье, которое я дал тебе.»

Он взглянул на свой «Ролекс» и увидел, что уже восемь часов. Он чувствовал странное головокружение, когда шел сквозь сосны к гребню. Он прикрыл глаза ладонью, глядя на виллу Микали в бухте внизу. Рядом с ним появился старина Джордж.

— Они ушли? — спросил я.

«Все они!»

— А женщина? — спросил я.

Старик указал. «Видишь, она приходит сейчас».

Она вышла из-за деревьев на поляну в двухстах футах внизу, следуя по тропинке, которая зигзагом петляла между старыми заросшими террасами. На ней были солнцезащитные очки, футболка и старая хлопчатобумажная юбка, а в руках она держала

сумку через плечо.

— Я думаю, она беспокоится о тебе, эта, — сказал ему старик по-гречески. «Много часов она просидела у твоей постели».

Морган осторожно присел на бревно, не сводя с нее глаз, и старик положил рядом с ним пачку греческих сигарет и несколько спичек.

— Я скажу Марии, чтобы она приготовила кофе, — сказал он и ушел.

Она вышла из сосен десять минут спустя и обнаружила, что он сидит на бревне и курит. Она остановилась на мгновение, чтобы посмотреть на него, странно безымянного в темных очках.

«Итак, ты снова с нами?»

«Это то, что они мне говорят».

Она села на траву лицом к нему, прислонившись спиной к дереву, и поставила сумку на землю.

— Что у тебя там внутри? — спросил он.

Бутерброды, бутылка вина. Константин думает, что мне нравится каждый день гулять в горах».

— А старуха и мальчик?

«О, они в Гидре, в городском доме Микали. В это время года они иногда позволяют туристам осмотреться. Это что-то вроде музея. Полный реликвий времен турецких войн — что-то в этом роде».

Между ними была неловкость, которую такой разговор не мог преодолеть. Он сказал: «Почему ты остался?»

«Помимо моей воли», — сказала она и сняла солнцезащитные очки. Ее лицо было очень бледным, глаза затравленными. «Я сказал ему, что устал. Спросил, не возражает ли он, если я останусь на день или два».

— И он согласился?

«При том понимании, что я был на своем месте вовремя в Альберт-холле».

— Я понимаю. Итак, он успел на вчерашний ночной самолет? И Девиль пошел с ним.»

— Простой ночью? Она медленно покачала головой. «Ты где-то потерял целый день, Аса. Это суббота — субботнее утро. Они уехали позавчера вечером.»

Он сидел и смотрел на нее, как громом пораженный, не в силах осознать это. — Ты пытаешься сказать мне, что я был без сознания последние тридцать часов?

— Что-то в этом роде. О, ты довольно часто ворочался и метался, но Мария определенно знала, что делала. Эти ее травы — это действительно нечто.»

«Но это значит, что концерт сегодня вечером». Он вскочил на ноги и стоял там, сжав кулаки. «Разве ты не видишь! Этот ублюдок может завтра снова отправиться в путь.»

— Он звонил мне вчера вечером, — сказала она. «Сказал мне, что он был с Превином в Альберт-Холле, и там он будет большую часть сегодняшнего дня. Репетиция для сегодняшнего концерта. Это действительно очень просто. Все, что тебе нужно сделать, это позвонить Бейкеру в Скотланд-Ярд.»

Последовало долгое молчание. Морган сказал: «Да, я мог бы это сделать».

— Но ты не сделаешь этого, не так ли?

Он снова сел на бревно и закурил сигарету.

«Послушай, позволь мне объяснить. В DI5 есть секция под названием Group Four с новыми полномочиями непосредственно от самого премьер-министра для координации

борьбы с терроризмом, подрывной деятельностью и так далее. Им управляет человек по имени Фергюсон. Бейкер работает на него. Мы прошли долгий путь, Фергюсон и я. Он настоящий персонаж. Тебя удивит, если ты узнаешь, что он поощрял меня в этом с самого начала? Использовал меня как тупой инструмент. Надеялся, что смогу добиться успеха там, где они потерпели неудачу, потому что у меня было кое-что еще, что работало на меня — ненависть!»

«Он, безусловно, был прав».

«Да, только теперь, когда я нашел его, я хочу Микали для себя».

«Око за око. Это единственный способ, которым ты это видишь? Кровь за кровь?»

— А почему бы и нет? Если я обвиню его в Греции, они будут смеяться надо мной. Он национальный герой. Если я позволю им арестовать его в Англии, они дадут ему пятнадцать лет за стрельбу в Коэна, и это только в том случае, если они смогут это доказать. Не забывай, что все остальные его убийства были совершены в других местах. Немцы — французы. Им всем придется подождать своей очереди.»

— И что? — спросил я.

«Через некоторое время «Черный сентябрь», или «Красная бригада», или кто там еще, в одно прекрасное утро захватят самолет British Airways. Ценой за возвращение пассажиров и экипажа в целости и сохранности будет освобождение Микали и отправление его в Ливию, или на Кубу, или куда-нибудь подобное».

— И ты хочешь увидеть его мертвым?

— Когда я буду готов.

— Я мог бы сам связаться с Бейкером.

Он покачал головой. — Но ты этого не сделаешь.

— Почему бы и нет?

— Потому что ты у меня в долгу, девочка. Он коснулся своей руки, затем плеча и поморщился. «Я должен быть мертв. То, что я не такой, не благодаря тебе. И не бросай в меня Яго. Это было по-другому, и ты это знаешь».

Она мгновенно встала. «Хорошо, Аса. Ты попадешь в ад своим собственным путем».

— А ты? — спросил я.

«Сегодня я возвращаюсь в Лондон. Оттуда я продолжу обучение в Кембридже. С меня хватит. Ты и Джон Микали, Эйса. Вы достойны друг друга.»

— И ты не позвонишь Бейкеру?

— Нет, — сказала она. «Просто иди и играй в свои кровавые жестокие маленькие игры как можно дальше от меня».

Она ушла очень быстро. Морган встал и посмотрел ей вслед, затем повернулся и пошел обратно на ферму. Старина Джордж, продолжавший колоть поленья, остановился.

— Она ушла? — спросил я.

— Да. Во сколько следующий рейс на подводных крыльях в Пирей?»

— Десять тридцать. Невозможно поймать его сейчас на моей лодке».

— А следующий? — спросил я.

— Через час после полудня.

— Ты примешь меня к себе?

«Если это то, чего ты хочешь».

Морган подошел к фермерскому дому, где Мария все еще сидела и шила его куртку.

— Моя рубашка? — спросил я.

«На веревке, сохнет на солнце. Я вымыла его для тебя. Ее глаза, прищурившись, смотрели на него с кожистого старого лица. «Но это, даже моя магия не может исправить».

Она отдала ему его паспорт. Промокший от погружения в море, он прогнулся и скрутился под палящим солнцем. Когда он попытался открыть ее, она развалилась у него в руках.

— Господи Иисусе! — сказал он по-валлийски. — Это все, что мне было нужно.

— Это плохо, мальчик? — спросила она.

«Это может быть, мама. Это может изменить все. Я просто должен посмотреть.»

На вилле Кэтрин Райли только закончила собирать вещи, когда зазвонил телефон. Когда она подняла трубку, в ее ухе прозвучал голос Микали.

«Хех, ты все еще там. Ты уже должен быть здесь.»

«Нет проблем», — сказала она. «Я уйду с Константином сейчас. Мы воспользуемся скоростным катером. Это значит, что я успею на рейс на подводных крыльях до Пирея в десять тридцать. Если повезет, я успею на рейс в час тридцать по нашему времени». Удивительно, как спокойно она себя чувствовала. — Как идут дела? — спросил я.

«Чудесно». Теперь его энтузиазм был переполнен. Превин — гений, лучший дирижер, с которым я когда-либо работал, но потребуется большая часть сегодняшнего дня, чтобы сделать это правильно, ангел. Так что, если меня не будет рядом, когда ты войдешь, не волнуйся. У тебя есть твой ключ. Просто убедись, что ты будешь в этой коробке сегодня вечером.»

Линия оборвалась. Она постояла там мгновение, держа трубку, затем положила ее. Когда она повернулась, Константин стоял в дверях, наблюдая за ней. Было что-то в лице, в темных глазах, как будто он мог видеть ее насквозь. Знал все. Но это была чушь.

Она указала на два своих чемодана и взяла плащ. — Хорошо, — сказала она, — я готова, — и вышла за дверь впереди него.

Девилл, укрывшись от дождя под деревом на краю Гайд-парка рядом с Парк-лейн, наблюдал, как Микали очень быстро бежит со стороны Серпантина. На нем был черный спортивный костюм с единственной алой полосой вдоль каждой штанины. Он остановился в нескольких ярдах от меня и стоял, уперев руки в бедра, легко дыша.

Девилл сказал: «Ты никогда не сдаешься, не так ли?»

«Ты знаешь, что они говорят», — сказал ему Микали. — Старые привычки и все такое прочее. Он пристроился рядом с ним, и они пошли к дороге. — Значит, ты все-таки не мог остаться в стороне? Хорошо, что я зарезервировал дополнительное место в ложе Кэтрин.»

— Она здесь? — спросил Девиль.

— Уже в пути. Я говорил с ней в Гидре этим утром. Она как раз собиралась уходить.»

— И что? — Девиль кивнул и спокойно продолжил: — Ну, тогда, чтобы мы могли понять друг друга. Я пришел не для того, чтобы присутствовать на твоём концерте, Джон. Я пришел за тобой.»

Микали остановился, повернувшись к нему лицом, его рука скользнула к рукоятке «Чески» в чехле «Бернс энд Мартин» под туникой спортивного костюма сзади.

Девиль поднял руку, защищаясь. — Нет, мой дорогой, дорогой друг, ты меня неправильно понял. — Он достал конверт. Билеты для нас обоих. Я заказал воздушное такси до Парижа, вылетающее из Гэтвика в одиннадцать пятнадцать. У тебя достаточно времени, чтобы появиться в Альберт-холле. Я понимаю, что в последний вечер выпускного вечера концерт все равно исполняется в первой половине концерта».

— А потом? — спросил я.

«Мы прибываем в Париж как раз вовремя, чтобы успеть на рейс Аэрофлота в Москву. Обо всем позаботились. Сегодня в Paris Soir появилась заметка, в которой сообщалось, что вы намерены провести серию мастер-классов для Московской консерватории.»

Микали постоял, глядя на Парк-лейн, затем повернулся и посмотрел вниз, на Серпантин. Он сделал глубокий вдох, поднял лицо к дождю.

— Великолепно, — сказал он. «Раннее утро в Лондоне. Ничего подобного. Если только ты не предпочитаешь запах влажных каштанов в Париже. Он положил руку на плечо Девилля. «Извини, старина, но так оно и есть».

Девиль пожал плечами. «У тебя есть целый день, чтобы передумать».

«Целый день репетиций», — сказал Микали. «Так что мне пора двигаться. Если Превин придет раньше меня, он настоит на том, чтобы заварить чай. Он всегда так делает, и это паршиво».

— Ты не возражаешь, если я воспользуюсь квартирой?

«Конечно, нет. Я сомневаюсь, что у меня будет время вернуться до концерта. Если ты передумаешь приходить, в кассе тебя будет ждать билет.»

Они стояли на краю тротуара, ожидая, пока переключится сигнал светофора, и он похлопал Девилля по плечу.

«Отличная ночь, Жан-Поль. Величайший в моей жизни, я думаю».

* * *

Когда «Тристар» начал снижаться в Хитроу под лучами послеполуденного солнца, Кэтрин Райли подчинилась просьбе пристегнуть ремень безопасности, а затем откинулась на спинку сиденья.

Она устала — устала больше, чем когда-либо в своей жизни. Усталый, злой и разочарованный. Она знала этот синдром хорошо, как и положено практикующему психологу. Как будто находишься в темном лесу в каком-то детском сне, не знаешь, какой путь выбрать, и какое-то безымянное зло быстро приближается.

Она закрыла глаза и увидела не Джона Микали, а темное, изуродованное лицо Асы Моргана, боль в глазах и внезапно с полной ясностью поняла, что была неправа.

Морган сказал, что она у него в долгу. Если это правда, то он заслужил ее честность и заботу, и это можно было выразить только одним способом.

Это было как укол в руку, новая энергия пробежала через нее. Она не могла дождаться, когда сойдет с самолета, была одной из первых в Иммиграционной службе, где предъявила свой паспорт и попросила немедленно связаться с ближайшим сотрудником специального отдела.

Было сразу после половины третьего, когда капитан Чарльз Рурк вернулся в свой кабинет в британском посольстве на Плутарху 1 в Афинах. Его телефон зазвонил почти сразу. Когда он поднял трубку, Бенсон, один из вторых секретарей с консульскими обязанностями, был на другом конце.

«Привет, Чарльз. Я попросил их на двери сообщить мне, когда ты войдешь. У меня тут почти час был парень, который надрывался, требуя временный паспорт, чтобы попасть домой. Его официальный разорван на куски.»

— Вряд ли это по моей части, старина.

«На самом деле, Чарльз, мне совсем не нравится его запах. Он заходит сюда, выглядя как бродяга, и когда я изучаю то, что осталось от его паспорта, он оказывается действующим офицером, если вам угодно, и полным полковником. Имя Морган.»

Но Рурк уже швырнул телефонную трубку и в бегах покидал свой офис.

Морган выглядел ужасно, черные с проседью волосы были взъерошены, как у цыгана, и ему очень нужно было побриться. Его льняной костюм, испачканный солью, съезжился и натянулся на плечах, швы разошлись.

«О, это ты», — сказал он, когда Рурк вошел в приемную. «На днях в аэропорту ты устроил из этого хорошую старую заварушку».

Рурк был в ужасе от его внешнего вида. — Боже милостивый, сэр, с вами все в порядке?

«Конечно, нет», — сказал Морган. «Меня удерживают кровь, мужество и фортепианные струны, но сейчас это не имеет значения. Чего я хочу, так это временный паспорт и место на первом самолете в Лондон сегодня днем.»

«На самом деле, я не слишком уверен в этом, сэр. Сначала я должен был бы проверить в другом месте. У меня строгий приказ, когда дело касается тебя».

— Бригадный генерал Фергюсон?

«Да, сэр».

«Итак, ты DI5? Это обнадеживает. Может быть, те лекции, которые я читал тебе в Академии в шестьдесят девятом, все-таки принесли какую-то пользу».

— Вы вспомнили меня, сэр?

«Конечно, я так и сделал. Никогда не забывай лица. Теперь ты заканчивай и сделай свой телефонный звонок.»

— Одну минуту, сэр, — Рурк наклонился вперед с озабоченным выражением на лице. «Разве это не кровь течет у тебя через рукав?»

«Я так и предполагаю, учитывая тот факт, что некий джентльмен пытался нанести мне телесные повреждения с помощью Walther PPK. Может быть, доктор тоже был бы в порядке, пока ты этим занимаешься? Только убедись, что он из тех, кто умеет держать язык за зубами, парень. Я не хочу, чтобы что-то удерживало меня от полета.»

Было почти шесть часов, когда Ким ответила на звонок в дверь квартиры на Кавендиш-сквер и обнаружила там Бейкера и Моргана.

Фергюсон был в столовой, ел в одиночестве за одним концом элегантного стола эпохи Регентства, салфетка была заправлена за воротник.

«Приятно пахнет», — сказал Морган. — В чем дело? — спросил я.

Говядина по-веллингтонски. Для гуркха Ким обладает замечательным талантом к традиционной английской кулинарии. Дорогой мой, ты выглядишь ужасно.»

«Я уже не так молод, как был, вот и все».

Он подошел и налил себе бренди из буфета. Фергюсон спросил Бейкера: «Никаких проблем, суперинтендант?»

— Он едва не погиб, сэ. Пока я ждал, быстро надвигался туман. Я должен представить, что Хитроу будет полностью закрыт еще через пару часов».

Фергюсон сделал плоток из своего бокала кларета и откинулся назад. — Ну что, Аса? — спросил я.

— Ну и что? — спросил я.

«Ну же, давай. Вы, совершенно очевидно, отправились в Грецию в поисках критского Любовника. Ты намеренно ускользнул от моего человека, а через четыре дня появляешься с парой огнестрельных ранений и испорченным паспортом, отчаянно желая как можно скорее вернуться в Англию».

— Все эти туристы, — сказал Морган. — Я просто не мог этого вынести. — Он осушил стакан. — Ничего, если я сейчас уйду? Я бы не отказался от нормального ночного сна.»

Фергюсон кивнул Бейкеру, который открыл дверь в гостиную. Вошла Кэтрин Райли.

— Боже Всемогущий, — с горечью сказал Морган.

«Не будь глупым, Аса. Доктор Райли действовал исключительно в ваших интересах и в очень сложных обстоятельствах. Она мне все рассказала.»

Кэтрин Райли стояла там, очень бледная, ожидая. Морган проигнорировал ее. — Где он? — спросил я.

«Mikali? Занят репетициями в Альберт-холле с Андре Превинном, а Превин, как всегда перфекционист, похоже, что они будут там вплоть до начала концерта».

— Довольно неловко для тебя.

«С какой стати это должно быть?» Фергюсон налил себе еще один бокал кларета. «Мы могли бы арестовать его прямо на сцене, но какой в этом смысл? Спроси у суперинтенданта.»

Морган повернулся к Бейкеру, который кивнул. «Запечатано наглухо, Аса, каждый вход охраняется. «У меня там сейчас более пятидесяти человек, помимо обычного персонала в форме, который обычно дежурит для сдерживания толпы. В основном в штатском, и все они вооружены. У меня даже длинноволосые из Призрачного отряда стоят в очереди за билетами вместе с Променадерами».

В холле зазвонил телефон, и Бейкер вышел. Фергюсон сказал: «Итак, как вы можете видеть, он ничего не добился. Пусть он даст свой концерт. Шоу, как говорится, должно продолжаться. В любом случае, мой дорогой Аса, Четвертую Рахманинова играют редко. Выступление Джона Микали на последнем вечере выпускного вечера — музыкальное

событие первой величины. Я бы ни за что не пропустил это.»

Кэтрин Райли повернулась, прошла в гостиную и захлопнула за собой дверь. Фергюсон вздохнул. «Женщины действительно самые извращенные из созданий, не так ли? Почему микали их привлекают?»

Бейкер вернулся с запиской. «Очевидно, этот француз, Девиль, который навещал Микали в Гидре, сейчас находится в квартире. Когда я связался с французской разведкой по поводу него, они подумали, что я сумасшедший. Он один из самых известных адвокатов по уголовным делам в Париже. В любом случае, они подключили его к компьютеру.»

— И что? — спросил Фергюсон.

— Один интересный момент, сэр. Он был рабом нацистов во время войны. Один из тысяч, отправленных в Восточную Европу для работы на угольных шахтах и так далее. Те, кто выжил, были возвращены русскими в тысяча девятьсот сорок седьмом».

Фергюсон мягко улыбнулся и повернулся к Моргану. — И что бы это подсказало тебе, Аса?

«КГБ?»

— Возможно, но их главной задачей было внедриться в самую французскую разведывательную систему в послевоенные годы. Я должен был думать, что советская военная разведка гораздо более вероятна. Судя по его голосу, у Девилла есть стиль, чего, как мне всегда казалось, явно не хватает в КГБ».

— Даже старую итонскую разновидность?

— Справедливое замечание. Фергюсон вытер подбородок салфеткой. «Но такой человек, как Микали. Это действительно удивительно. Почему, Аса? Каковы его мотивы?»

— Не имею ни малейшего представления. Я могу рассказать вам, откуда пришел его опыт, вот и все. Он вступил в Легион, когда ему было восемнадцать. Два года служил в Алжире в качестве десантника.»

— Как это очень романтично с его стороны.

— Прошу прощения, сэр, — перебил Бейкер. — Могу я спросить о Девилле? Ты хочешь, чтобы его подняли сейчас?»

— Минутку, суперинтендант. Фергюсон повернулся к Моргану. «Я думаю, Эйса, было бы политично на данный момент, если бы ты проскользнул в соседнюю дверь и помирился с доктором Райли».

«Что означает, что ты не хочешь, чтобы я участвовал в этом обсуждении?»

— Совершенно верно.

Бейкер подошел и открыл дверь в гостиную. Морган поколебался, затем прошел внутрь, и суперинтендант закрыл за ним дверь.

Кэтрин Райли стояла у камина Адама, положив руки на каминную полку, и смотрела на языки пламени. Она подняла голову и посмотрела на него в богато украшенное зеркало ormlu.

«Ты был в аду без карты, Аса. Я не мог оставить тебя там.»

«О, но ты умеешь обращаться со словами», — сказал он. «Я отдаю тебе должное. Вот что получается из дорогостоящего образования.»

— Аса, пожалуйста. — Теперь в ее голосе была настоящая боль.

— Я знаю, — резко сказал он. Страсть схватила тебя за горло и не отпускала. Но для кого? Я или он?»

Она стояла там, уставившись на него, ее лицо стало еще бледнее, и когда она

заговорила, ее голос был очень тихим.

Прошлой ночью мы мыли тебя вдвоем, Мария и я. Сколько раз тебя ранили? Пять? Шесть? И это только те шрамы, которые видны. Мне жаль тебя.»

Она прошла мимо него, открыла дверь и вошла в другую комнату. Фергюсон подняла глаза, и Бейкер повернулся к ней лицом.

— Теперь я могу идти? — спросила она.

Фергюсон взглянул на Моргана, стоящего в дверях. Она наклонилась вперед, положив руки на обеденный стол. — Пожалуйста! — настойчиво потребовала она. «Я больше не могу этого выносить».

Фергюсон сказал: «И куда бы вы пошли, доктор Райли?»

«Я пользуюсь квартирой друга на Дору-Плейс. Моя машина там. Я просто хочу вернуться в Кембридж как можно скорее».

Его лицо было очень спокойным, а голос на удивление мягким, когда он сказал: «И это то, что ты хочешь сделать? Вы совершенно уверены?»

— Да, — тупо сказала она.

— Очень хорошо. — Он кивнул Бейкеру. Тут доктор Райли в машине, суперинтендант. Пусть ее отвезут по этому адресу на Дору-Плейс. Мы всегда можем связаться с ней в Кембридже, если она нам понадобится».

Она направилась к двери, и Бейкер последовал за ней. Когда она открыла его, Фергюсон сказал: «Одно замечание, доктор. Пожалуйста, не пытайтесь покинуть страну, пока не получите полное разрешение службы безопасности. Мне действительно было бы очень неловко останавливать тебя».

Вошла Ким с накрытым блюдом. Фергюсон сказал: «Ах, пудинг. Я уже начал думать, что он забыл. Он сел и снова заткнул салфетку за шею, и гуркха подал ему. «Довольно особенный чизкейк, пропитанный Гран Марнье. Попробуй, Аса.»

— Нет, спасибо, — сказал Морган. — Но я выпью еще бренди, если ты не возражаешь.

— Угощайся. Твоя рука сильно болит?»

«Черта с два», — сказал ему Морган, что было правдой, и все же он намеренно преувеличил боль на своем лице, наливая щедрую порцию «Курвуазье» в рюмку.

Когда он проглотил, Бейкер вернулся. Фергюсон спросил: «Никаких проблем?»

— Никаких, сэр.

— Хорошо. Микали не предпринимал попыток уйти?»

«Нет, сэр, я только что позвонил на наш мобильный командный пункт на автостоянке. По последней информации, они только что закончили репетицию».

Фергюсон взглянул на часы. — Шесть пятнадцать. Дай мне подумать сейчас. Концерт начинается с Дебюсси. L» *Après-midi d» un Faune*, за которым следует симфония часов Гайдна. Это означает, что «Микали» выйдет примерно в восемь сорок пять с интервалом в девять тридцать.»

— И тогда мы поднимем его, сэр?

«После перерыва прием будет лучше, я думаю. Он почетный гость, не забывай. Было бы немного странно, если бы его там не было. Давайте сохранять нормальность, насколько это возможно, так долго, как мы можем».

«Позволь мне пойти с тобой».

«Мне жаль, Аса. Я понимаю, что ты чувствуешь, но ты сделал свою работу. На этом твое участие заканчивается. С этого момента это дело полиции.»

«Хорошо». Морган поднял руку. «Я знаю, когда я побежден. Предположительно, теперь я могу идти.»

Он повернулся к двери, и Бейкер сказал: «Подожди меня, Аса, я отвезу тебя домой».

Морган вышел, и Фергюсон сказал: «Действительно знает, когда он побежден. Вот когда он делает подобные замечания, я действительно волнуюсь. Отведи его домой. Я хочу круглосуточное наблюдение за его квартирой, пока все это не закончится».

— Я бы не стал беспокоиться, сэр. В таком состоянии, в каком он находится, я удивлен, что ему удалось дойти до двери».

«Если вы верите в то, что сказал Эйса Морган, суперинтендант, — сказал Фергюсон, — тогда вы действительно поверите чему угодно».

Когда Микали вошел в Зеленую комнату за сценой Альберт-Холла, его рубашка промокла от пота, и он дрожал от возбуждения. Он был хорош, он знал это. Самые тяжелые два дня репетиций, которые он когда-либо проходил, и перспектива самого концерта теперь была совершенно ошеломляющей.

Дверь открылась, и вошел режиссер с чайником чая, чашками, молоком и сахаром на старом жестяном подносе.

— Ты звонил в Хитроу? — Потребовал Микали, вытираясь полотенцем.

— Да, сэр. Прилетели оба дневных рейса из Афин, последний — как раз перед тем, как опустился туман».

— Великолепно, — сказал Микали. «Не забудь убедиться, что билет доктора Райли готов в кассе и у мэтра Девиля».

Когда режиссер открыл дверь, вошел Превин. — Все в порядке? — спросил я.

«Теперь это так», — сказал ему Микали. «Был ли я хорош там?»

— Неплохо, — усмехнулся Превин. «Местами».

— По местам? — спросил я. Микали громко рассмеялся. «Маэстро, сегодня вечером я собираюсь дать вам представление, которого вы ждали всю свою жизнь». Он похлопал Превина по плечу. — А теперь вый для разнообразия чашку приличного чая.

Когда они подъехали к Грэшем-Плейс, Бейкер попросил водителя подождать, и они поднялись по ступенькам ко входу.

Морган сказал: «Ты не хочешь выпить?»

«У меня нет времени».

Он дал Моргану сигарету, закурил сам, и они стояли на крыльце и курили, глядя на проливной дождь.

— Ты когда-нибудь задумывался, что все это значит, Гарри?

«Слишком поздно для тонких чувств, Аса. Примерно на двадцать пять лет позже, чем в твоём случае.»

«Так что же мне делать?»

«Иди спать, пока не свалился».

Другая полицейская машина остановилась на противоположной стороне улицы, и из нее вышел детектив-инспектор Стюарт, за которым последовали два констебля в форме. Они остановились у подножия лестницы.

Бейкер сказал: «Полковник Морган собирается удалиться на ночь. Если он изменит свои планы, попытается покинуть это помещение по какой-либо причине, вы немедленно возьмете его под стражу. Один из вас может наблюдать за этим входом из машины, другой обойдет двор сзади.

«Вас сменяют через четыре часа», — сказал им Стюарт. Они отошли, и он повернулся к Бейкеру. — Что-нибудь еще, сэр?

«Нет, садись в машину, Джордж, мы сейчас же уезжаем».

Морган спросил: «Все это законно, Гарри?»

«Фергюсон мог бы взять тебя под стражу, если бы захотел, пока все не закончится».

— По какому обвинению?

— Для начала подойдет подозрительный человек с огнестрельными ранениями без адекватного объяснения причин. — Он бросил сигарету в канаву. «Будь благоразумен, Аса. Иди спать.»

Он спустился по ступенькам, сел на заднее сиденье полицейской машины рядом со Стюартом, и его увезли. Морган посмотрел через улицу на другую машину, помахал молодому полицейскому за рулем, затем вошел внутрь.

Джок Келсо смотрел футбольный матч по телевизору, когда зазвонил телефон. Его дочь Эми, хорошенькая темноволосая девушка, вышла из кухни, вытирая руки о фартук, и ответила на звонок.

— Это полковник Морган, папа.

Келсо выключил телевизор и взял у нее трубку. — Полковник? — спросил я.

— Джок. У меня небольшая проблема. Полицейская машина, припаркованная у моей входной двери, и полицейский на заднем дворе, чтобы убедиться, что я не уйду. Бригадир Фергюсон хочет уберечь меня от неприятностей. Мне было интересно, можешь ли ты что-нибудь с этим сделать».

Келсо рассмеялся. — Господи, полковник, но с каждой минутой это все больше напоминает старые времена.

Морган положил трубку, открыл ящик стола и достал «Вальтер ППК». Он тщательно проверил магазин, затем установил глушитель Carswell на дуло.

Он начал чувствовать усталость, а это никогда не годилось. Он пошел в ванную, открыл шкафчик над раковиной и нашел маленькую бутылочку с фиолетовыми капсулами. Белфастские пули, как их называли в армии, потому что они были разработаны, чтобы помочь вам пережить плохие времена, когда отдых был невозможен. По две каждые четыре часа, и ты мог бы прожить сутки без сна. Единственная проблема была в том, что ты неделю после этого был как труп.

Он проглотил две таблетки, запив их стаканом воды, вернулся в гостиную, сел у окна и стал ждать.

Было сразу после семи пятнадцати, и Девиль готовил кофе на кухне в квартире на Аппер-Гросвенор-стрит, когда раздался звонок в дверь. Он встал, мгновенно насторожившись, и двинулся к кухонной двери, все еще держа банку с кофейными зернами в одной руке, а ложку в другой.

Звонок прозвенел снова. Очевидно, не Микали. У него был бы свой ключ, если только он не забыл его, но было маловероятно, что он появился бы в этот час так близко к концерту. Конечно, это могла быть Кэтрин Райли, но Девиллу пришло в голову, что у нее, скорее всего, будет свой собственный ключ.

Он решил оставить все как есть, и в тот же момент в замке загремел ключ, дверь открылась, и вошел Фергюсон. Девилл знал, что Бейкер стоит позади него с отмычкой в руке.

Фергюсон сказал: «Спасибо, суперинтендант. Ты можешь подождать внизу. Мы не

задержимся надолго.»

На нем была шинель того типа, который предпочитают офицеры Бытовой бригады, а его зонтик был мокрым от дождя. Он прислонил его к стулу.

— Ужасная погода для этого времени года. — Он слабо улыбнулся. — Думаю, ты меня знаешь.

Девилл, знакомый с лицами каждого важного начальника разведки в западном мире за всю свою карьеру, серьезно кивнул. Вот оно и пришло, подумал он, спустя двадцать пять лет. Момент, который всегда был возможен. Момент, когда они вошли в дверь за ним, когда меньше всего ожидали.

От одного кармана его жилета до другого тянулся брелок с золотым львом на цепочке для часов. Он небрежно коснулся его, нащупывая защелку.

Фергюсон сказал: «Это там, где ты ее хранишь, капсулу с цианидом?» Как это старомодно. Они выдавали их нам во время войны. Я всегда выбрасывал свои. Предполагалось, что это будет быстро, но однажды я был в присутствии генерала СС, который принял один и не переставал кричать в течение следующих двадцати минут. Отвратительный путь».

Он подошел к буфету, вытащил пробку из графина с виски и понюхал. Он одобритительно кивнул и налил себе.

— Что бы ты предложил? — спросил Девилл.

Фергюсон подошел к окну и посмотрел вниз, на залитую дождем улицу. «Ну, ты мог бы попробовать что-нибудь отчаянно героическое, например, сбежать, но, допустим, тебе удалось добраться до советского посольства, и тебя отправили домой. Я не думаю, что они были бы слишком довольны тобой. Видишь ли, в конце концов, ты потерпел неудачу, и я всегда понимал, что они не слишком заинтересованы в этом. Конечно, у них цивилизованное отношение к смертной казни. Они не вешают людей. Вместо этого они отправляют их в Гулаг, который, если верить Солженицыну, не особенно приятное место. С другой стороны, Москва всегда утверждала, что его работы являются злобной западной пропагандой».

— А альтернатива? — спросил Девиль.

«Французы — вы гражданин Франции, не так ли, мэтр Девиль? — имели бы право потребовать вашей экстрадиции, и их разведчики были очень чувствительны к российским агентам со времен дела Сапфира в шестьдесят восьмом и предположения, что на них проник КГБ. Вас, несомненно, передадут в Пятую службу, а они действительно очень старомодны, когда дело доходит до выжимания информации из людей. Я слышал, они все еще верят в силу электричества, особенно когда оно подключено к различным частям анатомии какого-нибудь несчастного индивидуума».

— А ты? — спросил Девиль. «Что бы ты мог предложить?»

«О, смерть, конечно», — весело сказал Фергюсон. — Мы что-нибудь придумаем. Автомобильные аварии — это всегда хорошо, особенно когда есть пожар. Это делает идентификацию обычно вопросом того, что находится в карманах».

— А потом? — спросил я.

«Покой, анонимность, спокойная жизнь. Пластическая хирургия может творить чудеса.»

— В обмен на нужную информацию?

Фергюсон подошел к графину и налил себе еще виски, затем повернулся, присев на край стола.

«В тысяча девятьсот сорок третьем, когда я был в SOE и работал с французским подпольем, я оказался, благодаря информатору, в руках гестапо в Париже, в их старой штаб-квартире на улице Соссе, позади Министерства внутренних дел. Тогда они еще верили в резиновые шланги. Очень неприятно.»

— Ты сбежал? — спросил я.

— Из поезда по дороге в концентрационный лагерь Заксенхаузен, но это старая история. Он подошел к окну и снова выглянул на улицу. «Тогда все было проще. Мы знали, где мы были. За что мы боролись. Но теперь...»

Последовало долгое молчание, прежде чем он сказал, не оборачиваясь: «Конечно, есть еще капсула с цианидом».

— Ты даешь мне выбор?

«Британское чувство честной игры, старина. Видите ли, я был старостой в Винчестере».

Он обернулся и увидел, что Девилл протягивает правую руку с маленькой черной капсулой в центре ладони. — Я так не думаю, большое вам спасибо.

— Превосходно. — Фергюсон осторожно взял его у него. «Мерзкие плитки». Он бросил его на паркетный пол и наступил на него каблуком.

— Что теперь? — спросил Девиль.

«О, я думаю, немного хорошей музыки», — сказал Фергюсон. — Тебе бы это понравилось. Я слышал, Джон Микали играет четвертую оперу Рахманинова в Альберт-холле сегодня вечером. Что-то вроде события.»

«Я уверен, что так и будет». Девиль надел свое темное пальто, взял с вешалки у двери черную шляпу-шляпу и взял трость с серебряным набалдашником.

«Одна вещь», — сказал Фергюсон. — Просто чтобы удовлетворить мое праздное любопытство. КГБ или ГРУ?»

— ГРЮ, — сказал Девилл. — Полковник Николай Ашимов.

Имя звучало странно на его языке. Фергюсон улыбнулся. «Как я и думал. Я сказал Моргану, что, по-моему, у тебя слишком много стиля для КГБ. Мы пойдем?»

Он открыл дверь, вежливо отступив в сторону, и Девиль вышел первым.

И в этот момент Кэтрин Райли, двигаясь в плотном потоке машин под проливным дождем по Северной кольцевой дороге, вывернула руль своего спортивного автомобиля MGB на боковую улицу и затормозила, чтобы остановиться.

Она выключила двигатель и некоторое время сидела, прислушиваясь к биению собственного сердца, крепко сжимая руками руль. Наконец, дыхание вышло из нее в долгом вздохе. Было только одно место в мире, куда она хотела поехать сейчас, и это, конечно, не Кембридж.

Она завела двигатель, проехала до конца улицы и повернула обратно к центру Лондона.

В Зеленой комнате за сценой Альберт-холла Микали встал перед зеркалом и поправил свой белый галстук. Затем он открыл свой несесер, снял накладное основание, обнажив Бернс и пружинную кобуру Martin с пистолетом Ceska. Он пристегнул кобуру к поясу на пояснице, затем надел свой элегантный черный фрак с белой гвоздикой в петлице.

На сцене оркестр приступал к завершающим аккордам 101-й симфонии Гайдна ре мажор, известной слушателям концертов по всему миру как «Часы».

Он открыл дверь и вышел в коридор. Режиссер-постановщик стоял в конце прохода, наклонного прохода, который служил артисту входом на сцену. Он немного продвинулся вперед, пока не увидел Превина на дирижерской трибуне, а за ним, слева от сцены, ложу лоджии в самом конце поворота, которую он зарезервировал для Кэтрин Райли. Не было никаких признаков ни ее, ни Девилля.

Его разочарование было острым, и он сразу же вернулся в Зеленую комнату, нашел монетку и набрал номер квартиры, используя телефон-автомат на стене. Он подождал, пока телефон на другом конце звонил целую минуту, затем положил трубку и попробовал снова с тем же отсутствием успеха.

— Давай, Кэтрин, — сказал он низким голосом. — Где ты, черт возьми, находишься?

Дверь открылась, и в комнату заглянул режиссер. — Десять минут, мистер Микали. Я могу вам сказать, что сегодня вечером там собралась очень старая публика».

Микали лучезарно улыбнулся. «Я не могу дождаться».

— Чашечку чая, сэр?

«Моя единственная слабость, Брайан, ты это знаешь».

Режиссер вышел, а Микали зажег сигарету и яростно курил, расхаживая взад-вперед. Он резко остановился, задушил сигарету и сел за старое пианино Chappell у стены, согнул пальцы и начал пробегать серию гамм.

Единственное, что заинтересовало водителя полицейской машины, припаркованной возле квартиры Морган, был цвет маленького мини-фургона, который подъехал. Ярko-желтый. Цветочная корзина — Интерфлора — служба доставки 24 часа в сутки.

На водителе была матерчатая кепка и тяжелая клеенчатая куртка цвета фургона с поднятым от дождя воротником. Он достал большой букет в подарочной упаковке, взбежал по ступенькам и вошел внутрь.

Первое, что увидел Морган, когда открыл дверь, был букет цветов, а затем фигура в желтом клеенчатом пальто прошла мимо него в квартиру.

Он закрыл дверь и, обернувшись, обнаружил, что это была, на самом деле, очень привлекательная молодая женщина, что стало заметно только тогда, когда она сняла матерчатую шапочку.

— И кто ты, черт возьми, такая? — спросил он, когда она расстегнула клеенку.

— Эми Келсо, полковник. Я немного подрос с тех пор, как ты видел меня в последний раз, но у нас нет времени на разговоры. Пожалуйста, надень пальто и кепку. У входа вы найдете желтый мини-вэн. Садись в машину и поезжай на Парк-стрит. Мой отец ждет там в белом Форде Кортине.»

— А как же ты? — требовательно спросил он, натягивая клеенку.

«Просто оставь Мини на Парк-стрит. Я заберу его в течение пяти минут. Двигайтесь».

полковник, пожалуйста!»

Морган поколебался, затем натянул матерчатую кепку, взял сумку и направился к двери. — И держи воротник поднятым.

Дверь за ним закрылась. Под клеенкой на ней был легкий городской плащ. Теперь ее руки потянулись к волосам, собранным высоко на макушке. Она быстро вынула шпильки, а затем расчесала волосы до плеч.

Через пару минут после того, как мини-вэн уехал, водитель полицейской машины увидел, как Эми Келсо вышла из подъезда. Она остановилась, глядя на дождь, затем спустилась по ступенькам и поспешила прочь.

Он смотрел, как она уходит с откровенным восхищением, поворачивает за угол и исчезает из виду. Он не был бы так доволен, если бы мог видеть, как она подходит к желтому мини-вэну на Парк-стрит, садится за руль и уезжает.

Когда Кэтрин Райли поспешила через стеклянный портик и вошла в фойе Альберт-холла, первым, кого она увидела, был Гарри Бейкер, разговаривающий с двумя полицейскими в форме. Он сразу увидел ее и остановил несколькими быстрыми шагами, когда она направилась к кассе.

— Итак, доктор, что все это значит?

«Меня ждет билет».

Он покачал головой, взял ее за локоть и снова решительно вывел на улицу. Неприметный на вид фургон стоял на небольшой официальной автостоянке, штаб-квартире Специального подразделения для операции. Машина Фергюсона была припаркована рядом с ним. Он сидел сзади с Девилем.

Бригадир открыл дверь и вышел. — Что случилось с Кембриджем?

«Я передумала», — сказала она. «Я решил, что хочу снова услышать, как он играет».

— И это все? Никаких глупых идей...?»

— Из-за чего, бригадир? Предупредить его? И куда он мог пойти?»

— Верно. — Фергюсон кивнул.

Она посмотрела мимо него на француза. — И вы тоже, месье Девиль?

— Похоже на то, мадемуазель.

Она снова посмотрела на Фергюсона. — Теперь я могу идти?

«Да, вы можете идти, доктор. Ты заслуживаешь своего последнего акта, если кто-то заслуживает».

Она повернулась и поспешила обратно к выходу. Фергюсон наклонился к машине. «Он должен начать в любой момент. Не хотите ли войти сейчас, мэтр?»

Девиль покачал головой. — Не совсем, бригадир. Видите ли, как это ни странно в сложившихся обстоятельствах, пианино как инструмент никогда не привлекало меня».

В Зеленой комнате Микали поправил галстук перед зеркалом, пока Превин ждал у двери. Раздался стук, и в комнату заглянул режиссер.

— Готово, джентльмены.

Превин улыбнулся и протянул руку. «Удачи, Джон».

Микали широко раскинул руки. «Кому это нужно? Для великого Микали все возможно.»

Альберт-холл был забит от пола до потолка, и, кроме лож второго яруса, Лоджии, балкона, партера, там было полторы тысячи гуляющих, многие на Галерее, основная масса набилась на Арену перед сценой, стоя плечом к плечу, прижавшись к перилам, в основном

молодые люди и студенты в маскарадных костюмах, обычная традиция в этот, последний вечер выпускных вечеров.

И когда Превин первым вышел на сцену, сопровождаемый Микали, рев был таким, какого Микали никогда не знал, заставляя кровь быстрее бежать по венам, наполняя его волнением и эмоциями.

Он стоял там, кланяясь снова и снова, а Превин смеялся и тоже аплодировал, а затем Микали повернулся и посмотрел на ложу лоджии в конце поворота, прямо напротив сцены, и увидел Кэтрин Райли, сидящую там.

Он пробрался сквозь оркестр, вынул гвоздику из петлицы и бросил ей.

Она поймала гвоздику, подержала ее, глядя на него сверху вниз, как во сне, затем поцеловала и бросила ему обратно. Микали вставил его в петлицу и послал ей воздушный поцелуй в ответ. Прохожие взвыли от восторга, когда он подошел к пианино и сел.

Весь шум в зале стих. Наступила полная тишина. Превин, как обычно, предпочитал дирижировать концертом со сцены и стоял очень близко к пианино.

Он полуобернулся к Микали, его лицо стало серьезным. Дирижерская палочка опустилась, и когда оркестр заиграл, пальцы Микали слились с клавиатурой.

Келсо повернул Кортину на Принс-Консорт-роуд и остановился у обочины. Он оставил двигатель включенным и повернулся к Моргану.

— Я могу еще что-нибудь сделать, полковник?

«Забудь, что ты когда-либо видел меня, если знаешь, что для тебя лучше».

«Это будет тот самый день», — сказал ему Келсо.

Морган, который был одет в старый плащ и твидовую кепку, предоставленные сержант-майором, вышел и наклонился к окну.

«Спасибо, Джок. А теперь убирайся отсюда к чертовой матери.»

Кортина быстро отъехала, и Морган поднял воротник своего пальто, защищаясь от дождя, и направился к задней части зала. Он остановился у статуи принца-консорта и посмотрел на задний вход. У подножия лестницы стояли трое полицейских в форме. На самом деле, по крайней мере, один дежурил у каждой второй двери, которую он мог видеть, кепки блестели под дождем.

В этот момент из-за угла выехал грузовик и остановился у входа для артистов. На боковой панели было написано название одной из самых известных пивоварен Лондона. Пока Морган наблюдал, трое или четверо носильщиков вышли в кепках и пальто от дождя и начали выгружать ящики с пивом, в то время как двое полицейских, дежуривших у этой двери, наблюдали.

Морган метнулся через дорогу и встал в тени сбоку от машины, ожидая подходящего момента. Двое молодых полицейских склонили головы друг к другу, смеясь. Вышел носильщик, взял ящик и вернулся внутрь. Морган, не колеблясь, обошел задний борт, взял следующий ящик, взвалил его на плечо и направился прямо к двери.

Раздался взрыв смеха со стороны полицейских, но он уже был позади него. Он миновал контору привратника сцены слева от себя, повернул направо в коридор и продолжал идти, осознавая, что швейцар в нескольких ярдах впереди него, очевидно, направлялся к одному из баров.

Он подошел к открытой двери справа, ведущей на лестницу. Он быстро прошел, бросил ящик в тени и поднялся на следующую лестничную площадку.

Теперь он очень отчетливо слышал оркестр и пианино, где-то совсем рядом, и вышел в

один из длинных изогнутых коридоров, столь типичных для Альберт-холла. Напротив была дверь с надписью «Выход». Он открыл ее, вошел внутрь и оказался во главе прохода, ведущего вниз к лестнице и Арене с левой стороны сцены. И вот, наконец, появился Джон Микали.

Микали, близкий к концу заключительной части, ждал, сгибая пальцы, пока оркестр исполнял тему, глубоко дыша, готовясь к огромным физическим усилиям, которые потребуются в последние минуты.

Он посмотрел на Андре Превена, внимательно наблюдая за ним, ожидая, и в тот же момент увидел, как за дирижером открывается выходная дверь наверху трапа и входит Аса Морган.

Потрясение было настолько сильным, что на мгновение он застыл, словно окаменев. Кэтрин Райли, которая внимательно наблюдала за ним, проследила за его взглядом, но Морган уже отступил за дверь и исчез.

Боже мой, подумал Микали. Он жив. Ублюдку действительно удалось выжить, и теперь он пришел за мной. Строчка из Бусидо промелькнула у него в голове. Нет более глубокого одиночества, чем у самурая. Возможно, никто, кроме тигра в джунглях.

Он не боялся, но был полон яростной радости, своего рода ликования. Превин резко кивнул, и Микали погрузился в драматический финал концерта, который из всего его обширного репертуара он сделал особенно своим, сыграв так, как никогда в жизни не играл.

И в конце раздался такой рев публики, какого он никогда не слышал за всю свою музыкальную карьеру. Они все аплодировали. Оркестр, Превин, Прохожие прижались к перилам, потянувшись к нему. Он посмотрел на лоджию, увидел, что Кэтрин Райли стоит там, вцепившись в перила, и смотрит на него сверху вниз, затем Превин схватил его за локоть и толкнул вниз по Корридону.

Режиссер стоял за пределами Примерной, держа в каждой руке по бокалу шампанского. «Я никогда не слышал ничего подобного», — сказал он, когда шум усилился, Прохожие начали скандировать имя Микали.

Микали глотнул теплого шампанского и слегка улыбнулся. «Я был хорош, маэстро, или только местами?»

Превин, явно сильно тронутый, поднял тост за него. «Мой дорогой друг, иногда в жизни бывают замечательные моменты. Сегодняшний вечер определенно был одним из них. Я благодарю тебя.»

Микали улыбнулся и выпил еще шампанского, глядя мимо него в конец прохода, где он соединялся с главным коридором, и подумал о Моргане, на свободе в этом старом кроличьем норе здания, вероятно, ожидающем там, в тени.

И во время той стычки на вилле в Гидре он сказал, что хочет забрать Микали себе. Сейчас нет причин думать иначе. В конце концов, ничего не изменилось.

Рев становился все настойчивее. Превин сказал: «Давай, Джон, если мы не вернемся, они захватят сцену».

Когда они появились снова, толпа начала скандировать: «Микали! Микали!» и полетели цветы, университетские шарфы, шляпы. Теперь вся аудитория стояла и аплодировала. Благодарю его за то, что он позволил им поделиться уникальным опытом.

Он кивнул, улыбнулся, помахал обеими руками, послал воздушный поцелуй Кэтрин Райли, и все, о чем он мог думать, это о том, что был только один путь со сцены, который был прямо по корридору в коридор за тем местом, где Морган будет ждать — должен был

быть.

И тут ему пришло в голову, что это не совсем так. Он повернулся и пожал руку Первой скрипке, прошел мимо него и приблизился к перилам. Внизу, двенадцатью футами ниже, был проход, ведущий в коридор Арены.

Он наклонился вперед, махая первой линии Прохожих. — Ты действительно слишком, — крикнул он. «Слишком красиво для слов. Я не думаю, что смогу вынести больше.»

Он поставил одну ногу на поручень и просто исчез из виду, вниз, в проход. Раздалось несколько криков, внезапный шум, но он благополучно приземлился, хлопнула входная дверь, и он исчез.

А потом был только смех и бурные аплодисменты, все присоединились, даже оркестр, к тому, что, несомненно, было самым неортодоксальным уходом со сцены крупного артиста, которого когда-либо видели в долгой истории Королевского Альберт-холла.

Коридор Арены был пуст, но в любой момент люди могли хлынуть в коридоры на каждом уровне здания, направляясь к барам во время перерыва. Третья выходная дверь вывела его на лестницу, ведущую к заднему входу.

Гарри Бейкер разговаривал с двумя полицейскими в форме в фойе внизу. Микали мгновенно узнал его, повернулся и пошел обратно вверх по лестнице.

Может быть, он ошибался? Что Морган все-таки поступил разумно? Он поспешил по коридору Арены, все еще пустынному, и направился к выходу, ведущему к кабинету привратника сцены и входу для артистов.

Добравшись до него, он осторожно огляделся и увидел двух полицейских в форме, стоящих внутри, прячась от дождя, чего он никогда раньше не видел за все время своего пребывания в Альберт-холле.

Этого было достаточно. То шестое чувство, которое так долго поддерживало в нем жизнь, чуя опасность, как какой-нибудь зверь в джунглях, подсказало ему, что он в большой беде.

Он повернулся и поспешил обратно по коридору Арены, странная, элегантная, одинокая фигура в белом галстуке и черном фраке, а мгновение спустя Андре Превен и целая толпа людей в вечерних костюмах появились из-за поворота впереди и устремились на него.

Через секунду он был окружен взволнованными поклонниками. Превин сказал: «Что ты пытался там сделать? Сломать себе шею? Это был уникальный способ покинуть сцену — даже в последний вечер выпускного вечера».

«Просто пытаюсь добавить к традиции свой маленький вклад», — сказал Микали.

«Ну, они все ждут тебя в комнате принца-консорта. Герцогиня Кентская, посол Греции, премьер-министр. Сделано не для того, чтобы заставлять их ждать. Превин рассмеялся. — Это Англия, ты же знаешь».

Он взял Микали за локоть и решительно повел его по коридору.

Лестница, ведущая в комнату принца-консорта, была забита людьми, и Кэтрин Райли пришлось приложить все силы, чтобы пробиться сквозь нее. Она, наконец, дошла до стеклянных дверей и обнаружила, что путь ей преградил швейцар в униформе.

— Приглашение, пожалуйста, мисс.

— У меня его нет, — сказала она. — Но я личный друг мистера Микали.

— Как и многие другие люди сегодня вечером, мисс. — Он указал на переполненную лестницу, и группа студентов начала кричать: «Микали! Mikali!»

За стеклянными дверями она могла видеть зал, заполненный элегантно одетыми женщинами, мужчины в основном были в вечерних костюмах, за исключением старшего суперинтенданта Гарри Бейкера в темно-синем костюме, стоявшего спиной к двери.

Она протянула руку за портьеру и постучала по стеклу. Пока носильщик удерживал ее, Бейкер обернулся. Он серьезно посмотрел на нее на мгновение, затем открыл дверь.

— Все в порядке, я разберусь. Он взял ее за руку и повел в угол лестничной площадки. «Это бесполезно, доктор, ему конец. Для тебя больше ничего нет.»

— Я знаю это, — сказала она.

Он стоял там, уставившись на нее сверху вниз на мгновение, а затем он сделал удивительную вещь. Он нежно пригладил ее волосы одной рукой и покачал головой.

«Женщины. Вы все одинаковые. Ты никогда не учишься, не так ли?»

Он открыл дверь, отошел в сторону и жестом пригласил ее войти.

Эдвард Хит, премьер-министр Великобритании, сам был музыкантом незаурядных способностей, и он с энтузиазмом пожал руку Микали.

«Весьма необычно, мистер Микали. Ночь, которую нужно запомнить.»

— Что ж, благодарю вас, сэр.

Микали пошел дальше, ведомый Превином к герцогине Кентской, которая была такой же очаровательной и знающей, как всегда.

«Я не думаю, что вы записывали четвертую часть Рахманинова вместе, не так ли?» — спросила она.

Превин улыбнулся. «Нет, мэм, но я думаю, мы можем с уверенностью сказать, что после сегодняшнего выступления Джона это упущение должно быть исправлено в самом ближайшем будущем».

Микали оставил их разговаривать и пошел дальше, пожимая десятки рук. Он сделал паузу, чтобы поговорить с посланцем Греции, на самом деле не понимая, что тот говорит, его глаза беспокойно блуждали по комнате, наполовину ожидая увидеть изуродованное лицо Моргана, смотрящее на него из толпы.

Вместо этого он увидел Кэтрин Райли у двери, стоящую рядом с Бейкером. Он криво улыбнулся, так много вещей теперь встало на свои места, и направился к ней. И затем, когда толпа расступилась, он увидел Фергюсона и Жан-Поля Девиля, стоящих у стены и пьющих шампанское.

Он поколебался, затем подошел к ним. — Жан-Поль, — непринужденно сказал он.

Девилл сказал: «Я думаю, вы знаете бригадира Фергюсона».

Микали достал из внутреннего кармана элегантный золотой портсигар и выбрал сигарету. — Только по репутации. Вы сделали отличное фото, бригадир.» Он предложил это дело. — Боюсь, греческий. Я очень этнический. Они могут не понравиться вам.»

«Наоборот». Фергюсон взял одну и прикурил.

— А полковник Морган из «деяти жизней»? Разве он не присоединяется к нам?»

«Нет», — сказал Фергюсон. «Я бы не сказал, что он надежно укрыт в постели, но он находится под тем, что вы могли бы назвать домашним арестом. Естественно, только на время вечерних мероприятий. Это казалось разумным поступком. Видишь ли, он скорее хотел заполучить тебя для себя.»

— Домашний арест, говоришь? — Микали громко рассмеялся. — Что ж, вы здорово скрасили мне вечер, бригадир.

Прозвучал пятиминутный сигнал предупреждения о начале второго тайма. Фергюсон

сказал: «Выхода нет, мой дорогой друг, ты это понимаешь? Используя старомодную фразу, любимую британскими полицейскими, лучше действовать тихо».

«Но, мой дорогой бригадир, разве я когда-нибудь делал что-нибудь тихо?»

Греческий посол похлопал его по плечу. «Для нас было бы честью, если бы вы присоединились к нашей вечеринке в моей ложе во второй половине концерта».

— Очень рад, господин посол, — сказал Микали. — Я буду всего на несколько минут.

Он повернулся к Фергюсону, который больше не улыбался. «Ваше сегодняшнее выступление было тем, что я надолго запомню, но мне бы не хотелось, чтобы оно стало вашей эпитафией. Подумай об этом.»

Он тронул Девилля за руку. Француз грустно улыбнулся. «Я говорил тебе, что произойдет, Джон. Ты бы не стал слушать.»

— Но ты ошибался, старина. Микали улыбнулся. — Ты сказал, что это может быть в следующую среду, но сегодня субботний вечер.

Они вышли через дверь, и Микали смотрел им вслед, люди толпились вокруг него. Бейкер исчез, но Кэтрин Райли все еще стояла, ожидая у стены, все еще отделенная от него массой людей.

Он протолкался к ней и встал, засунув руки в карманы, сигарета свисала из уголка его рта. И когда он улыбнулся, сердце у нее перевернулось.

«Ты давно знаешь?»

«Со времен Гидры наверняка. Я нашел Моргана в горах в плохом состоянии, или он нашел меня».

Микали кивнул. «А, теперь я понимаю. Если это имеет для тебя какое-то значение, его дочь была несчастным случаем. Я пытался скучать по ней. Это было просто невозможно.»

— Почему, Джонни? — спросила она.

Он прислонился к стене рядом с ней, и на мгновение между ними возникла полная близость. — Я не знаю. Мне всегда казалось, что люди умирают из-за меня. Я полагаю, что это было естественным продолжением этого. И проблема в том, что я был чертовски хорош в этом. Но ты же доктор, доктор. Ты мне скажи.»

«У тебя был талант», — сказала она. «Такой особенный подарок. Ты показал это сегодня вечером. И в конце...»

— Слова, ангел, — сказал он. «Ничто не вечно, все проходит». Когда греческий посол вышел со своей свитой, Микали взял ее за руку и последовал за ней. «Знаешь, мне сказали, что в этом старом кроличьем логове несколько миль коридоров, и ни одной прямой линии в этом месте. Все по кругу, один поворот за другим, и Аса Морган может поджидать вокруг любого из них».

— Вряд ли, — сказала она. — Бригадир Фергюсон запер его на ночь в своей квартире на Аппер-Гросвенор-стрит.

«Ну, он не слишком хорошо справился с этим. Около двадцати минут назад я видел, как он стоял в дверях выхода из прохода прямо под вашей ложей, и он выглядел не слишком дружелюбно. Имейте в виду, я должен сказать, что это добавило некоторого острого ощущения в последние минуты моего выступления».

Она схватила его за руку, заставляя остановиться. — Что ты собираешься делать?

«Что ж, присоединяйтесь к послу Греции и его компании в их ложе на второй тайм. Традиционная еда. Помпезность и торжественность Элгара, «Фантазия на тему британских морских песен», и в конце все в проклятом месте вступают за «Иерусалим» и поют от

всего сердца. Последняя ночь выпускного вечера, ангел. Как я мог пропустить это, даже для Асы Моргана?»

Она в ужасе отвернулась от него и побежала к ближайшей выходной двери. Микали продолжал идти в хвосте группы посла, отставая на шаг или два, быстро поворачивая к следующему выходу из коридора, к которому они пришли, и стоя в тени лестничной площадки, ожидая, пока их шаги не затихнут вдали.

Последовало короткое молчание, а затем оркестр заиграл марш Элгара «Помпезность и обстоятельства».

Он тихо сказал: «Хорошо, мой друг, посмотрим, сможем ли мы тебя найти», — и вышел в пустынный коридор.

Гарри Бейкер разговаривал с инспектором в форме в фойе заднего входа, когда Кэтрин Райли нашла его. Она, очевидно, была сильно расстроена, и он схватил ее за руки.

«Вот, что это такое?»

— Эйса, — сказала она. «Он здесь — где-то в здании. Микали знает. Он видел его в Зале перед самым антрактом.»

— Боже всемогущий! — воскликнул Бейкер. — Где сейчас Микали? — спросил я.

«Он присоединился к вечеринке греческого посла во второй половине».

Он толкнул ее на сиденье. «Хорошо, ты остаешься там».

Он коротко переговорил с инспектором, а затем на бегу скрылся наверху по лестнице.

Фергюсон и Девиль вернулись на заднее сиденье лимузина бригадира на автостоянке, когда из фургона командного пункта появился сержант полиции и позвал его. Через некоторое время Фергюсон вернулся в машину.

— Неприятности? — спросил Девиль.

— Можно и так сказать. Кажется, Аса Морган где-то в здании.»

«Итак, этого домашнего ареста, о котором вы говорили, было явно недостаточно, чтобы удержать его, но тогда вы рассчитывали на это, я думаю?»

Фергюсон сказал: «Критский любовник и Джон Микали. Все выйдет наружу. Обязана И что бы он получил? Не веревка, а пожизненное заключение, это просвещенный и либеральный век. Ты можешь себе представить, что это сделало бы с таким человеком, как он?»

— Значит, ты предпочитаешь, чтобы Морган сыграл за тебя роль палача?

«Аса всегда неплохо справлялся с ролью публичного палача. В любом случае, живой Микали нам напрямую не нужен. Ты есть, и его безвременный уход чрезвычайно упростил бы твое собственное положение».

— Очень ловко, — сказал Девиль. — За исключением одного довольно важного момента, который вы, похоже, упустили из виду.

— И что бы это могло быть?

«Ну, что с таким же успехом может оказаться, что ваш полковник Морган окажется на спине с пулей между глаз».

Гарри Бейкер спустился по лестнице в фойе заднего входа. Когда Кэтрин встала, он сказал: «Никаких признаков его присутствия в ложе греческого посла. Я проверил.»

Он повернулся к инспектору и начал говорить с ним низким, настойчивым голосом. На мгновение о Кэтрин Райли забыли, и она тихо поднялась наверх, пустившись бежать, когда завернула за угол и скрылась из виду.

Она остановилась на лестничной площадке под комнатой принца-консорта, где проходил прием, не зная, что делать или куда идти дальше.

Слабо, со стороны Зала, она могла слышать волнующие звуки помпезности и торжественности Элгара, а затем, совершенно неожиданно, и к ее полному изумлению, она услышала звук фортепианного аккомпанемента, доносящийся сверху.

На этот раз идти было некуда, Микали это знал. Выхода нет. Последняя баррикада и, стоя там в тени, прислушиваясь к Помпезности и обстоятельствам, эхом доносящимся из Зала, он вспомнил Касфу, запах гари, четырех феллагов, приближающихся к нему, когда он

лежал там, прислонившись к колодцу, крепко держась за жизнь, отказываясь отпустить. Они ждали его долгое время. Долгое время.

Он мягко сказал: «Давай облегчим тебе задачу».

Он поднялся по темной лестнице справа. Он осторожно открыл дверь наверху и заглянул в комнату принца-консорта. Конечно, там было пусто, как он и ожидал, единственный обитатель — его второе «я», отраженное в длинном зеркале в дальнем конце. Это мрачное элегантное существо, которое так долго преследовало его.

— Ладно, старина, — позвал он. «В последний раз, так что давай сделаем все правильно».

В углу у окна стоял концертный рояль, Шидмайер. Подойдя к нему, он достал золотой портсигар, выбрал одну из греческих сигарет и закурил. Затем он открыл крышку Schiedmayer и сел. Он достал Ceska и положил ее наготове на конце клавиатуры.

— Хорошо, Морган, — тихо сказал он. «Где ты?» и он начал играть «Помпа и обстоятельства» с большим воодушевлением, следуя отдаленным звукам оркестра в зале.

Когда на лестнице послышались шаги, появилась не Морган, а Кэтрин Райли. Она прислонилась к дверному проему, чтобы перевести дыхание, затем подошла ближе.

«Это безумие. Что ты делаешь?»

«Пытаюсь немного подразнить Элгара. Я и забыла, какой он веселый.»

Теперь он играл довольно блестяще и очень громко, склонившись над пианино, сигарета свисала из уголка его рта.

Звук доносился вниз по лестнице, по этим изгибающимся коридорам, так что Эйса Морган, ожидавший в тени у прохода в Зеленую комнату, сразу же повернулся и начал подниматься по лестнице, положив руку на рукоятку «Вальтера» в правом кармане плаща.

И звук достиг даже Бейкера, стоявшего с инспектором в фойе заднего входа. Он повернулся и побежал вверх по лестнице, инспектор и два констебля следовали за ним по пятам.

«Пожалуйста, Джон, если я когда-нибудь вообще что-то значил для тебя».

— О, но ты это сделала, ангел, — улыбнулся Микали. «Помнишь то утро в Кембридже, на задах на берегу реки? Это было подстроено, потому что мне нужно было встретиться с тобой, чтобы убедиться, что Лизелотт не представляет для меня угрозы».

— Теперь я это знаю.

— Не то чтобы это имело значение. Правда в том, что ты была единственной женщиной, которую я когда-либо знал, о которой я действительно заботился. Есть ли шанс, что ты мог бы мне это объяснить?»

А затем Аса Морган вышел из тени и заполнил дверной проем.

Микали перестал играть. — Ты потратил на это свое чертово время, не так ли?

Вдалеке оркестр был погружен в фантазию на тему британских морских песен.

Морган сказал: «Сейчас я здесь, и это все, что имеет значение».

«Поле битвы — это земля, усеянная трупами». Микали улыбнулся. «Китайский военный стратег по имени Ву Чи сказал это довольно давно. Я бы сказал, что это идеально подходит для нас с тобой, Морган. В конце концов, между нами не так уж много выбора».

Его рука взметнулась вверх, держа «Ческу». Кэтрин Райли закричала, пробегая между ними с вытянутыми руками.

«Нет, Джон!»

Когда Микали, колеблясь, начал вставать, Морган опустился на одно колено и дважды

выстрелил из «Вальтера», обе пули попали Микали в сердце, подняв его обратно над табуреткой для фортепиано, убив его мгновенно.

А потом, каким-то образом, Бейкер оказался там и трое полицейских. Морган остался у двери, прижимая «Вальтер» к бедру. Кэтрин Райли ждала, опустив руки по швам, пока Бейкер склонился над Микали.

— Он мог застрелить тебя, Эйса, — глухо сказала она. «Только я встал на пути. Он колебался, потому что я встал у него на пути».

Бейкер встал и повернулся, держа в руках «Ческу». «Нет, любимая, ты все неправильно поняла. Он не собирался ни в кого стрелять, не из этого пистолета. Он пуст. Посмотрите сами. Он вынул магазин.»

Инспектор разговаривал тихим голосом с домашним телефоном на стене за баром. «Свяжите меня с командным кораблем. Бригадир Фергюсон.»

Кэтрин Райли вышла вперед и опустилась на колени рядом с Микали. Его белая рубашка спереди была запачкана кровью, но на лице не было никаких следов, глаза были закрыты, и он слегка улыбался.

Она убрала волосы с его лба, затем очень осторожно сняла белую гвоздику с его лацкана. Гвоздика, которую он бросил ей в коробку на лоджии. Гвоздика, которую она поцеловала и бросила ему обратно.

Она повернулась и вышла, проشمгнув мимо Морган, не сказав ни слова.

— Кейт? — позвал он и сделал движение, чтобы пойти за ней.

Бейкер схватил его за руку. — Отпусти ее, Аса. Просто отдай мне пистолет.»

Морган передал ему «Вальтер», и Бейкер разрядил его. «Теперь чувствуешь себя лучше? Вернуло ли это Меган?»

Морган подошел и встал над телом Микали. — Почему он это сделал?

«Ну, наугад, Эйса, старина, я бы сказал, что это выглядит примерно так. Ты хорош, но он знал, что он лучше, и он не мог себе этого позволить, не в этот раз. Ему больше некуда было идти.»

«Черт бы его побрал!» — сказал Морган.

«Это точка зрения. Кстати, Эйса, ты читал сегодняшнюю «Дейли телеграф»? Получил список последних армейских повышений. Наконец-то ты добился своего. Бригадир. Теперь ты можешь даже послать Фергюсона к черту, если хочешь.»

Но Морган больше не слушал. Он повернулся и выбежал в коридор. Там было пусто, если не считать Кэтрин Райли, исчезнувшей за поворотом в дальнем конце.

«Кейт?» — крикнул он, и когда он побежал, публика в зале взорвалась бурными аплодисментами в конце фантазии «Песни моря».

Когда он добрался до верха лестницы, ведущей вниз, в главное фойе, ее не было видно. Он прошел по ним через две за раз и вышел прямо через стеклянные двери. Позади него оркестр, хор и весь зал разразились великолепными мелодиями «Иерусалима».

Шел сильный дождь, дорога была забита машинами. Когда он спускался по ступенькам, Фергюсон вышел ему навстречу, держа зонтик над головой.

— Поздравляю, Аса.

«То, чего ты хотел, не так ли? Я знал это с самого начала. Мы оба любили. Все та же старая чертова игра, как всегда.»

«Аккуратно сказано».

Морган широко огляделся вокруг. — Где она? — спросил я.

— Вон там. — Фергюсон кивнул через дорогу. «На твоём месте я бы поторопился, Аса.

Но Морган, лавируя между машинами под проливным дождем, опоздал, потому что, когда он добрался до другой стороны, она уже миновала Мемориал Альберта и исчезла в темноте парка.

Больше книг на сайте - Knigoed.net